

Л В Ф Г Ъ

АВОСЬ ДА НЕБОСЬ:

загадки русского языка

C.20

К 25-летию издания памятника мировой культуры

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ
ЖИВАГО
Е.И.БОРУСКАГО

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.
РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.
РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.
РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

www.russkiymir.ru

МЫ САМИ В ОТВЕТЕ ЗА СВОЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРУ

ОЧЕРЕДНОЙ УДАР НАНЕСЕН ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ и русской культуре на постсоветском пространстве. В Латвии принят закон, согласно которому школы нацменьшинств с 2020 года перейдут на преподавание большинства предметов на латышском языке. Уроки на русском предполагается оставить лишь для нескольких предметов (русский язык, русская литература), а также для «предметов, связанных с культурой и историей». Реализация реформы начнется с 1 сентября.

Волна протестов, прокатившаяся по русской общине Латвии (а русскоязычные составляют 40 процентов населения страны), проигнорирована. При этом двуязычная система образования была введена в школах нацменьшинств еще в 2004 году. Уже сейчас в старших классах русских школ на русском языке можно преподавать только 40 процентов предметов.

Можно сколь угодно долго и дальше выражать протесты по этому поводу и апеллировать к разным европейским инстанциям, ссылаясь на права человека и прочие гуманитарные ценности. Мало сомнений в том, что все эти протесты будут проигнорированы. Просто потому, что в «цивилизованной Европе» считают, видимо, что русские – в том числе в Латвии – оказались не на той стороне истории. Хотя, конечно, вам никто этого вслух не скажет, а будет даже, возможно, улыбаться.

Нам никто не поможет. В сохранении русского языка, своей самобытности и культуры. Только сами. В Латвии, Литве, Эстонии, Казахстане и на Украине. Где бы то ни было.

Только сами. ⚡

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российской общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Ректор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор
департамента науки,
высоких технологий
и образования
Аппарата
Правительства
Российской
Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.
Помощник заместителя председателя правительства

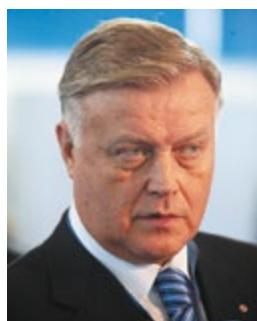
ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор
департамента
специальной связи
МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления
президента
Российской
Федерации
по межрегиональным
и культурным связям
с зарубежными
странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента
Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

- 06** Соотечественники – с Россией
12 Русские Латвии просят Европу вмешаться
16 Сергей Михалков. От частного к общему...
18 Слагаемые мастерства

РУССКИЙ ЯЗЫК

- 20** Авось, небось и ничего

ИНТЕРВЬЮ

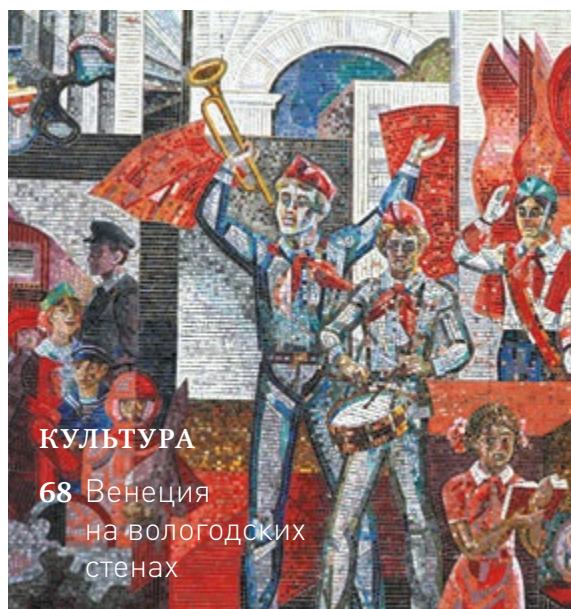
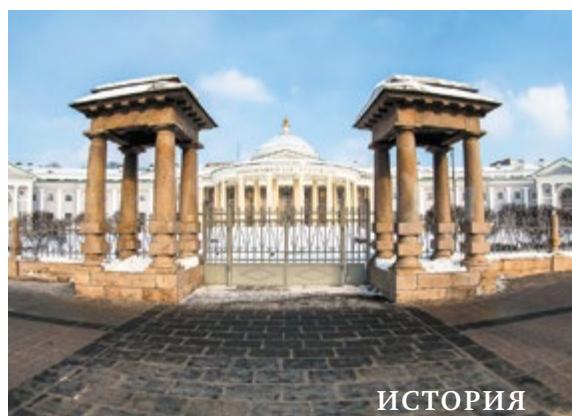

- 24** «Идеалы – это не дар, это труд...»

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

- 62** Авантуры «штабс-капитана» Ивана

74 Русская
усадьба
с французским
акцентом

82 Поднебесная
Замотаевых

ЗАРИСОВКИ ЖИЗНИ

86 Арифметика семьи

**ЛЮДИ
И ВРЕМЯ**

90 Начни
с себя

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Арина АБРОСИМОВА
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Юлия ГОРЯЧЕВА
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Зоя МОЗАЛЕВА
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО
Галина УЛЬЯНОВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке:
коллаж Олега БОРОДИНА

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ – С РОССИЕЙ

АВТОР

АНДРЕЙ СИДЕЛЬНИКОВ

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ, ПРОДВИЖЕНИЕ ПРАВДЫ О РОЛИ НАШЕЙ СТРАНЫ В БОРЬБЕ ПРОТИВ НАЦИЗМА, УКРЕПЛЕНИЕ СВЯЗЕЙ С РОДИНОЙ – ЭТО ЛИШЬ НЕМНОГОЕ, ЧТО МОГУТ СДЕЛАТЬ НАШИ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ, ПРОЖИВАЮЩИЕ ЗА РУБЕЖОМ. НАИБОЛЕЕ ОСТРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЛНУЮЩИЕ НАШИХ ГРАЖДАН И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ДИАСПОР ЗА ГРАНИЦЕЙ, ОБСУДИЛИ УЧАСТНИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ФОРУМА «ВМЕСТЕ С РОССИЕЙ», КОТОРЫЙ ПРОШЕЛ 4–5 МАРТА В МОСКВЕ.

Организатором форума выступил фонд «Русский мир». Участниками мероприятия стало более 450 человек из 74 стран. Гостей приветствовали председатель попечительского совета фонда «Русский мир», президент Российской академии образования, президент Санкт-Петербургского университета Людмила Вербицкая и председатель правления фонда «Русский мир», глава комитета Госдумы по образованию и науке Вячеслав Никонов.

ЕДИНСТВО РУССКОГО МИРА

Один из главных вопросов, обсуждавшихся на форуме, – реализация избирательных прав граждан России, проживающих за рубежом, во время выборов президента. Людмила Вербицкая отметила необходимость консолидации единства Русского мира. «Демократия – это не когда к власти приходят люди, по недоразумению называющие себя демократами. А когда народ может избрать власть, выражающую интересы своего народа, а не заокеанских мудрецов», – добавил

Вячеслав Никонов, отметив, что Россия принадлежит к тем немногим странам, которые сохраняют суверенитет и могут формировать власть, выражающую интересы всей страны. Он напомнил, что избирательные участки к выборам президента РФ открыты в 143 странах. Около 2 миллионов людей стоят на консульском учете, а еще примерно 500 тысяч российских граждан находятся за границей, в служебных командировках или на отдыхе.

Член Центральной избирательной комиссии Василий Лихачев сообщил, что за границей работает 400 избирательных участков. По его словам, кампания 2018 года отличается подъемом патриотизма среди российских граждан, повышенным вниманием международного сообщества, а также атмосферой русофобии, которая наблюдается в некоторых странах.

Успешное проведение выборов на участках, расположенных за рубежом, зависит от решения двух задач, заявил представитель МИД РФ Андрей Нестеренко. Первая – это информирование российских граждан о том, где и как можно проголосовать. А вторая – создание максимально комфортных условий для того, чтобы каждый избиратель, желающий принять участие в выборах, смог сделать это. По словам Нестеренко, при организации участков не забыли и о российских специалистах, работающих на больших совместных объектах, например на строительстве АЭС в Иране и Белоруссии. Избирательные участки были созданы также в местах массового пребывания российских туристов.

«Единство Русского мира должно проявиться в нашей общности прошлого, настоящего и будущего», – сказал Вячеслав Никонов, добавив, что это единство проявляется и в проходившем на днях праздновании освобождения Плевны от османского господства. Вячеслав Никонов заявил: главное – у нас есть будущее, будущее страны, которая решает проблемы бедности, обеспечивает свою безопасность с помощью умной силы, что является гаранцией мира не только для России, но и для всего мира. Он отметил, что участие в выборах – это совместное строительство такого будущего.

ВЛАСТЬ НАРОДА

Демократия стала темой подиумной дискуссии «Народовластие в России и российские избиратели за рубежом». Тема «недемократической России» звучит сейчас на Западе постоянно, отметил ведущий дискуссии Вячеслав Никонов. «Россия, безусловно, демократическая страна, и демократический процесс в нашей стране развивается», – заявил он. По мнению Вячеслава Никонова, претензии к России на Западе возникают потому, что результаты выборов не соответствуют западным ожиданиям.

«Либеральный дискурс еще долго не выветрится из голов наших коллег и партнеров», – считает участник дискуссии, заместитель председателя Государственной думы РФ Петр Толстой. По его мнению, действительно важно только то, что мы можем сделать и какую страну мы оставим нашим детям. Наши избиратели хотят сами выбирать, как им жить, уверен Петр Толстой. Он напомнил, что главной темой послания президента Федеральному Собранию РФ стали не ракеты, а необходимость качественного рывка в будущее, не только технологического, но и цивилизационного. Самостоятельный выбор России, желание жить, сообразуясь с собственными интересами,

а не так, как продиктуют в той или иной мировой столице, и раздражают Запад, считает зампред российской Госдумы. «Россия всегда ставила перед собой задачи более амбициозные, чем могли бы себе позволить расчетливые европейские страны», – уверен Петр Толстой.

Около 220 тысяч российских граждан проживают в Приднестровье. Республика обеспечила работу 24 участков. «Приднестровье не

В дискуссии принял участие глава Приднестровья Вадим Красносельский

Депутаты Светлана Журова и Петр Толстой

добивается независимости – мы уже независимы, – заявил президент Приднестровской Молдавской Республики Вадим Красносельский. – Мы добиваемся признания. Приднестровье стремится быть вместе с Россией, мы благодарны за понимание наших проблем и за сохранение мира на нашей земле». О роли фонда «Русский мир» в объединении соотечественников напомнила чемпионка мира и олимпийская чемпионка, первый заместитель председателя комитета Госдумы РФ по международным делам Светлана Журова. «Некоторые упрекают нас, что Россия придумала себе другой путь. Но именно сейчас он проявился как путь сохранения семейных и человеческих ценностей. Возможно, это не нравится тем, у кого другие планы на человечество. Но мы и дальше будем транслировать свои ценности на весь мир. И никакие санкции не смогут этот остановить», – сказала Светлана Журова.

О высокой степени согласия по вопросам внешней политики, проводимой руководством страны, заявил член Совета Федерации Федерального Собрания РФ, председатель Временной комиссии СФ по информационной политике и взаимодействию со средствами массовой информации Алексей Пушков. Он уверен, что консенсус охватывает 95 процентов населения. «Этот консенсус был серьезно испытан колоссальным давлением по Сирии в 2012–2013 годах, затем по Украине, Крыму, опять по Сирии, потом введением санкций», – отметил сенатор, добавив, что результатом этого давления стало появление в России лобби, поддерживающего санкции. Речь идет о производителях, которые выиграли на освободившемся от западных конкурентов рынке.

«Наши противоречия с ведущими западными странами проходят не только по вопросам geopolитики – в Сирии и на Украине. Лидеры западного альянса убеждены в том, что у нас не та политическая система и у власти должны быть прозападные либеральные силы. Но убедительных кандидатов у них нет. И это вызывает отторжение нынешней политической реальности.

Третья зона противоречий – новые ценности, которые превращаются в новую религию либерального мира. Это и однополые браки, и изъятие детей из семей. На Западе это рассматривается как прогресс, а у нас – как отклонение от норм. Это не просто мода, это серьезное идеологическое явление. Идет де-христианизация Европы», – сказал Алексей Пушкин.

О работе Русско-немецкого культурного центра в Нюрнберге рассказала Ирина Фиксель, возглавляющая этот центр более двадцати лет. В Германии проживает огромная русскоязычная диаспора. Одна из задач сегодня – выработка мотивации для сохранения в диаспоре русского языка и культурных традиций. В современном мире никого не интересует, кто где живет, уверена Ирина Фиксель. Главное – кто что чувствует и с какой культурой связан духовно.

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ

Ведущей подиумной дискуссии «Внешняя политика Российской Федерации и соотечественники» выступила руководитель Россотрудничества Элеонора Митрофанова. О том, как менялось отношение государства к гражданам, проживающим за рубежом, рассказал первый заместитель председателя комитета Государственной думы по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками Константин Затулин. «До перестройки в СССР эмигранты первой, второй и третьей волн рассмотривались как враги и противники. Но постепенно стало приходить понимание, что такое число образованных людей, оказавшихся за пределами нашей родины, обеднило развитие большой России», – сказал депутат. Среди проблем, с которыми соотечественники сталкиваются, проживая вдали от родины, Константин Затулин выделил две, на решении которых сосредоточены российские власти. Это оказание помощи в изучении и сохранении русского языка, а также упрощение процедуры получения российского гражданства.

Рост русофобии на Западе отметила председатель Европейского

Вадим
Красносельский
и сенатор
Алексей Пушкин

Константин
Затулин –
последователь-
ный сторонник
выстраивания
тесных
отношений
с русскоязычной
диаспорой

русского альянса, представитель русскоязычной диаспоры Латвии Татьяна Жданок. Она напомнила о резолюции, принятой Европарламентом в 2017 году, которая призывает противодействовать так называемой «российской пропаганде». Жданок уверена: санкции не сработали, теперь тактика в отношении России будет меняться. Она предположила, что россиянам предложат прекрасный образец в виде Запада, а примером интеграции в европейское сообщество станет Украина.

Многие прежние российские партнеры поддались пропаганде и отвернулись от нашей страны, но на соотечественников Россия всегда может положиться, уверен глава де-

partmenta MИD РФ по работе с соотечественниками Олег Мальгинов. Дипломат отметил, что не все проблемы можно решить в московских кабинетах, многое зависит от диаспор на местах. Мальгинов призвал россиян, проживающих за рубежом, к гражданской консолидации, подразумевающей сотрудничество на благо России.

«Будущее Русского мира зависит от того, как мы работаем с нашей молодежью, имеет ли она возможность заниматься русским языком, получать образование, учиться в школах, посещать Россию в образовательных целях, а также учиться в российских вузах», – считает заместитель министра образования и науки РФ Павел Зенькович. Одной из проблем русскоязычных школ за рубежом являются трудности с получением российской аккредитации и необходимых лицензий. Эти вопросы обсудят руководители русских школ с коллегами из Россотрудничества и Минобрнауки в ходе большого семинара, который будет организован уже в этом году. Другой проблемой Зенькович назвал нехватку учебников, пособий и других материалов. Он выразил надежду, что в 2018 году эта проблема будет решена путем создания российской электронной школы. Речь идет об онлайн-ресурсе, на котором учителя и учащиеся найдут все необходимые учебники и материалы по дополнительному образованию.

«Мы считаем себя россиянами», – заявил первый заместитель министра образования и науки Донец-

Председатель Европейского русского альянса Татьяна Жданок

кой Народной Республики Михаил Кушаков. Он отметил, что основной язык в ДНР – русский, но на территории республики продолжают работать школы и кафедры, где учат украинскому языку. Кушаков поблагодарил Россию и фонд «Русский мир» за открытие в Донбассе трех Русских центров, а также за школьные учебники и помощь в восстановлении школ и детских садов, за возможность детям из прифронтовых районов выезжать на отдых в Россию.

«Мы – часть России, а Россия – это наша жизнь», – заявила под аплодисменты зала Марина Дадикозян, председатель Координационного совета организаций российских соотечественников Болгарии. Она заверила, что соотечественники за рубежом могут быть очень полезны в распространении объективной информации о России. Дадикозян рассказала, что акция «Бессмертный полк», которая проходит более чем в 40 городах Болгарии, так понравилась местным жителям, что в ней теперь охотно принимают участие и сами болгары.

«Нами хотят управлять как вассалами», – заявил князь Александр Трубецкой, председатель «Франко-российского диалога», отметив, что навязывание однополярного мира затрагивает всех русских. Он призвал всех постоянно помнить слова Петра I: «Русский тот, кто Россию любит и ей служит». Александр Трубецкой уверен: наши соотечественники должны вести информационную войну в ответ на кампанию, развернутую против России.

Наталья Нарочницкая призвала соотечественников к единству

НАСЛЕДИЕ РУССКОГО МИРА

Поддержка и защита русского языка за пределами России, продвижение русской культуры, противодействие фальсификации истории стали темами подиумной дискуссии «Как сохранить русское наследие за рубежом?». Вел дискуссию специальный представитель президента РФ по международному культурному сотрудничеству Михаил Швыдкой. «Понятно, что нас всех объединяет всемирная

акция «Бессмертный полк». Естественно, что для всех нас защита исторической памяти и культурного наследия – это тот фундамент, на котором строятся наши отношения с Россией, как для живущих в ней, так и для тех, кто живет за ее пределами», – сказал он.

Наши соотечественники хранят настоящую любовь к России, уверена президент Фонда изучения исторической перспективы, руководитель Европейского института демократии и сотрудничества Наталья Нарочницкая. «Вы своей любовью и в силу своего положения на чужбине оказались способнее, чем даже мы внутри, подняться на высоту птичьего полета и увидеть, что на самом деле ожидает Россию, что она должна сохранять, почему она должна стиснуть зубы и преодолеть все внутренние распри, обрести единство и задуматься о своей истории», – сказала она, обращаясь к гостям форума.

Положение дел в Киргизии генеральный директор Православного благотворительного Владимирского общества поддержки образования и культуры в Киргизской Республике Станислав Епифанцев проиллюстрировал на примере Олимпийских игр, которые прошли в Южной Корее. Победа сборной России по хоккею у местных жителей вызвала всеобщий подъем, радость и гордость, отметил он.

Ведущим подиумной дискуссии выступил Михаил Швыдкой

А во время финального матча хоккейного турнира вся страна болела «за наших», как здесь называют сборную России.

Президент Международного культурно-просветительского союза «Русский клуб», директор Тбилисского русского театра Николай Свентицкий напомнил о взаимном вкладе русских и грузин в культуру двух стран. Он рассказал об усилиях русской общины в Грузии по восстановлению статуса дома Смирновой-Россет (Табидзе) в Тбилиси, а также о созданной в сотрудничестве с правительством

российской столицы выставке под названием «Грузинская Москва». Президент Благотворительного фонда сохранения искусства русского романса «Романсиада» Галина Преображенская рассказала о значении русского романса для продвижения и сохранения русской культуры за пределами России.

О наступлении властей Латвии на русские школы напомнила журналист из Риги Алла Березовская. Она призвала соотечественников помочь в борьбе за сохранение русских школ.

Тематика дискуссий вызывала огромный интерес у участников форума

После каждой дискуссии спикеров не сразу отпускали журналисты

ОБЩАЯ ПАМЯТЬ

Наших соотечественников объединяет память о наших предках, о ее славных страницах и, конечно, память о Великой Отечественной войне, напомнил Вячеслав Никонов, представляя проект Министерства обороны «Память народа». Он отметил, что проект носит глобальный характер и в контексте целей форума просто необходимо рассказать о нем.

Интерактивный сервис «Память народа» представил генерал-майор Валерий Кудинский. По его словам, он создан на основе общедоступных баз данных «Мемориал» и «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». В объединенную базу вошли 92 процента документов об участниках войны, которые находятся в Центральном архиве оборонного ведомства – оцифрованные на настоящее время документы. Это более 106 миллионов страниц различных архивных документов. В том числе 23 миллиона страниц документов о потерях военнослужащих, электронные копии 32 тысяч дел с донесениями воинских частей о безвозвратных потерях и 9,7 миллиона отдельных записей о потерях. В базе есть сканированные паспорта 44 тысяч захоронений. Оцифровано также более 80 процентов документов о награждениях, это 12,5 миллиона страниц. В систему загружено более 18 миллионов записей из наградных документов с описаниями подвигов и представлений к наградам.

Сервис «Память народа» дает возможность искать участников Великой Отечественной войны по фамилиям, именам, местам призыва, местам предполагаемой гибели или захоронения, а также по сведениям о наградах. Пользователи получили уникальную возможность загружать из Сети документы и самостоятельно изучать боевой путь фронтовиков, читать описания подвигов, искать, где захоронены погибшие. Появился простор и для самостоятельных исследований ключевых событий войны – 227 основных сражений Великой Отечественной сопровождаются отсканированными документами, которые были созданы в частях и соединениях.

О том, какую работу ведет Минобороны поувековечиванию памяти участников Великой Отечественной войны, свидетельствуют цифры, приведенные Валерием Кудинским. По словам генерал-майора, на учте в Минобороны России находятся 11 994 воинских захоронения в иностранных государствах, из них на территории СНГ – 6435, стран дальнего зарубежья – 5559. В них захоронены 1 111 493 погибших воина, из которых известны поименно 826 306 человек. Только в прошлом году за рубежом выявлены 22 ранее неизвестных места захоронения советских солдат, паспортизировано 259 воинских захоронений, установлено 18 557 ранее неизвестных имен захороненных.

ВДОХНОВЛЯЮЩЕЕ «ДВИЖЕНИЕ»

Для гостей форума были организованы просмотр отечественного фильма «Движение вверх» и встреча с творческим коллективом создателей кинокартины. Приятным сюрпризом стала встреча с участником легендарной игры между сборными СССР и США в финале Олимпийских игр 1972 года – олимпийским чемпионом Алжаном Жармухamedовым. Было что рассказать и консультанту проекта, сыну баскетболиста Сергея Белова, Александру Белову. Он не только исполнил небольшую роль – игрока сборной Геннадия Вольнова, но и выступил как постановщик всех игровых сцен в фильме.

В основу картины легла реальная история – победа сборной Советского Союза над сборной США в финальном матче мужского баскетбольного турнира XX летних Олимпийских игр, проходивших в Мюнхене. Спортивная битва, которая состоялась в ночь с 9 на 10 сентября 1972 года, навсегда запомнилась миллионам отечественных болельщиков.

Фильм «Движение вверх» стал самым кассовым за 25 лет в России. Его посмотрело более 12 миллионов зрителей, он собрал свыше 3 миллиардов рублей. Фильм получил положительные отзывы отечественных критиков, а за границей он был воспринят неоднозначно. Например, в США прокат этой спортивной драмы запрещен.

Результаты выборов в России отражают реальные предпочтения граждан, заявил Вячеслав Никонов

Василий Лихачев уверен: Русский мир переживает подъем

ОТСТАИВАТЬ ПРАВА И ИНТЕРЕСЫ

Работа Международного форума «Вместе с Россией» завершилась принятием итоговой резолюции, которую зачитал председатель редакционной комиссии, французский журналист Дмитрий де Кошко.

«Одобрить государственную политику Российской Федерации, направленную на отстаивание прав и законных интересов российских граждан и соотечественников, проживающих за рубежом, сохранение и расширение культурного

и духовного пространства Русского мира, поддержать меры по ее активизации», – говорится в документе. Участники форума пришли к выводу, что необходимо активнее принимать участие в российских общественно-политических, социальных и культурных процессах, содействовать сохранению исторической памяти, противостоять попыткам фальсификации истории и реабилитации фашизма, способствовать деятельности государственных и общественных организаций по поддержке русского языка и популяризации русской культуры. Они также поддержали предложения об упрощенном получении российского гражданства для проживающих за рубежом соотечественников, в том числе для тех, кто намерен переехать на постоянное место жительства в Россию.

В резолюции предложено усилить работу государственных и общественных органов по вопросам образования, сохранения русского языка, обеспечения свободного доступа к культурным ценностям России для российских граждан, проживающих за рубежом. Рекомендовано также принять меры по обеспечению прав соотечественников на получение высшего образования в России.

ЗАЧЕМ ОГОРОД ГОРОДИТЬ?

Власти Латвии отказались даже рассматривать петицию о сохранении билингвального образования, которую подписали в Интернете 14 тысяч граждан Латвии. В свою очередь, Центральная избирательная комиссия приняла решение не регистрировать заявку на проведение референдума по принятию закона об автономии школ нацменьшинств, поданную «Русским союзом Латвии». Зато на ура на всех слушаниях в Сейме проходит законопроект, уничтожающий двухвековое русское образование... Спешка, в которой он принимается, отсутствие в стране достаточного числа преподавателей латышского языка и учителей, которые смогут на профессиональном уровне вести уроки в школах нацменьшинств на госязыке, вызывают недоумение у многих специалистов. Выпускники билингвальных средних школ без особых проблем поступали в вузы, где обучение проходит только на латышском языке. Казалось бы, зачем огород городить?

Во-первых, парламентские выборы осенью. А чем латышский избирательный округ порадовать? В стране банковский кризис, цены на электричество взросли до небес. А тут такой подарок от министра образования – школы русские закроем! Русские будут возмущаться? Назовем их маргиналами, которые не хотят учить латышский язык. Учителья возражать будут? А мы уволим их

РУССКИЕ ЛАТВИИ ПРОСЯТ ЕВРОПУ ВМЕШАТЬСЯ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

НЕСМОТРЯ НА АКТИВНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ, МНОГОТЫСЯЧНЫЕ АКЦИИ ПРОТЕСТА, МИТИНГИ, УЛИЧНЫЕ ШЕСТВИЯ И МАРШИ, ПАРЛАМЕНТ ЛАТВИИ УЖЕ ВО ВТОРОМ ЧТЕНИИ УТВЕРДИЛ ЗАКОНОПРОЕКТ О ПОЛНОМ ПЕРЕВОДЕ ВСЕХ ШКОЛ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ НА ЛАТЫШСКИЙ ЯЗЫК ОБУЧЕНИЯ.

ВКОНЦЕ ФЕВРАЛЯ В ГО- родском парке активисты народного движения в защиту русских школ отметили день рождения первой русской школы в Риге, открытой в 1789 году по указу российской императрицы Екатерины II. Все эти двести с лишним лет школы для русских детей никогда не закрывались на латвийской земле – ни во время войн и революций, ни во время немецкой оккупации.

Русский язык является родным для 37 процентов населения Латвии, в стране действует около 80 школ, где преподавание ведется с использованием русского языка в тех или иных пропорциях. Парламент Латвии своим решением фактически выносит им смертный приговор. В результате около 100 тысяч русскоязычных детей лишатся пра-

ва учиться на родном языке даже в младших классах школы.

Посол России в Латвии Евгений Лукьянов назвал грядущую реформу школьного образования «насильственной ассимиляцией». Перевод всех школ нацменьшинств только на государственный язык обучения – это грубейшее нарушение рамочной Конвенции о защите прав нацменьшинств, Европейской хартии региональных языков и Конвенции о правах ребенка. Русская община Латвии выступила против намерения властей лишить их права на выбор языка обучения детей. Русские здесь – не эмигранты и не беженцы, они живут на этой земле на протяжении уже многих веков. Но их законные права нарушаются в угоду местным национальным патриотам, призывающим к построению латышской Латвии.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

В Риге отметили 229-ю годовщину со дня открытия первой русской школы, основанной специальным указом императрицы Екатерины II от 1788 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

за нелояльность, на их место поставим педагогов из закрывающихся латышских школ! К тому же 100-летие Латвийской Республики в ноябре отмечать надо. Вот и отрапортуем: покончили с русскими школами! И будет всем счастье...

И это еще не все «подарки»: законодатели предложили разрешить предвыборную агитацию только на латышском языке, нарушителям – штрафы до 5 тысяч евро. Работодателям хотят запретить при приеме на работу требовать знание русского языка, а медикам, полицейским и представителям прочих профессий в общении с гражданами Латвии, негражданами и обладателями вида на жительство разрешить использование только госязыка. Кто не понимает, пусть нанимает переводчика... Ну и как обычно – вишенка на торте: объявить 16 марта – день памяти латышских легионеров Ваффен СС – официальным памятным днем.

ПРОСНИСЬ, ЕВРОПА!

Поскольку латвийская политическая элита с высокомерием отнеслась к предложениям русской общины по поводу сохранения школьного образования на родном языке хотя бы в нынешнем его урезанном виде, мартовская акция протesta на сей раз была проведена у посольства Франции. От французского посольства около 5 тысяч участников шествия прошли мимо памятника Свободы, остановившись у посольства старейшины Европейского союза – Германии. Если совесть латышских политиков русскоязычные жители Латвии ранее пытались пробудить с помощью школьных колокольчиков, то разбудить Европу было решено с помощью барабанов. Оглушительная барабанная дробь в исполнении профессиональных музыкантов не смогла заглушить лозунги, которые хором скандировали протестующие: «Долой ассимиляцию!»,

Мартовский марш в Риге в защиту права русской общины на выбор языка обучения в школах собрал около 5 тысяч человек

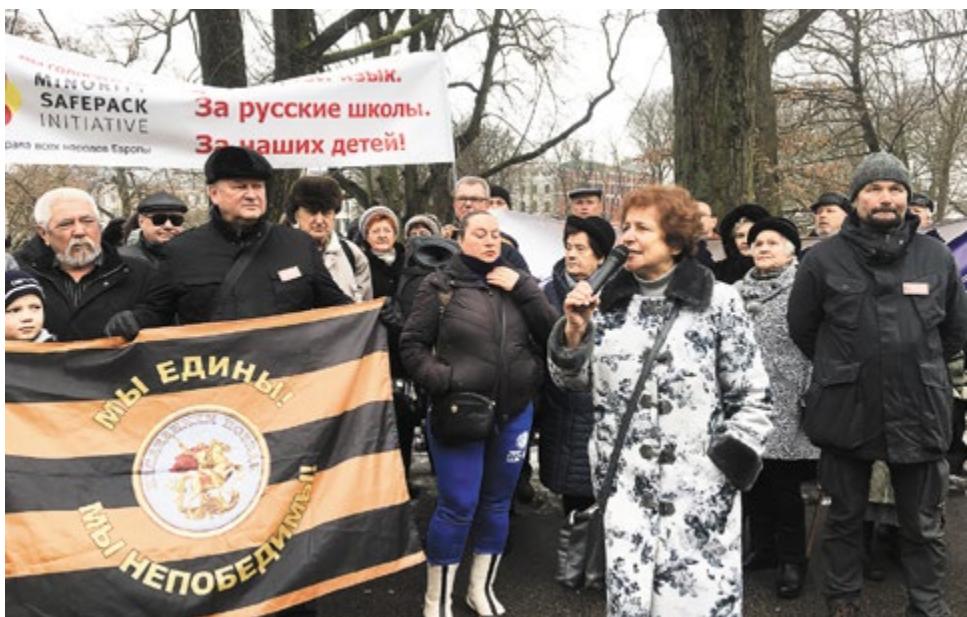
«Руки прочь от наших школ!», «Русским школам двести лет – вот нацистам наш ответ!» И – «Вмешайся, Европа! Не то всем будет плохо!»... Об этом же «кричали» плакаты, большинство из которых на сей раз было написано на английском языке – специально, чтобы поняли европейские чиновники.

Колонна участников марша дошла и до здания представительства ЕС в Риге, где продолжился митинг, организованный лидерами РСЛ. Приехал из Брюсселя Мирослав Митрофанов, заменивший недавно в Европарламенте Татьяну Жданок. А Татьяна Аркадьевна, сложив с себя полномочия европарламентария, вернулась в Ригу, чтобы возглавить борьбу за права русскоязычного населения Латвии. На митинге она призвала всех граждан активно включиться в сбор подписей под петицией в защиту прав нацименьшинств, которая идет по всей Европе. Если по всем странам ЕС будет собран миллион подписей, то Еврокомиссия обязана будет рассмотреть петицию.

Жданок поддержал коллегу по Европарламенту депутат Андрей Мамыкин, рассказавший о своей недавней беседе с председателем Еврокомиссии Жан-Клодом Юнкером, который только от него и узнал о проблемах в Латвии. И посоветовал распространять эту информацию по всей Европе. Кстати, про мартовскую, самую массовую за последние десять лет акцию в защиту русских школ рассказали наконец и по «Евроньюс»!

ИЗБЕЖАТЬ НАСИЛИЯ

Выступал на митинге католический священник Константин Боярс, который, несмотря на свои 86 лет, специально приехал из соседнего городка Огре, чтобы поддержать русских сограждан. Он прошел вместе с ними весь маршрут. Пастор напомнил о временах, когда латыши мирно жили с русскими и те и другие свободно говорили на двух языках. «Я этого понять не могу – как это одним махом хотят сделать всех латышами? – искренне возмутился священник. – Это просто уму непостижимо!.. Я бывал во многих странах Европы, там до такого изувечения никто не додумался!

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Нам здесь не нужна конфронтация с русскими, я призываю вас настойчиво противостоять наглым планам наших политиков!» Активный участник Штаба защиты русских школ Илья Козырев был еще более категоричен, сказав, что мы защищаем не только свои школы и будущее русской общины Латвии. «Мы защищаем мирное будущее нашей страны. Латышская элита пытается построить Латвию для латышей и избавиться от русских. Они не имеют возможности поступить с нами так, как с евреями в 1941 году, поэтому они стараются выдавить нас из страны или ассимилировать... Нас лишают возможности защищать свои интересы мирным путем, отвергают без обсуждения наши предложения, наши петиции выбрасывают в мусор... В латышской прессе уже появились прямые призывы к гражданской войне. РСЛ обратился в Полицию безопасности по этому поводу, но ответа нет. Поэтому я обращаюсь к Евросоюзу. Помогите нам избежать насилия! Вмешайтесь сейчас, потому что, когда в Латвии русские и латыши начнут убивать друг друга, будет уже поздно», – призвал активист.

На митинге продолжился сбор подписей под обращением в ООН, ПАСЕ, ЮНЕСКО и ко всем странам о сохранении школ нацменьшинств Латвии. Уже собраны тысячи подписей граждан и жителей страны, призывающих латвийские власти соблюдать права человека, остановить дискриминацию нацменьшинств.

В ОЖИДАНИИ ВЕРХОВНОГО

На недавнем форуме соотечественников «Вместе с Россией», в котором мне тоже довелось принимать участие, особенно интересно было послушать популярного российского телеведущего Петра Толстого, ныне – заместителя председателя Госдумы. Правнук Льва Толстого в качестве главы российской делегации в Парламентской ассамблее ОБСЕ принимал участие в переговорах с верховным комиссаром ОБСЕ по вопросам нацменьшинств Ламберто Заньером. Как писали СМИ, Петр Толстой на той встрече говорил о необходимости отказа от двойных стандартов при защите интересов нацменьшинств и затронул вопрос об ущемлении прав русских на Украине и в Прибалтике. В перерыве мне удалось поговорить с депутатом Госдумы и узнать, услышит ли Европа при посредничестве России русский голос Латвии.

С прошлого года в Латвии прошло уже около десяти акций протеста против планов правительства ликвидировать образование на русском языке. Но власти остались глухи к требованиям народа...

– Мы считаем происходящее в странах Балтии в отношении национальных меньшинств грубым нарушением всех европейских норм и конвенций. И будем жестко добиваться того, чтобы русские в Прибалтике были восстановлены в своих правах, – заверил Петр Толстой. – В XXI веке наличие неграждан – это позор Европы. И отдельно – позор для Прибалтийских республик. Мы будем всеми имеющимися у нас методами поддерживать восстановление прав русских и русскоязычных жителей в странах Балтии.

– **И как верховный комиссар воспринял ваши слова?**

– Мы говорили о том, что если не быть лицемерами, то они тоже не могут все время делать вид, что ничего особенного не происходит. Заньер признал наличие проблемы. И заверил меня, что лично поедет в Латвию и Литву, чтобы самому во всем убедиться. Я лишь опасаюсь, что встречи европейского чиновника высокого уровня ограничатся общением с официальными властями. Но тут уж многое зависит от активности вашей русской диаспоры и общественности.

– **Русская община Латвии собирается отправить верховному комиссару обращение о сохранении образования на языке нацменьшинств. Но русскоязычные жители Латвии на протяжении последних двадцати лет постоянно стучатся в двери различных международных организаций, пытаясь привлечь их внимание к своим проблемам. Ситуация, увы, меняется только в худшую сторону.**

– Думаю, если будет личное обращение, Ламберто Заньер не оставит его без внимания. Со своей стороны и Россия тоже будет помогать своим соотечественникам за рубежом. Мы должны иметь возможность сохранить наш язык, нашу культуру, возможность обучения детей на родном языке вне зависимости от страны проживания, будь то Германия, Латвия, Франция, США. Россия будет добиваться этого последовательно, настойчиво и на всех международных площадках.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Зампред председателя Госдумы РФ Петр Толстой заверил, что Россия и впредь будет поддерживать своих соотечественников за рубежом

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

СВОИХ В БЕДЕ НЕ БРОСАЮТ

Выступая перед соотечественниками на подиумной дискуссии «Как нам сохранить и приумножить культурно-историческое наследие Русского мира», я рассказала представителям русского зарубежья из 84 стран о ситуации с русской школой в Латвии, которой в эти дни власти Латвии выносят смертный приговор. Наше обращение – это сигнал SOS и ко всему русскому зарубежью.

Русских сейчас бьют по всем фронтам – политика, культура, спорт... В Латвии – это русские школы и русские дети. Им нужна наша поддержка. Поддержка всего Русского мира. Студенты Луганского университета им. Даля первыми начали флешмоб в поддержку русских школ Латвии. Их фотография с табличкой «Сохранить русские школы в Латвии!» на фоне университета появилась в социальных сетях в дни митинга русской общины и стала для нас важной моральной поддержкой. Только

Афины. Молодежь из греческой русской диаспоры первой присоединилась к флешмобу в поддержку соотечественников Латвии

представьте: Луганск, война, смута, блокада. А студенты первыми протянули руку помощи русским Латвии!..

Памятники представителям русской культуры есть почти во всех странах. Если бы все друзья Русского мира включились в акцию поддержки русских Латвии: сделали бы на фоне памятников флешмоб с табличкой «Берлин. Поддерживаем русские школы Латвии!», «Париж. Поддерживаем русские школы...», «Рим...», «Вена...», «Вашингтон...» – это бы стало важнейшим знаком солидарности с полутора миллионным русским населением Латвии.

На форуме этот призыв был услышан соотечественниками. Первые

Таиланд. Паттайя.
Педагоги
и воспитанники
детского центра
«Семицветик»
поддержали
русские школы
в Латвии

Друзья из Страны Басков (Испания)
тоже выступают в защиту прав
нацменьшинств

ми откликнулись Афины! Ребята и девушки из Сектора молодежи Координационного совета российских соотечественников Греции сфотографировались на фоне Афинского университета с табличками в руках: «Афины. Мы поддерживаем русские школы в Латвии!» Размещенный в социальных сетях снимок солидарности моментально разлетелся по миру, за два часа набрав более тысячи просмотров и перепостов.

Вслед за Афинами на следующий день были Хельсинки. Аналогичное фото было сделано группой русских финнов на фоне знаменитого Николаевского собора, у подножия памятника Александру II. За ними последовали русская Финляндия, Италия, Испания, Таиланд! Флешмоб продолжается – русские своих не бросают! 🇷🇺

И Хельсинки
с нами!

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ. ОТ ЧАСТНОГО К ОБЩЕМУ...

АВТОР

АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В ЭТОМ ГОДУ ОТМЕЧАЕТСЯ 105-ЛЕТИЕ СЕРГЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА МИХАЛКОВА. ЛИТЕРАТОР, ВОЕНКОР, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР И ИСПОЛКОМА МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА ПИСАТЕЛЬСКИХ СОЮЗОВ, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ИСКУССТВ РСФСР, ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА, ЛАУРЕАТ ЛЕНИНСКОЙ И ТРЕХ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ, КАВАЛЕР ОРДЕНА СВЯТОГО АПОСТОЛА АНДРЕЯ ПЕРВОВЗВАННОГО, АКАДЕМИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ, ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР КИНОЖУРНАЛА «ФИТИЛЬ», АВТОР ТЕКСТОВ ГИМНОВ СССР И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. И ПОМИМО ВСЕГО ЗЯТЬ ХУДОЖНИКА-АВАНГАРДИСТА ПЕТРА КОНЧАЛОВСКОГО, МУЖ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ, ПОЭТессы И ПЕРЕВОДЧИЦЫ НАТАЛЬИ КОНЧАЛОВСКОЙ, ОТЕЦ КИНОРЕЖИССЕРОВ АНДРЕЯ КОНЧАЛОВСКОГО И НИКИТЫ МИХАЛКОВА...

БЕЗУСЛОВНО, СЕРГЕЙ Михалков, ушедший из жизни в 2009 году, был ярким представителем своего поколения. Его личность и деятельность вызывали не только одобрение современников, но и рьяную критику. Сам он придерживался правила: «От службы не отказывайся, на службу не напрашивайся». Как любой человек такого масштаба, Михалков пробуждал противоречивые эмоции, которые не унялись и сегодня. Любопытно, что эти противоречия словно по наследству перешли к детям и внукам Сергея Владимировича...

На пресс-конференции в МИА «Россия сегодня» в день рождения юбиляра собрались члены семьи: сын

Никита Михалков, внуки Степан, Егор, Артем, вдова Юлия Субботина и мать правнучки Любовь Толкалина. В разговоре также приняли участие коллеги Сергея Михалкова, представители трех поколений писательского цеха – Виктория Токарева, Андрей Максимов и Сергей Шаргунов.

Сергей Михалков родился в Российской империи, в год, вошедший во все учебники истории как самый образцовый по всем показателям – 1913-й. В 1917-м 4-летний сын коллежского асессора, потомок князей Голицыных и Ухтомских вряд ли понимал, что империя погибает, его дворянские привилегии теряют силу и ударение в фамилии отныне ставится не на второй, а на послед-

ний слог – таким незамысловатым способом семья избежала преследований по классовому признаку...

Уже в 9 лет Сережа увлекся стихосложением, в 1928-м впервые опубликовал свое стихотворение «Дорога», а в 1935 году он по-настоящему прославился – появился «Дядя Степа», воспитывающий малышей и по сей день. «Сколько времени прошло, сколько правительства сменилось, а его стихи живут, потому что лишены взрослой оценки, назидательности», – заметил Никита Сергеевич. «И он мог быть на одной ступени с ними. Он был реактивный – с потрясающей реакцией! Моя мама говорила: «Сереже всегда 13 лет», – рассказал режиссер. – Но недавно я открыл его книжку – там бриллиант на бриллианте! Какие стихи – по характерам, по взаимоотношениям...». И вот на мониторе появляется фотография: разновозрастная аудитория, глядящая на этого долговязого, худого, чуть ссупулившегося «дядю Степу-великана» – он же ассоциировался именно с образом доброго милиционера! Сколько мальчишек мечтало стать этим благородным героем, сколько девчонок видело в нем идеал мужчины! Хотел ли Сергей Владимирович быть понятным для этих чужих детей, на час полтора оказавшихся с ним в одном помещении? Свои же дети, по словам младшего сына, познали «жесткость в системе воспитания» – не баловал, не жалел, не помогал.

Никита Сергеевич признался, что и сам перенял этот действенный отцовский метод: «Никогда родители не пытались делать что-то за нас, потому что человеку надо научиться справляться со всеми трудностями самому. Нам, мальчикам, все было позволено. Но важно, чтобы человек понял: гармония – это когда то, что

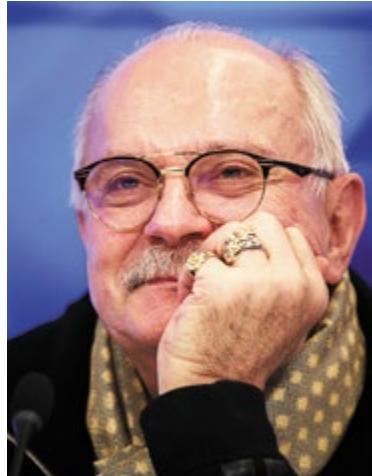

ты хочешь, совпадает с тем, что ты можешь. Крайне редко, если невозможно было решить проблему без их участия, тогда только они приходили на помощь. И это счастье... В нашей семье детям позволялось иметь свою точку зрения, даже отличную от родительской, и они ее уважали. Я и своих детей так воспитывал. Можно друг другу доказывать свое видение, но как ни пытался кто-либо нас с братом поссорить, например в контексте битвы западников и славянофилов, из этого ничего не получилось. Мы спорим – бывает, и на повышенных тонах, – но даже в импульсе сказанное не является поводом к ссоре, потому что мой брат ко мне питает только добрые чувства, и он это знает обо мне».

Стихи для детей – лишь часть наследия Сергея Михалкова. Пьесы для театра, киносценарии для игровых и мультипликационных фильмов, публицистические статьи, проза, литературная критика, сатирика и басни, поэзия для взрослой аудитории – мастер активно трудился практически во всех литературных жанрах! Андрей Максимов сожалением заметил, что пьесы Михалкова современными режиссерами не востребованы, а ведь материал не утратил своей остроты... Но есть и развитие начатых Михалковым дел. В 2000-е Сергей Владимирович занимался возрождением детских библиотек. Об этой его деятельности рассказала Юлия Субботина: «Сейчас по всей стране в рамках данной программы работает 15 библиотек. И мы будем увеличивать их количество, продолжая благородное дело Сергея Владимировича. Это лучший памятник». Вспоминаются его строчки: «Когда умру, я тоже буду жить, // И памятью своей Отечеству служить», написанные 31-летним поэтом в ответ завистникам: в 27 лет Михалков получил свою первую Сталинскую премию, что вызвало шквал негодования его коллег.

По словам всех выступавших, Сергей Владимирович не терял чувства юмора, самоиронии даже в повседневных ситуациях. Степан сказал, что немало таких баек помнят все члены семьи – вероятно, можно было бы отдельным сборником издать его афоризмы. Частью этого «золотого запаса» Михалковы дели-

Младший сын рассказал, как на праздновании нового, 1946 года в Кремле его отец усадил на банкетку в фойе его маму и «покаялся»: «Наташа, ты только успокойся, я тебя прошу... Я должен тебе сказать... понимаешь, я должен сказать: Никита не от тебя»...

лись с журналистами, не избегая и случаев нападок на поэта. «Он был царедворцем – конечно! И его часто в этом упрекали, – заметил Никита Сергеевич. – Отец замечательно ответил одному журналисту: «Волга течет при всех властях». Уже в новое время ему вменяли в вину общение со Сталиным, а он коротко произнес: «Я ему верил, он мне доверял». Как-то раз мне сказал: «Не знаю, стал бы я писателем, если бы не Советская власть». Он тепло относился к той власти, но поздние правители его тоже награждали, и отец гордился своими орденами, любил их носить: «Лучше на груди, чем на подушке впереди». При этом никогда не кичился своим высоким положением: «Сижу в президиуме, а счастья нет...» Власть для него была крестом, а не мечтой».

Это определение принадлежит Наталье Петровне Кончаловской, первой супруге поэта – в браке они прожили 52 года! Свой авторитет Михалков использовал, чтобы помочь другим, считая, что прежде, чем с человека что-то требовать, надо создать для него достойные условия. И был уверен: «Количество добрых

дел должно превышать количество недобрых. На том свете есть весы – какая чаша перевесит?» Никита Сергеевич часто видел, как отец помогал людям – по работе, с квартирой, с больницей: «Очень многие остались ему благодарны. Но он не любил, даже старался сбежать, когда к нему подходили благодарить, и не помнил, кому в чем помог. При внешней строгости, сдержанности он имел невероятное сострадание к людям. Жизнь тогда была, конечно, очень сложная. Наверное, его «детский» талант отводил его от прямых столкновений с репрессивной машиной – он всегда находил какой-то выход. Свобода всегда была чем-то ограничена. Но по большому счету отец был свободным человеком – никогда не врал в принципиальных вещах, несправедливость для него была как красная тряпка! В нем всегда жил воин». Сергей Шаргунов, знакомый с архивными протоколами совещаний в Союзе писателей, рассказал лишь один из множества случаев: «В 1949 году Михалков в одиночку заступился за Валентина Катаева, которого крепко распекали за продолжение романа «Белеет парус одинокий», хотя их личные отношения не были простыми».

Разумеется, на этой встрече не мог остаться без внимания главный вклад Сергея Михалкова в историю страны – создание текста гимна. Никита Сергеевич по этому поводу заметил: «Гимн уже не принадлежит ни Александрову, ни Михалкову. Он существует в народе, сам по себе. Страна не может жить без сакральных вещей – это гимн, присяга, герб, флаг... Должны быть у людей вещи, которые нельзя разменивать, которые держат, сплачивают народ как единое целое, и частности на этом уровне нивелированы».

Казалось бы, все переплелось в этой долгой 96-летней судьбе, наполненной и успехом, и потерями. Своим детям Сергей Владимирович завещал: «Чем ты ответишь на нападки других, если не тем, как ты живешь, какие поступки совершаешь, что думаешь и говоришь – ты можешь предъявить только себя. И это самый ценный памятник. Ведь часто бывает – памятник золоченый, а вокруг него все прогнило. Об этих вещах нужно думать при жизни»...

Члены семьи юбиляра.
Слева направо:
Юлия Субботина,
Степан,
Никита Сергеевич
и Артем
Михалковы, Егор
Кончаловский

СЛАГАЕМЫЕ МАСТЕРСТВА

АВТОР

ЮЛИЯ ГОРЯЧЕВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В НАЧАЛЕ МАРТА В ДОМЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА ПО ИНИЦИАТИВЕ УЧЕБНО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «ЗЛАТОУСТ» СОСТОЯЛАСЬ ВСТРЕЧА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ДИСЦИПЛИНЫ «РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ (РКИ)».

В НЕЙ ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ представители ведущих вузов Москвы и Санкт-Петербурга, разработавшие во второй половине XX века новое образовательное направление – РКИ: преподаватели МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, РУДН, МГЛУ и других образовательных организаций. Собравшиеся вспомнили этапы становления дисциплины, поделились видением упрочения престижа профессии в условиях интернационализации образования в поликультурном мире и набирающей обороты академической мобильности. Информационным поводом для актуального разговора стала презентация документального фильма «Путь в профессию: преподаватель РКИ» (руководитель проекта – Анна Голубева, кандидат филологических наук, главный редактор петербургского издательства «Златоуст»; сценарист и режиссер – кандидат филологических наук, доцент Галина Юдина; операторы – Евгений Гончарук и Евгений Новиков). Презентацию открыл известный российский лингвист, доктор филологических наук, профессор, прези-

дент Института русского языка им. А.С. Пушкина, экс-президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) Виталий Костомаров. Выдающийся филолог и основоположник РКИ эмоционально рассказал о положении с русским языком на заре создания МАПРЯЛ в 1967 году, о вкладе ассоциации в распространение русского языка и культуры, о мотивации единомышленников в разработке нового направления в русистике – предмета РКИ. Эта тема была развита в выступлениях героев фильма. Доктор филологических наук, профессор МГУ им. Ломоносова Майя Всеволовода поделилась предпосылками создания отрасли – рассказом о первых московских вузах, централизованно обучавших русскому как иностранному: Коммунистическом университете трудящихся Востока и Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада. Инициатор создания документального фильма «Путь в профессию: преподаватель РКИ» Анна Голубева особо отметила практическую направленность этого междисцип-

линарного учебного проекта: «Фильм – не только воспоминания создателей отрасли рубежа 1950–1960-х годов, но и советы профессионалов всем, кто хочет стать успешным преподавателем РКИ, востребованным на рынке труда. Вопросы, поднимаемые в фильме, актуальны и сегодня».

Представленный 8-серийный учебный цикл, который можно посмотреть на портале «Образование на русском», знакомит зрителя с нюансами этой сложной междисциплинарной специальности, с разработкой методов, методик, технологий преподавания русского языка носителям других языков. Можно без преувеличения сказать, что все участники проекта – 23 ведущих эксперта отрасли – аргументированно иллюстрируют мысль Виталия Костомарова, обосновавшего с экрана свою любовь к родному языку: «Русский язык неисчерпаем в своих ресурсах». Герои проекта в доступной и занимательной манере предлагают поразмышлять над темами, относящимися к этапам становления дисциплины и организации учебного процесса, формирования профессиональной позиции педагога РКИ. Полная версия учебно-документального фильма «Путь в профессию» состоит из 24 тематических сюжетов общей продолжительностью 340 минут.

Все серии построены в форме своеобразного урока, каждый из которых завершает контрольные вопросы, способствующие закреплению полученных знаний, систематизации изученного и анализу собственной практики. Откровенные рассуждения о сложных и спорных моментах профессии перемежаются дидакти-

Руководитель проекта Анна Голубева презентует документальный фильм «Путь в профессию: преподаватель РКИ»

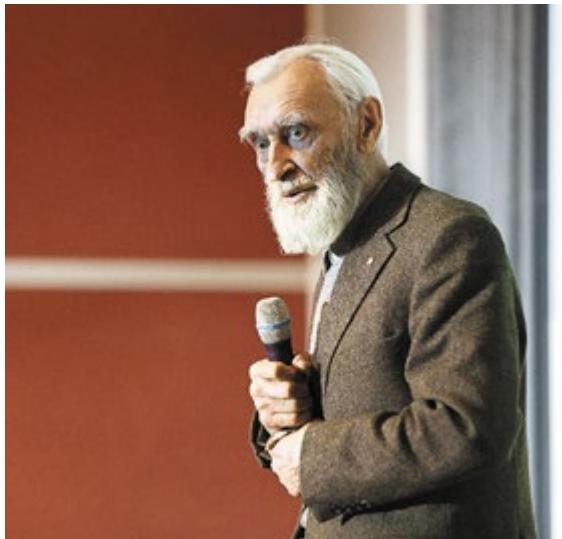
ческими историческими справками и помогают молодому специалисту в укреплении профессиональной позиции.

Современные условия глобализации заставляют по-иному посмотреть на наследие основоположников лингвистики. В частности, доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ им. Ломоносова Игорь Милославский вступает в заочный спор с известным лингвистом начала XX века Фердинандом де Соссюром, провозгласившим необходимость изучения языка «в себе и для себя». «Язык прежде всего орудие, с помощью которого мы именуем действительность и далее передаем свои представления об этой действительности другим людям, – считает профессор. – Главное – не сосредотачиваться на языке как таковом. А постоянно иметь в виду действительность, которая стоит за этим языком». Эта тема так или иначе проходит через весь документальный фильм, являющийся частью учебно-методического комплекса «Теория и методика преподавания русского языка как иностранного», созданного по заказу Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина при поддержке Минобрнауки РФ.

Показательно интервью с профессором, кандидатом педагогических наук, преподающей русский язык в РУДН с момента создания университета, Серафимой Хаврониной, которая отстаивает важность развития идей взаимопроникновения языка и культуры и настоятельную необходимость преподавания русского языка на страноведческом культурном материале.

Виталий Костомаров, говоря о задачах, которые стояли перед создателями первых учебных программ и пособий по РКИ, поделился главной – необходимостью обеспечить высокий уровень их качества и методическое мастерство педагогов для достижения привлекательности и расширения географии изучения русского языка и культуры. За более чем полувековую историю существования отрасли сформировался обширный ресурс учебно-методических материалов.

«Я как будто вернулась на сорок лет назад, когда начинала работать на

кафедре русского языка для зарубежных преподавателей», – вспоминает профессор Института русского языка им. А.С. Пушкина Наталья Кулибина. «В просторечии говорят, что практическую методику преподавания РКИ сделали три женщины – Галина Рожкова, Екатерина Мотина и Ева Баш, – сказала она. – На мой взгляд, в методике преподавания РКИ есть три вечные книги. Первая – «Русский язык в упражнениях» (авторы С.А. Хавронина, А.И. Широченская). Не знаю преподавателя РКИ, не работавшего с учебником «Русский язык для всех» (под редакцией В.Г. Костомарова). И еще одну хорошую книгу хочу вспомнить – «Методическое пособие для преподавателя русского языка», которую Виталий Костомаров и Ольга Митрофанова сделали для домашних хозяйств, преподававших русский за рубежом». Последнее особенно важно в контексте возросших за последние годы культурных инициатив по созданию образовательных центров и

Виталий Костомаров, президент Института русского языка им. А.С. Пушкина: «Русский язык неисчерпаем в своих ресурсах»

русских школ для детей российских соотечественников за рубежом. Закономерен вопрос качества современной учебно-методической литературы. Сегодняшний рынок литературы РКИ, как отмечают авторы фильма, достаточно разнообразен. Проблемы, анализируемые ведущими учеными и преподавателями РКИ, следующие: «Как сочетать коммерческую успешность проекта и его высокое качество? Какой образ нашей страны мы представляем? Сегодня, когда мир делится на диаспоры и метрополии, культура какой группы должна попадать в учебники?» О том, как решает такие задачи коллектив созданного в 1990 году учебно-издательского центра «Златоуст», рассказал кандидат филологических наук, глава московского представительства этой организации Илья Тяпков.

Подводя итоги встречи преподавателей РКИ, Анна Голубева, ссылаясь на задачи, стоящие перед отраслью в новых условиях, обратила внимание на отставание по цифрам обучающихся в России в сравнении с советскими временами.

Выступавшие отмечали потребность в осмыслении современной повестки решаемых задач с учетом накопленного за минувшие десятилетия опыта. Среди иностранных выпускников советских и российских вузов, получавших профессиональное образование на русском языке – руководители государств и члены правительства, ведущие политики, ученые, космонавты, специалисты в различных областях знаний. Не секрет, что преподаватели РКИ являются классическими представителями «мягкой силы» в дипломатии, задачи которых подразумевают активное участие в упрочении положительного образа России и обеспечении конкурентоспособности российского высшего образования для зарубежных студентов.

Состоявшаяся в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына встреча легенд РКИ и их молодых коллег заставляет вновь задуматься о важности государственной поддержки русского языка, необходимости совершенствования стратегии изучения и преподавания русского как иностранного в современных условиях.

Илья Тяпков знакомит с учебно-методической литературой издательства «Златоуст»

АВОСЬ, НЕБОСЬ И НИЧЕГО

АВТОР

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

ЕСТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ СЛОВО, КОТОРОЕ СТОЛЕТИЯМИ ОСТАЕТСЯ ЗАГАДКОЙ. ОДНИ ЕГО ЛЮБЯТ, ДРУГИЕ – СТЕСНЯЮТСЯ, А ТРЕТЬИ ДЕЛАЮТ ВИД, ЧТО ЕГО НЕТ В ИХ СЛОВАРНОМ ЗАПАСЕ. НО ВСЕ СХОДЯТСЯ В ОДНОМ: ЭТО САМОЕ РУССКОЕ СРЕДИ РУССКИХ СЛОВ. ПРИЧЕМ НАСТОЛЬКО, ЧТО ОНО НЕ ПЕРЕВОДИТСЯ НИ НА ОДИН ЯЗЫК. АНАЛОГОВ НЕТ. ЭТО СЛОВО – «АВОСЬ».

«**А**вось» – своего рода родоначальник «маленьких» слов, плотно, но

неприметно живущих в русском языке, – считает доктор филологических наук, декан факультета теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики РГГУ Игорь Шаронов. – Эти слова и словосочетания мы и за слова-то не считаем: «вот те раз», «ой», «ох», «то и дело», «надо же», «ого», «не ахти», «ух ты». Тем не менее их слова-сородичи – «было» и «ничего» – целую «былологию» и «ничегологию» в лингвистике образовали.

А «авось» и «небось» и вовсе стали стержнем фундаментальных исследований по теоретической и прикладной лингвистике.

Шаронов убежден: «маленькие» слова тот самый каркас русского языка, который можно и привычно не замечать, но на котором, как это водится, жизнь родной речи крепится.

ШИФР ЗАГАДКИ

Лингвисты давно сошлись во мнении, что «маленькие» слова – это осколки фразеологических схем. Они сложились в результате медленной фрагментации предложений и словосочетаний, но сохранили смысл и значение тех самых выражений, что «ушли» либо в крылатые выражения, либо в филологиче-

ское небытие. Например, «вот те раз» – типичный осколок, выражающий крайнее разочарование или недоумение, – корнями уходит в поговорку «Вот те, бабушка, и Юрьев день». Или «вот ведь как» – осколок устоявшейся фразы середины XVIII века, сохранивший ее смысл без окончания – «...бывает в жизни».

Однако есть среди «маленьких» слов такие экземпляры, которые не поддаются устоявшейся научной классификации. «Авось» – одно из них. У людей до сих пор нет понимания «авось» – это хорошо или плохо? Да и лингвисты веками спорят о том, какой частью речи является это слово. Словарь Даля утверждает, что «авось» – это наречие, сложившееся из сочетания первых букв фразы «а вот сейчас». Даляр установил, что слово встречается с XVI века. До этого оно состояло даже из трех слов – «а-во-се», что и значило «а вот так», «а вот сейчас».

Но «авось» так вжилось в канву русского языка, что сегодня языковеды его относят то к усиительной частице, то к вводному слову, а в некоторых словосочетаниях и выражениях «авось» принимает вид имени существительного: «Авось с небосем водились, да оба в яму свалились».

Что касается смысловых нагрузок, тут еще сложнее. С одной стороны, такие пословицы и

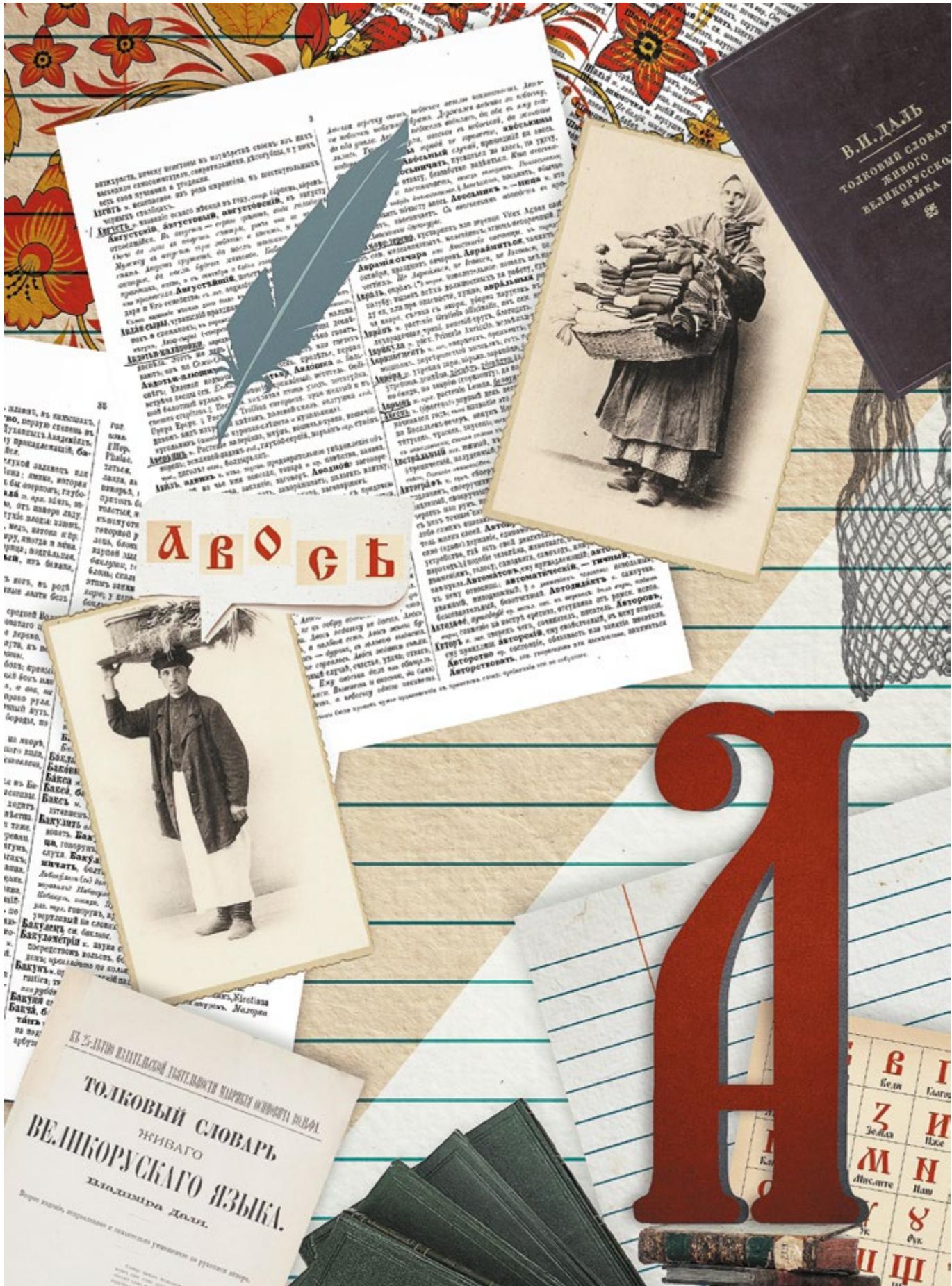
поговорки, как «русак на авось и взрос», «авось – вся надежда наша», «авось не унывает», «авось – великое слово». С другой – совершенно противоположные по смыслу: «авось – дурак, с головою выдаст», «авосевы города не горожены, авоськины детки не рожены», «кто авосьничает, тот и постничает». В разные эпохи перевешивает разный смысл, но, как правило, он отталкивается от беспечности русского человека и его веры в предопределенность свыше.

Противоположность и загадочность «авось» отразилась на его толковании писателями, поэтами и наукой. «Зачем же так пренебрегать авоськой с небоськой? Нехорошо <...> они очень добрые и теплые русские ребята, способные кинуться, когда надо, и в огонь, и в воду, а это че-го-нибудь да стоит в наше практическое время», – считал писатель Николай Лесков. А великий Пушкин и вовсе воспринимал «авось» как национальный речевой пароль: «Авось, о Шиболет народный, // Тебе б я оду посвятил!»

Вслед за ним многие ученые, философы, писатели утверждают, что словом «авось» можно объяснить как загадку русской души, так и парадокс явления России как цивилизации.

Кстати, слово «авоська» – плетеная хозяйственная сумка советской эпохи – тоже происходит от старорусского «авося». «Авоська» появилась в 30-е годы XX века, а ее пик пришелся на 50–70-е, когда продукты не покупали, а доставали. Вот и выходил человек из дома с душой и сумкой нараспашку: «Авоська что-нибудь куплю». В авоське помещалось все – арбузы, книги, картошка, пустые бутылки, апельсины... В перестроечные годы конца XX века, когда из магазинов пропало совсем все, сатирик Михаил Жванецкий переименовал «авоську» в «нихренаську». Скудно, трудно, зато весело и... «авось пронесет».

Вот и складывается филологическая «преемственность поколений». Столетиями предки жили, приговаривая: «Авось пронесет». Или: «Небось плохого

Коллаж Олега Бородина

не случится!» Потом: «Авось что-нибудь куплю». Теперь современники не боятся называть отели, кафе и рестораны «Авось» и «Небось» в Санкт-Петербурге и Владивостоке, Пскове и Сибири. Вечные слова помогают.

КОМПЛЕКС САЛЬЕРИ

Не так давно студенты дошкольного отделения МГПУ в одном из детских садов Москвы в лицах читали мальшам басню Ивана Крылова «Стрекоза и Муравей». После заслуженных аплодисментов они спросили дошкольят, кто из героев им понравился. «Стрекоза», – почти единодушно ответили дети.

Студенты обомлели. И хотя они смело бросились объяснять, что по замыслу создателей басни (как известно, сюжеты басен совпадали у Эзопа, Жана де Лафонтена и Андрея Ивановича Крылова. – Прим. авт.) в ней обличается лень Стрекозы и прославляется трудолюбие Муравья, дети оторопели и замкнулись. Этот феномен восприятия басен Крылова в разные эпохи отмечали сам автор, поэт Василий Жуковский, психолог Лев Выготский. В книге «Психология искусства» Выготский писал, что детям мораль Му-

равья «казалась очень черствой и непривлекательной, их сочувствие было на стороне Стрекозы, которая хоть лето, да прожила грациозно и весело».

«Басни Крылова – яркий пример того, как «маленькие» слова способны вырабатывать тестовый стереотип мышления, – говорит ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН Ирина Левонтина. – Ведь что делает баснописец? Его персонажи – живые человеческие существа в масках животных. А взаимоотношения живых существ не могут быть однозначными, тем более однодirectionalными, они не могут сводиться к демонстрации какой-то одной заданной моральной сен-тентции. Да и язык Крылова, опирающийся на «маленькие» слова – «до того ль», «а, так ты...», «так поди же», «то и дело», – задает палитру смыслов, уловить которые способен человек, различающий оттенки. Это как с другими «маленькими» словами: «вот те раз», «ух ты», «не ахти», «ничего себе». Попробуй с ходу рассмотреть, где там восхищение, где хорошо, где плохо, а где «одним все – другим ничего», или устой-

чивый комплекс Сальери. Мне представляется, что как раз сила и живучесть «маленьких» слов в том, что, отталкиваясь от устоявшихся стереотипов мышления и речи, они их разбивают многоизначностью смыслов и объемностью содержания».

Именно этого, с точки зрения Ирины Левонтиной и Игоря Шаронова, нет или почти нет в современных «маленьких» словах. Например, новомодное заимствование «Bay!» однозначно выражает восторг. А вышедшее из употребления «Ахти, матушка» или почти устаревшее «Ой, какой (ая)» означали как восторг, так и потерю контроля. Еще жестче ситуация со словами «ужас», «круто» и «капец».

«Когда я слышу «Капец, как круто!», «Да, ужас, но ведь не ужас, ужас!» или «Вообще, капец, обидно», – говорит Игорь Шаронов, – я понимаю, что это тоже «маленькие» слова эпохи, но они ее, думаю, не переживут. Им не дано не только звучания и палитры смыслов. Они линейны, им еще не дано и чувства языка. «Русский язык, он пошире будет», – любил повторять в таких случаях академик Виноградов».

ПЕРСТЕНЬ ИЗ «НИЧЕГО»

Есть в русском языке еще одно загадочное и неприметное слово. С одной стороны, оно ничего не выражает, с другой – им можно выразить все. Это слово «ничего». Один из рассказов Владимира Гиляровского так и называется – «Ничего». В нем писатель вспоминает свою встречу с чешским публицистом Вацлавом Клофачем. Иностранец искренне восхищался словом «ничего». Во время Русско-японской войны 1904–1905 годов Клофач отступал вместе с российскими солдатами после боя под Хайченом. Он вспоминал: «Жара 53 градуса, воды ни капли целый день. Солдаты едва передвигают ноги, томясь от жажды под жгучими лучами <...> «Устали?» – спрашиваю <...> «Ничего!» – отвечают они, ласково улыбаясь, и продолжают идти». Клофач был потрясен, когда даже раненый и умирающий боец прошептал: «Ничего».

«Да, это великое слово, – пишет Гиляровский, – в нем непоколебимость России, в нем могучая сила русского народа, испытавшего и вынесшего больше, чем всякий другой народ. Только монгучему организму все «ничего», а по сути – нипочем».

Чуть иначе о «ничего» писал поэт Петр Вяземский: «Какая погода сегодня?» – «Ничего». – «Как вам нравится эта книга?» – «Ничего». – «Красивая женщина?» – «Ничего». – «Довольны ли вы своим губернатором?» – «Ничего». В этих словах, пожалуй, себя узнает и современник. «Ничего, вытерпим», – говорят и сегодня многие люди, сталкиваясь то с реформами, то с ростом цен, то с кризисами, которые перетекают один в другой. В этом обороте есть какая-то вечная лукавая сдержанность, боязнь проговориться, совершенно русское «себе на уме».

«Мы так вжились в это «ничего», – считает старший научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН Дмитрий Сичинава, – что уже не важно, какая это часть речи. Даже языковеды не сразу

скажут, какая это часть речи: отрицательное местоимение? Наречие? Модальная частица? Неизменяемое прилагательное? Категория состояния? Споры не утихают. Вот такое многозначное «ничего». Я бы еще рядом с ним поставил «было». Чего только стоит одна фраза у Достоевского: «Тут же умер было, но воскрес». Или у Гончарова: «Обломов хотел было встать, но сел снова». А сколько народных речевых жемчужин на основе «было»? «Построили было, но разрушили», «открыли было рот», «чуть было не забыл», «я подумал было, что ты не придешь! Полная неразбериха в пунктуации, но сколько силы духа и значений! И в этом смысле и «было», и «ничего», наверное, вместе с «авось» и «небось» заметно влияют на формирование национального характера». Особое отношение к слову «ничего» было и у германского канцлера Отто фон Бисмарка. Он даже посвятил ему отдельный рассказ в своих мемуарах. Бисмарк признавался, что пережилличную эволюцию отношения к «ничего» – от непонимания, негодования, смирения до признания и уважения.

А все началось прозаично. Как-то раз по пути из Москвы в Санкт-Петербург Бисмарк, бывший тогда послом Германии в России, нанял случайного ямщика. Рассмотрев как следует лошадей, дипломат усомнился, что они смогут пробежать 600 километров до Санкт-Петербурга. Канцлер указал на это ямщику. «Ничего, ничего», – ответил тот, продолжая возиться с поводьями. И так понесся по разбитой дороге, что Бисмарк перепугался. «Ты меня не вывалишь?» – спросил он ямщика. «Ничего, ничего», – снова ответил тот. Конечно же, сани опрокинулись. Бисмарк упал в снег и до крови изодрал лицо. Поднявшись, он в ярости замахнулся на ямщика тяжелой металлической тростью. Тот даже не пытался увернуться. Пытаясь чистым снегом оттереть кровь с лица посла, он привычно повторял: «Ничего, ничего...»

В Санкт-Петербурге Бисмарк заказал кольцо из той самой трости и приказал сделать на нем надпись: «Ничего». Канцлер потом не раз признавался, что кольцо «Ничего» не раз утешало его в скверные минуты. Он писал в мемуарах, что говорил себе «ничего», вспоминал того самого ямщика с клячами, и ему становилось легче. «Это «ничего», – писал Бисмарк, – помогало понять русских и принять их трудный русский язык». Кстати, именно Бисмарку принадлежит крылатая фраза: «Русские долго запрягают, но быстро едут». Потом, когда Железного канцлера в Европе упрекали за слишком мягкое отношение к России, он отвечал: «В Германии только я один говорю «ничего», а в России – весь народ». Не исключено, что благодаря этому «ничего» знаменитый политик нашел шифр к пониманию русского менталитета. Ведь в «ничего», как считали в разные эпохи самые разные, но отнюдь не глупые люди – чех Вацлав Клофач, немец Отто Бисмарк, индиец Джавахарлал Неру, – зашифрована вся сила духа русских.

Однако похоже, что у «ничего» в последние десятилетия появился и крепнет лукавый и сильный конкурент. И опять силу многозначного слова, близкого по смыслу и содержанию к «ничего», одним из первых заметил и обозначил иностранец. В этот раз, как отмечают лингвисты Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, им оказался швед, первый генеральный директор ИКЕА в России, Леннарт Дальгрен.

Вот цитата из его книги «Вопреки абсурду. Как я покорял Россию, а она – меня»: «Нормально» – вне всяких сомнений, одно из самых употребляемых слов русского языка. Все у них нормально. Как дела – нормально. Как здоровье – нормально. О чем ни спросить – все нормально. При этом я не уставал удивляться, есть ли в России хоть что-нибудь, что вписывается в мое понимание нормы».

Нормально подметил. Как тут не сказать: «Ничего». ●

«ИДЕАЛЫ – ЭТО НЕ ДАР, ЭТО ТРУД...»

БЕСЕДОВАЛА

АРИНА АБРОСИМОВА

ПРИЛЕПИН ИЗ ТЕХ ПИСАТЕЛЕЙ, КТО ЖЖЕТ ГЛАГОЛОМ СЕРДЦА ЛЮДЕЙ, ДЕРЕТСЯ ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО И ВСЕЙ ДУШОЙ БОЛЕЕТ ЗА РОССИЮ, ВОИН И ПОЭТ В ОДНОМ ЛИЦЕ. ОН СЛУЖИЛ В ОМОНЕ, В 1990-Х ПРОШЕЛ ЧЕЧНЮ, ВЫУЧИЛСЯ НА ФИЛОЛОГА В НИЖЕГОРОДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ, СТАЛ ПОПУЛЯРНЫМ ПРОЗАИКОМ И ЛАУРЕАТОМ МНОЖЕСТВА ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРЕМИЙ, С ЛЮБИМОЙ ЖЕНОЙ РАСТИТ ЧЕТВЕРЫХ ДЕТЕЙ. И ВСЕ БЫ ХОРОШО...

Н О БЕДА ДОНБАССА ВЫДЕРНУЛА ЕГО ИЗ обычной жизни: он бросился на помощь, сформировал самую первую гуманитарную колонну и многие последующие, потерял близких друзей, пережил два покушения... Встретиться с ним удалось на VI Санкт-Петербургском международном культурном форуме. Он приехал сюда из Донецка на один день, чтобы пригласить деятелей культуры в Новороссию. Он редко бывает в «наших» мирных буднях, поэтому разговор с ним – ненавязчивое сопоставление «тут» и «там»...

– Захар, КПРФ пригласила вас войти в комиссию по проведению 100-летия революции 1917 года. Как прошел юбилей?

– Я находился в Донецке, не отследил. Знаю, что сняли сериалы про Парвуса, Троцкого. Я их не видел, знаю, что мнения зрителей были неоднозначными... Были ток-шоу по этой теме. Не замалчивалось ничего, не пытались революцию нивелировать, выставить ее как очевидную трагедию. Прозвучали все точки зрения. Столетие отмечалось, но мне сложно представить салюты в честь этого события... Я лично отметил его написанием нескольких текстов и – большой руганью, которая последовала в этой связи с разных сторон. Причем от людей разных взглядов. И я заметил, что, к примеру, монархисты выступают с таких же радикальных позиций, как и либералы. Какие-то люди до сих пор еще болеют за кого-то в Учредительном собрании – чуть ли не за эсеров. И есть немало людей, уверенных, что все было бы лучше, если бы не этот Ленин... Плюрализм мнений как некий итог рубежа столетий... Но все эти люди – и те, кто меня поддерживал, и те, кто мне оппонировал, – друг друга ненавидят и тоже друг друга резали бы, если бы не большевики.

– Еще двадцать лет назад были две полярные точки зрения – за белых и за красных, сейчас – торжество плюрализма. К чему ведет эта тенденция?

– Это разные тенденции. Радикальное неприятие левой идеи как таковой зашкаливает. Наблюдаю людей правых взглядов в лице моих коллег и знакомых – расхождение между нами огромно и потенциально агрессивно... Если они пойдут ломать Мавзолей, я не дам им этого сделать. А они готовы – у них руки зудят! Для них Советский Союз – ад, у них непрестанный жесткий зуд! И надо немедленно всенепременно все десоветизировать и декоммунизировать, то есть пойти по пути Прибалтийских стран и Украины. Можно столкнуть не гей-парад и хоругвеносцев, а две патриотические колонны. Гипотетически люди, которые могут этим манипулировать, смогут их столкнуть. И я столкнусь, если они будут крушить то, что дорого многим людям в нашей стране.

– Юбилей реанимировал крики с обеих сторон: выносить – не выносить из Мавзолея вождя? Чьи зверства и чьи жертвы преобладают – у красных или у белых?.. Как долго эти вопросы будут оставаться без ответа, сколько еще нужно времени, чтобы они перестали порождать сторонников и противников?

– Хотелось бы, чтобы люди осознали очень простые вещи. Для какого-то числа наших потенциальных друзей на международной арене «русское» – синоним «левого». И Россия, как мы видим в свете санкций, нуждается в серьезных политических силах и даже в конкретных людях за ее пределами, которые симпатизируют нам. Есть колоссальное число людей в мире, которые готовы приезжать сюда как в Мекку левого движения, даже зная о том, что Россия – капиталистическая. Парадоксальное сочетание, например, в Греции: с одной стороны, они любят и ценят нас как христиане христиан, с другой – там мощнейшее левое движение, и они воспринимают Россию в той или иной мере в левом контексте. И, отрицая левое движение и некое количество персонажей, партий или симпатизантов, не уделяя этому достаточного внимания, мы совершим большую ошибку. Мы скажем: нет, ребята, мы

ВЛАДИМИР ГЕРД/ТАСС

больше не про это, это вообще мерзость необычайная, езжайте-ка в другое место. И они поедут, например, в Китай с его отчасти капиталистической экономикой, трехтысячелетней историей, своей религией и деятелями коммунизма – Китай любой! А мы этот пласт «зачистим» и будем представлять Россию только монархией христианского толка. Но для людей, к примеру, из Латинской Америки нужно, чтобы мы им показали, где Ленин, где Троцкий – ну, покажите!

Какие дивиденды мы от этого отречения получим? Никаких. Мы получим серьезный международный урон: лишился контекста, с которым можем работать на политическом уровне даже без советского образа существования. Могу понять чьи-то личные травмы – идеологические, эстетические, эмоциональные – в связи с историей большевизма. Но ты же рациональный человек, ты же любишь родину? Даже отрицательная история должна так или иначе работать в нашу пользу. История человечества – это история разнообразных революций: социальных, религиозных, культурных, сексуальных и так далее. Зачем нам сегодня подыгрывать украинским «лесным братьям» и прибалтийцам, вместе валить памятники Ленину – зачем? Ну, пождите, сейчас мы разыграем все эти истории, выйдем из них победителями, а потом ты будешь долбывать. Нет, надо именно сейчас! Вот этот зуд мне совершенно не ясен. На их месте я бы не старался

себя так вести. Кстати, левое движение в целом не столь радикально настроено – именно это ставят в вину и компрадорам из левого движения, и реальным «левакам». Оно готово признать монархическую Россию: все было симпатично, концептуально. Нет никакого противоречия. Но либералы продолжают Гражданскую войну, что меня вводит в некое удивление.

– *Россия многолика, и каждый из «ликов», вне зависимости от времени, считает свою линию генеральной, а все остальное отмечает как необязательное...*

– Я как раз не отмечу, готов все принять: и монархическую Россию, и белую, и красную. Мне кажется, приятие этого разноцветья и есть залог нашего процветания и движения. Но чаще практически все говорят: вот вы это сделали – и уходите отсюда, чтобы вас больше не было, а кто не отрекся от этой химеры, тот больше не с нами...

– *Вам некогда был брошен упрек, что вы – «идеологически ангажированный человек».*

– Да его бросают все время! Но я не понимаю, в связи с чем.

– *Как вы свою идеологию определяете?*

– Собственно, идеологию национал-большевизма, которую я воспринял в ее изначальном

аспекте, придумали, как известно, белогвардейцы в лице Устрилова и прочих персонажей, когда они к 1920 году поняли, что большевизм может быть наделен очевидными национальными признаками и может блести национальные интересы. В этом смысле национал-большевиками были и Сергей Есенин, и Александр Блок, и Алексей Толстой, и Борис Пильняк... Мою идеологию литературно вот это сформировало: совмещение национального, патриотического и социально-левашевского. Сначала я не знал об этой идеологии, но был влюблен в эту литературу – в советскую изначальную литературу. Когда узнал, одновременно появилась и партия Эдуарда Лимонова. С тех пор – 21 год прошел – это мои убеждения.

– *И не появилось новых ракурсов, все двадцать лет вы – «убежденный национал-большевик»?*

– Изменилось, может быть, в отношении действующей государственности. В целом же я, скорее, человек левых взглядов, убежденный так же, как видел события Сергей Александрович Есенин в своих поэмах о революционной возможности: «вызвести наш шар земной на колею иную» – в возможности переустройства... Мне кто-то скажет: у Есенина были разочарования. Да, жесточайшее разочарование, потом – поездка по Европе и в Америку, он вернулся, написал очерк «Железный Миргород». И опять встал на глубоко просоветскую позицию, что доказывают последние годы его жизни. Этот контекст литературный все и объясняет. А насколько это применяется к нынешней действительности – другой вопрос. С какого-то момента я стал больше апеллировать даже не к Серебряному, а к Золотому веку. Моя книга «Взвод. Офицеры и ополченцы русской литературы» – об этом. И там, может быть, еще более прозрачная, хрустальная простота восприятия всего этого. Вот декабристы, которых в советские времена воспринимали как носителей самых-самых замечательных качеств – бунтари, низвергатели царизма...

– *Предвестники Октября.*

– Да-да-да! А потом сменились «ландшафты», и их стали воспринимать как масонов, негодяев...

– *Террористов.*

– Да! На самом деле все это – не совсем правда. Они были отъявленные русофилы, империалисты, бойцы, солдаты. И в большинстве случаев, если судить по их допросам, письмам, текстам – они, исходя из своей необычайной, акцентированной русофилии, пошли в «декабристы». Франкофилия везде царила! После победы над французами опять стало возвращаться, как вчера бы сказали, низкопоклонство перед Западом. На допросах большинство из них именно так определяло свои побуждения к вступлению в общество: пора переодеться в русское платье, хватит дарить конституцию полякам, когда у нас собственного мужика мордуют. Вот это было – влюбленность в родину. Их поведение и все, что происходило с ними, может быть, лучше объясняет мою

жизненную позицию, чем Есенин или Маяковский. Я об этом написал книгу: претензии и сложные отношения с государством не мешали ни Пушкину, ни Вяземскому, ни декабристам перемещаться из своих тайных обществ или со своей катоги тут же на линию фронта, на Кавказ, в Польшу, куда угодно! Вот это место моего бытования, мои «ландшафты», моя идеология. Это мне понятно, а какой для этого придумать термин, не знаю.

VLADIMIR GERDOLASS

– *И сегодня вы находитите признаки пересечения с ними, их временем, проблемами, требующими революционных действий?*

– Мы находимся в ситуации, когда даже культурное поле приватизировано людьми, которые мне по большей части неприятны и чужды. Я, конечно, хотел бы совершить небольшой переворот в культурном пространстве и занять телефоны, телеграфы и прочие айпады, чтобы транслировать близкие мне смыслы. Если мы говорим о культурной революции, то, безусловно, я выступаю за революцию. Но если сто лет назад

в литературе были и суицидальные, как Бальмонт и Северянин, и злодушные во все стороны, как Зинаида Гиппиус, и авангардные глашатаи новой жизни, как Маяковский, то сегодня злодушные много – а где авангард, открытия, интеллектуальный прорыв?..

– Но есть давняя позиция: искусство и политика – «две вещи несовместные», художник должен быть вне политики. Может быть, наше время сильно политизированное и оторваться не получается?

– А я не понимаю – откуда взялась эта нелепая, аномальная точка зрения? Кто и в какой момент придумал эту глупость, с которой странные люди бегают и говорят, что культура вне политики? А где она тогда? Вот у нас – Куликовская битва, Полтавская битва, крестьянские восстания, нашествие Орды, литовцев, поляков, французов, немцев... А культура где-то отдельно, описывает цветочки, ботанику? У нас не было такой культуры никогда! Что такое политика? Это форма существования народа, форма бытования народа. И литература с этим напрямую связана. Она же не описывает жизнь светил. Нигде ни художник, ни поэт, ни музыкант не может быть оторван от политики. Не знаю примеров. «Битлз» были оторваны от политики, «Роллинг Стоунз» или «Секс Пистолс»? Все живут в определенном мире.

– В одном из интервью вы процитировали Петра Струве, философа начала XX века: внутренняя политика России строится ее внешней политикой. И сейчас не хватает у власти сил, денег, времени на то, чтобы всех голодных накормить, трудоустроить безработных, и люди не понимают, почему так много внимания уделяется «загранице» и так мало – России.

– Конечно же, наше ТВ немного лукавит, и правильно делает. У него выхода нет. В той же Сирии мы занимаемся не только уничтожением объективного зла в лице ИГИЛ. И Великий шелковый путь, и нефть, и прочие преференции никто не отменял. Если бы на кону не стояли колоссальные финансовые прибыли, не уверен, что мы бы туда полезли. Это касается всех военных конфликтов, в которые мы так или иначе втягиваемся и втянуты. Отдельный вопрос, конечно, с Донбассом, но тут я не очень воспринимаю любого русского человека, который скажет: вы мне крышу почините, а потом помогайте этим ополченцам. Но есть такие. Это – к психологу, не ко мне. Хотя и с точки зрения экономической Донбасс – земля богатейшая. Это – кровоток, и сколько он способен прокормить регионов своими промышленными мощностями, если их запустить правильно!

Все обусловлено экономически. Менее всего господин Путин похож на идеалиста, который по всему земному шару поддерживает разнообраз-

ные революционные режимы. Нет, конечно! Все очень точно просчитывается, он точно знает, что ожидает получить. И вся внешняя политика направлена никак не на амбиции Владимира Владимировича. Никаких амбиций у него в Сирии нету. Да и на Донбассе тоже нету. С Крымом были, но это отдельная история, имеющая свои обоснования. Я думаю, вся статистика, расчеты прибыли-убыли, дебета-кредита – к этому очень серьезно относятся люди, принимающие решения. И я бы призвал граждан России не думать так: у меня вытащили из кармана ради непонятных целей. Ради понятных целей! Ради в конечном счете нас с вами. Вообще, все, что Россия имеет, и все, что мы имеем – теплые дома, воду, свет и все остальное, – мы имеем в том числе в силу того, что Россия именно так всегда себя вела. Она дошла до Сибири, пошла дальше, и поэтому у нее есть нефть, газ... Мы жили бы раз в пятнадцать хуже, чем живем, если бы этой политики не было. И если кто-то скажет, что, мол, сейчас XXI век, больше ничего такого не надо, – это полная ерунда. Потому что планета – та же самая, те же игроки продолжают ту же экспансию – в нефти, газе, воде, лесе, полезных ресурсах, те же самые страны заинтересованы в этом, как и двести, триста лет назад. По-другому не будет. Надо все это беречь, либо отжимать, либо влиять на это. Внешняя политика – это наша внутренняя политика. А россиянам иногда надо не по-туристически наблюдать образ жизни на Западе и на Востоке. Наши представления о жизни во Франции, Турции, Египте, Таиланде, США зачастую неадекватны. Мы даже не представляем, сколько людей живет там в таком виде, в котором у нас не живет никто. Я недавно был коротко в Париже – столько бомжей я видел у нас только в 1995-м. Они везде – дети, старики... Ложатся на асфальт, заворачиваются в одеяла. Это что такое в XXI веке?

– Беженцы или уже свои?

– Нет-нет, свои! Если беженцы въехали в район, то полиция старается туда не заглядывать. У нас нет таких районов. А могли бы и у нас быть. Есть районы с несколько преувеличенным количеством представителей бывших республик или действующих автономий, но это несопоставимо с Францией или Германией. Просто мы не знаем и идеализируем. Я был года два назад в одном немецком городе: в центре и даже на втором круге центра не живут уже местные жители, потому что неподъемная квартплата и ЖКХ. Город населен чужими людьми, а все местные уехали в деревни. В Барселоне сойдите с туристического маршрута во дворы. Это просто кошмар! Огромная бомжатня, полная наркоманов, проституток, грязи. Вы таких дворов не видели! А ведь Барселона – очень богатый приморский город, один из туристических центров Европы... Не надо слепо кивать на Запад.

– У нас повелось со времен Петра кивать на Запад. И люди, увы, не меняются. Как вы думаете, почему мы не учимся на ошибках и уроках истории?

– Не знаю... Невозможно чему-либо научиться. Вот рожать больно и воевать смертельно опасно. Но люди рождаются для того, чтобы какие-то вещи проходить самолично. И не рождаются с «что такое хорошо и что такое плохо», уже вписаным в сознание. Человек все равно что-то признает. В свои 42 года я вижу, что воспроизводятся те же самые конфликты. Падение ребенка – для того, чтобы набить себе шишки. Столкновения с родителями, преодоление внешнего сопротивления, себя, своих слабостей – это вживаемость и выживаемость в мире. Что толку делать выводы, если картина мира не очень изменилась? Она все равно пребывает, плюс-минус, в том же самом виде – геополитическом и социальном. Нас много, мы разные. После падения Вавилонской башни мы отличаемся друг от друга. Пытаемся найти общий язык и пытаемся манипулировать друг другом, пытаемся друг друга ограбить, пытаемся друг друга полюбить. Все это – путь каждого человека. Как и путь семейной жизни, взаимоотношения с любимыми – женщинами, мужчинами, родителями, детьми. Какие могут быть выводы? Никаких. Можно только пройти это все.

– Но нас же не удовлетворяет неудачный опыт наших предшественников, мы же умнее предков...

– Мы никак не можем договориться. У нас нет консенсуса по поводу удачности или неудачности опыта. Мы всё еще раз должны с вами выяснить для себя. Вот столетие 1917 года и есть достаточно жесткое противостояние умнейших людей России. Одни считают, что это – катастрофа, другие – что это максимально удачный опыт. Ну, какой мы можем сделать вывод? Каждый делает выводы для себя. Видимо, в этом и есть какая-то Господня задумка, чтобы мы не делали идентичных выводов не из чего, и это способ нашего развития – придумывание себе все более сложной мотивации, все более сложной системы доводов. Как бы интеллектуальный тонус.

– Захар, ваш первый роман, «Патологии», – о войне. То есть война – патология. А революция – это что?

– Нельзя сказать, что война – патология. В романе есть фраза, что все истинное стоит на грани патологии. Влюбленность, страсть, война, ревность... Все обычное человеческое стоит на грани патологического и экстремального. А если не стоит на грани экстремального любовь к женщине или любовь к родине, то она недостаточна. И либо женщина и родина тебе не поверят, либо ты их покинешь, либо они – тебя. В этом смысле и революция, и отношение к женщине и детям, и война – это вещи одного порядка. Они нормальные. И одновременно эта норма всегда стоит на грани патологии, безумия, перехода какой-то грани.

– А почему война – это нормально? Извините, пожалуйста! Вы были на войне не раз. Разве это нормально?

– Знаете, однозначный ответ – нормальна война или ненормальна – можно только в другом аспекте рассматривать, в том числе религиозном. Многие святые отцы совершенно спокойно к этому относились, потому что, как у Достоевского сказано: «Вы думаете, люди идут на войну убивать? Они идут жертвовать собой». И это на самом деле так. Вот я сейчас наблюдаю своих бойцов на Донбассе – кажется, что они живут с ощущением того, что они бессмертные... Я жену привез туда. Она сказала: «Господи, спасибо за то, что Ты открыл мне глаза!..» Вот я сижу с людьми, которые не руководствуются тем, чем руководствуются 99 процентов людей в городах. В них нет никакого пафоса по отношению к себе, никакого ощущения дела, которым они занимаются, никакого желания как-то себя позиционировать по отношению ко всему происходящему. Они просто берут автомат, собираются, уезжают, садятся в окопы, три дня там ходят. Могут не вернуться, возвращаются обратно, сидят за столом, едят, шутят... Как бы. Это в ином состоянии просто!

– Быт...

– Да. Быт. Состояние абсолютного религиозного откровения. В этом смысле – нормально ли это? Нет, ненормально. Это вообще ненормально, что человек, молодой человек, относится легко и спокойно к своей смерти и что он за какие-то идеалы сражается, о которых не особенно даже разглагольствует. Нормально это или ненормально? Или опишем тут жизнь сноба из пределов Садового кольца, который сидит в кафе и рассуждает о том, что там – быдло разнообразное, которое не нашло себя в мирной жизни, а вот он нашел себя. И я, честно говоря, не очень понимаю, в чем тут нормально, а в чем там – ненормально? Все это имеет разные признаки и разные градации, но с теми людьми в Донбассе мне, безусловно, куда приятнее, чем с этими. Я там абсолютно в своей среде нахожусь, а тут не вижу никаких причин даже смотреть на этих людей и как-то пытаться понять их мотивацию. Мне они не любопытны.

– Потому что там есть идеалы, а тут их нет?

– По десяткам разных причин. Там мало игры, забавы, позы, статуса... И терминология, и понятийная система, которой здесь пользуются, там не нужны.

– Люди идут сражаться и погибать за идеалы. Идеалы эти простые, но они почему-то уходят из мирной жизни...

– Нет, тут тоже есть какие-то идеалы. Может быть, даже у кого-то – те же самые. В любом случае идеалы – это не дар, это труд, как и все самое важное на свете. Если это семья, жена, дети, любовь, родители, родина – они требуют труда постоянно. Не разового вложения – вот, ребенка родил, и вот он у меня теперь есть, – а они требуют постоянного ежеднев-

ногого труда, ты с этими идеалами все время возишься: вытираешь ему нос, расчесываешь ему волосы, зарабатываешь ему на хлеб. Это и есть работа с идеалами. А человек хочет сказать: все, идеал теперь – я. Я сам – идеал, и все должно вокруг меня вортеться, потому что я же родился на белый свет, такой идеальный, и, собственно, мое счастье и есть точка отсчета значимости этого мира. И если нет этого счастья, значит, надо валить отсюда – например.

погибали, их тут убили – миллионы людей! Они не свалили отсюда, они эту землю сохранили. А ты говоришь: пора валить. Ну, вали. Либо молчи по этому поводу. Если ты говоришь, тогда я тоже тебе скажу. Мне Ксения Собчак говорит про эту песню: «Захар, вы это серьезно?» Я говорю: «А вы – серьезно?» И она даже не понимает, о чем идет речь. Я могу сказать, а вы-то, Захар, зачем так говорите?.. Ну, я теряюсь. Это детская убежденность в своей правоте и в своем праве все, что угодно, произносить и чтобы им ничего за это не было...

– *Инфантильная безответственность. И очень активное нарушение либералами основного либерального принципа: «Твоя свобода кончается там, где начинается свобода другого».*

– Может быть. Может быть. Очень хорошая фраза, но ее редко применяют к реальным жизненным ситуациям.

– *Идеалы на войне, когда для человека жизненно важны семья, любовь, дом, родители – ближний круг. Но идеалы национал-большевизма – это другая категория: глобальное переустройство...*

– Да нет, это все однокоренные слова. Смотрите: есть рождение, есть ребенок, род, родители, родня, родичи, родина... Буквально из одного корня все произрастает. И никакого ближнего круга нет. Просто как древесные кольца – одно и то же дерево. Никакой разницы нет.

– *В «Обители» у вас история про людей, которые, выйдя из лагеря на Соловках, строят БАМ. Сейчас БАМ восстанавливают уже после брежневского времени. Но это еще царский проект. Получается, уже третий заход на эту территорию, преемственность...*

– Просто выясняется, что прогрессивные идеи в конечном счете оказываются не случайными, а исторически необходимыми. Приходится доделывать.

– *И интересен один из посылов в «Обители»: Бога не нужно искать – Его нужно видеть.*

– Это один из персонажей говорит. Мало ли что они говорят! Наверное, в какой-то момент богоискательство превращается в зачарованность самим процессом. Люди входят в состояние полного умственного ступора от перенасыщенности этой почти алхимической системы, чтобы услышать Его, увидеть Его, поговорить с Ним. С другой стороны, есть путь затворничества, монашества, путь девушки Серафима, который никого нигде не ищет, просто сидит-сидит, а потом он Его видит. Меньше суеты и меньше разговоров иногда требуется для того, чтобы что-то настоящее узреть. Меньше умствования, больше тишины и честности.

– *Бог не вне, а внутри нас?*

– Он и вне нас, и внутри, у кого-то на горбу... Он – вездесущ. ☺

ВЛАДИМИР ГЕРДО/ГАСС

Замечательная точка зрения по поводу нашей песни «Пора валить тех, кто говорит: «Пора валить!» – она же метафорическая! Надоели те, кто абсолютно убежден в том, что можно говорить в России: «Пора валить». С чего ты взял, что кто-то должен знать о том, что тебе тут плохо? Ну, собрался и вали! Но почему ты считаешь, что эта позиция заслуживает внимания? Более того, почему ты считаешь, что моя позиция по отношению к твоей позиции является экстремистской, а твоя не является экстремистской? Здесь люди жили, трудились, умирали,

ЛЕЧЕБНАЯ КАРТА

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

У ПУШКИНСКОГО ВАЛЬСИНГАМА ИЗ «МАЛЕНЬКИХ ТРАГЕДИЙ» БЫЛИ СВОИ ОСНОВАНИЯ ПРОИЗНЕСТИ: «ИТАК, – ХВАЛА ТЕБЕ, ЧУМА!..» У МОСКВИЧЕЙ, ЖИВШИХ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА, ТОЖЕ ИМЕЛИСЬ РЕЗОНЫ, ЧТОБЫ ВОСПЕТЬ ГИМН ОДНОЙ ИЗ САМЫХ СТРАШНЫХ БОЛЕЗНЕЙ ТОГО ВРЕМЕНИ.

ЭТО ВОВСЕ НЕ ЧЕРНЫЙ юмор, как можно подумать сторяча. В 1770 году в Первопрестольную с турецких рубежей прокралась чума. Первый случай заболевания зафиксировали в ноябре. Заболел офицер, прибывший из действующей на Дунае армии и находившийся в Московском генеральном сухопутном госпитале. А уже в следующем году счет смертей пошел на сотни, а то и тысячи в день. Погасить эпидемию удалось спустя год, который унес, по мне-

нию ее покорителя графа Григория Орлова, более 50 тысяч жизней, а по мнению Екатерины Великой – до 100 тысяч. Так вот – о резонах. Способы борьбы с заразой использовали разные, в том числе материальные стимулы. Все зараженные и добровольно явившиеся в карантины в случае выздоровления на выходе получали одежду и денежку. Холостые – 5 рублей,женатые – 10. Сумма по тем временам немалая. Довольно сказать, что лошадь для хозяйства под телегу или плуг стоила до 10 целко-

вых. Второй резон был в том, что в городе озабочились строительством водопровода, так как жители в большинстве своем пользовались водой из Москвы-реки, Яузы и Неглинки. А она и тогда чистотой не отличалась. Но главную пользу оценили не сразу, понадобилось лет тридцать.

На медицинском совете, собранном Орловым по прибытии в Москву для наведения порядка, было высказано несколько толковых предложений оперативного характера. Но одно носило характер стратегический: «учредить несколько новых больниц за чертой города». Чертогорода – это Камер-Коллежский вал, следующее за Садовым кольцом. Он был срыт в середине XIX века, а на месте земляной насыпи и рвов возникли улицы, многие из которых и сегодня несут в названии слово «вал». Например, Грузинский Вал, Сущевский, Сокольнический, Крутицкий, Даниловский...

Главный вход в Шереметевскую больницу. Она же знаменитый «Склиф»

ПРЕДТЕЧИ И ПРОТОТИПЫ

Получилось, что эпидемия подтолкнула и власти, и меценатов к тому, что в Москве начали строиться современные для конца XVII – начала XIX века лечебницы. Дотошный читатель может завязать дискуссию, оттолкнувшись от приведенной цитаты. Мол, если учреждаются новые больницы, значит, имелись и действующие. Это смотря что считать городской больницей. В скромных приютах при Чудовом, Андрониковом, Николо-Угрешском, Новодевичицем, Донском и Новоспасском монастырях врачевали как могли монашествующие. Точных данных о том, когда возник каждый из этих «медицинских центров», не сохранилось. Но первыми затеяли благое дело греческие монахи, прибывавшие в Москву из Византии. В начале XVII века патриарх Филарет, вышедший из польского плена, обустроил у Никитских ворот вокруг Феодоровской церкви (той самой, прихожанином которой был Александр Суворов. – Прим. авт.) свою резиденцию. А при ней открыл небольшую лечебницу для бедных с аптекой. Она просуществовала до 1709 года, когда правнук патриарха царь Петр I

упразднил Феодоровскую обитель. Впрочем, государь тогда не только обитель упразднил, но и само патриаршество. Приют, правда, уцелел и был переведен в Новинский монастырь, стоявший когда-то рядом с местом, где речка Пресня впадала в Москву-реку. В 1764-м монастырь упразднила Екатерина II. В материалах по истории столичного здравоохранения, случается, первой гражданской лечебницей называют ту, что открыл боярин Федор Ртищев, близкий друг царя Алексея Михайловича. В середине 50-х годов XVII века Федор Михайлович, не ведавший недостатка в средствах, разместил в принадлежавших ему домах два приюта. В одном лечили бедный люд. Помещение вмещало от силы 15 коек. В другом,

«Гошпиталь»
Петра Великого
с серпом
и молотом

На Госпитальном
Валу

работавшем время от времени, обижали неимущих и пьяниц. Такой вот прототип вытрезвителя. После смерти боярина приют-больница сгорела, но был отстроен новый небольшой дом, в котором вплоть до начала следующего столетия продолжали лечить людей. О судьбе «вытрезвителя» ничего не известно. Не оценить благие деяния Ртищева невозможно. Но и городской клиникой его проект назвать по любому счету нельзя.

ПЕТРОВСКАЯ «ГОШПИТАЛЬ»

Без всякой натяжки именно нынешний Главный военный клинический госпиталь имени академика Николая Бурденко можно назвать первым городским стационарным лечебным заведением. В 1706 году Петр I подписал именной указ, согласно которому следовало «построить за рекою Яузою противу Немецкой слободы в пристойном месте гошпиталь для лечения болящих людей». Заметьте, вообще болящих, а не только военных. В военно-медицинское учреждение госпиталь был превращен только в 1801 году.

Петр Алексеевич был, бесспорно, большая умница. Мыслил, что называется, комплексно. Затеял не только первую в России клинику, но и медицинскую школу при ней. Кроме того, на территории больницы был разбит ботанический сад, в котором выращивали лекарственные растения для приготовления снадобий. Сам ли государь придумал или подглядел где, не важно. Важно, что с его тяжелой руки в Лефортове начала прорастать культура отечественного здравоохранения. Для дела Петр не жалел ничего. Начальником «гошпитали» был назначен Николай Бидлоо, прибывший в Россию из Голландии в 1702 году. Не просто врач – лейб-медик! Менее чем за год на берегу Яузы возникло 30 деревянных построек. В них разместились палаты для больных, аптека, медицинская школа, даже анатомический театр. Здесь жили студенты, в том числе выпускники, получившие первые в стране го-

сударственные дипломы. Среди «светлиц» возвышался большой деревянно-каменный дом, где и происходили всяческие процедуры, при нем – домовая церковь Воскресения Христова.

Первых пациентов – а их госпиталь вмещал не более сотни – приняли в конце 1707 года. Через девяносто лет император Павел распорядился произвести генеральную реконструкцию госпиталя. Но увидеть плоды этого саженца Павел Петрович не успел. Все работы завершились только в 1802 году. В сущности, результат работы архитектора Ивана Еготова можно видеть и сегодня. Все четыре построенных им корпуса в целом сохранились. В начале XIX века госпиталь мог единовременно содержать до 1300 пациентов. Всего за 311 лет через руки здешних врачей и сестер милосердия прошло более 4 миллионов пациентов. Большая часть приходится на военных. Только во время Первой мировой войны госпиталь принял около 400 тысяч раненых и больных.

БОЛЬНИЦА ЦЕСАРЕВИЧА

Помимо «гошпитали» Петра Великого в Москве до нашествия чумы была еще одна лечебница. Она называлась Императорской Павловской, а с 1882 года – больницей императора Павла I в Москве. По имени отца-основателя. Хотя стоит уточнить, что «отцу» в год ее основания было всего 9 лет и был тогда Павел Петрович не императором, а наследником престола. Стало быть, самостоятельно решения такого масштаба вряд ли мог принимать. В кулисах находились его мать Екатерина II и воспитатель цесаревича обер-гофмейстер граф Никита Панин. Вышло так, что в 1762 году прибывший под опекой Панина в Первопрестольную на коронацию матушки великий князь Павел заболел. Да так сильно, что оказался в шаге от смерти. Но Бог миловал. По излечении Павел обещался сделать все, чтобы в Москве построили больницу для людей любого сословия, а ее содержание обеспечи-

вать из своих личных средств. В итоге в 1763-м Екатерина подписала указ, в котором говорилось: «Учредить свободную больницу, к чему и способное место избрано, близ Данилова монастыря...» Таким «способным» местом оказалась усадьба генерал-прокурора Александра Глебова, задолжавшего казне 200 тысяч рублей. Находились весьма обветшавшие деревянные строения между Даниловым монастырем и Серпуховской заставой. Правда, имелись пруды и большой парк, что для любой клиники плюс, но вот сами здания... В них могли поместить от силы 25 коек. А через год находиться в помещениях стало крайне тяжело из-за их ветхости. В 1766 году территорию очистили от старья и построили новые здания. Не прошло и двадцати лет, как пожар уничтожил главный корпус и сильно повредил вспомогательные флигели. Мрачный шлейф, тянувшийся за судьбой Павла Петрови-

В липовом сквере у Павловской больницы

ча, каким-то мистическим образом цепляется и за историю больницы его имени. С одной стороны, здесь служил главным врачом истинный гражданин Москвы XIX века доктор Федор Гааз. Тот самый, что произнес знаменитое: «Спешите делать добро». С другой стороны, работая именно над проектами этой клиники, пострадали два великих русских архитектора. Василий Баженов и Матвей Казаков. Первый – косвенно. Второй – напрямую.

После пожара цесаревич пригласил Баженова и предложил ему сделать фундаментальный проект. Архитектор создал пять вариантов, но стройка так и не началась. Формальное объяснение – не нашлось средств. Ведь мать-императрица держала сына в строгости после того, как выяснилось, что они потеряли общий язык. Но есть и другая версия. В 1786 году архитектор Баженов был отправлен в отставку и лишился возможности заниматься государственными проектами. Причина – в крайнем недовольстве Екатерины по части дворца в подмосковном Царицыне. К тому времени, когда последовало указание прекратить там все работы, строительство шло десять лет и близилось к завершению. Однако государыня видеть это детище Баженова не пожелала более в любом виде.

Казаков пострадал таким же образом – Московская судебная палата отстранила его от строительства казенных зданий. Как вскоре выяснилось, пожизненно. По причине растраты средств при строительстве, к которой он никакого отношения не имел. Правда, суд случился после того, как построенный Казаковым красавец-дворец был сдан, а больница возобновила прием пациентов. Сейчас она официально называется «Городская клиническая больница №4», то есть 4-я Градская. Есть по этому поводу один вопросик. Знаменитая 1-я Градская значительно моложе, однако ж – 1-я! Бедный Павел...

Старо-
Екатерининская
фабрика
здравоохранения

ПЛОД ЕКАТЕРИНЫ

Весьма склонная к благотворительности Екатерина Великая по непонятным причинам к медицинским учреждениям относилась без особого энтузиазма. В Москве она оставила один след – Екатерининскую больницу на 3-й Мещанской улице, ныне улице Щепкина. Не самый, надо признать, добродушный околоток в конце XVIII века. Впрочем, место выбрано

сообразно будущей клиентуре. «Усмотря, что в числе скитающихся по миру и просиявших милостыни в здешнем городе есть престарелые,увечные и больные, которые трудами своими кормиться не в состоянии, также никому не принадлежащие люди, об коих никто попечения не имеет, благорассудили мы, по природному нашему человеколюбию, учредить под ведомством здешней поли-

Старо-
Екатерининские
бара́ки здравоохранения

ции особую больницу и богадельню...». Указ был на имя московского обер-полицмейстера Николая Архарова.

Этот указ был прямым следствием реакции государыни на обрушившуюся на Москву эпидемию чумы. Он был подписан в 1776 году. Все больничное хозяйство располагалось в 13 деревянных постройках, по случаю подобранных для такого рода деятельности. Особенностью данного заведения было наличие при клинике работного дома, предназначенного для содержания там «мужского пола ленивцев, употребляющих для пиления дикого камня». В целом больница располагала 150 койками для пациентов, сотней кроватей в богадельне, имелся также инвалидный дом для ветеранов военной службы.

В отличие от остальных лечебных заведений Москвы эта

клиника, переименованная в 1833 году в Старо-Екатерининскую в связи с появлением в самом центре города внушительного филиала, получившего название «Ново-Екатерининская», обзавелась каменными постройками на пороге ХХ века, в 1898 году. Примечательно, что это был корпус для персонала и прислуги. Даже доктору Гаазу, главному врачу в 1840–1843 годах, при всем его влиянии и авторитете не удалось привлечь средства для, как говорится, замены жилого фонда. Но в конце века больнице стали помогать известные московские меценаты из семей Морозовых, Кавериних, Крестовниковых. Так, Александр Каверин пожертвовал 100 тысяч рублей на строительство храма, который в 1899-м освятили в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость». Церковь расположилась в больничном саду.

Замечательно звучит формулировка, объяснявшая причину закрытия храма в 1924 году: «Колокольный звон беспокоит больных...» В определенном смысле все верно. Если сделать поправку на то, кто они, эти больные. Добрая половина населения страны с патологической злобой старалась уничтожить православную веру. Эту половину колокола беспокоили также, как полная луна – экс-поэта Ивана Бездомного.

В 1891 году в Старо-Екатерининской открылся самый большой в Москве родильный дом, в котором хозяйствовал известный специалист в этой области Григорий Граузман. Кстати, именно здесь в 1938 году появился на свет Владимир Высоцкий.

Итак, в 1833 году у больницы появился филиал. Хотя назвать филиалом чего-либо внушительное здание на углу Страстного бульвара и Петровки язык

Памятник
Высоцкому
на фоне Ново-
Екатерининской
больницы

Храм царевича
Димитрия
Угличского при
1-й ГКБ им.
Н.И. Пирогова

не поворачивается. Бывшая городская усадьба князей Гагариных – истинный образец русского дворцового классицизма. В 70-х годах XVIII века ее строил Матвей Казаков. До того как в ее хоромах разместились больничные палаты, тут проводили вечера члены московского Английского клуба, арендовавшего здание десять лет вплоть до Отечественной войны 1812 года. Тут в 1806 году чествовали героя Шенграбенского сражения генерала Петра Багратиона. После московского пожара пострадавшая усадьба долго пустовала. В 1828-м ее выкупил генерал-губернатор Москвы Дмитрий Голицын с одной-единственной целью: переоборудовать весь комплекс под лечебницу. Что и было сделано. В связи с этим часто возникает путаница, то и дело больницу называют Голицынской, а сам роскошный особняк включают в список необъятных владений семейства Голицыных. Хотел пройти мимо, но из уважения к персоналу 24-й городской клинической больницы, в состав которой до недавнего времени входили и помещения бывшей Ново-Екатерининской, не смог. При подготовке этого материала приходилось заглядывать на сайты соответствующих клиник. Есть скучные, есть сделанные с любовью, но история этой лечебницы в дореволюционный период, изложенная на сайте 24-й и содержащая всего пару-тройку абзацев, искажена до неузнаваемости. Про Антона Чехова, впрочем, по делу вспомнили. Антон Павлович проходил тут практику, будучи студентом-медиком. Официальное открытие больницы благословил император Николай I. Официальное закрытие – московские власти в 2009 году. Шесть лет шла реконструкция, реставрация, капремонт, сопровождавшийся сносом трех корпусов и строительством на территории бывшей клиники современного здания для заседаний. Мосгордума въехала сюда в 2015-м.

Парадный
портик
Голицынской
больницы

НА БЕРЕГАХ МОСКВЫ-РЕКИ

Одно из самых знаменитых лечебных заведений страны – 1-я Градская больница. И пусть ее нынешнее название звучит несколько иначе – «Городская клиническая больница №1 имени Николая Пирогова», – для москвичей, да и многих приезжих, она остается 1-й Градской. Репутация. Масштабы. Нумерация. Расположение – на крутом берегу Москвы-реки в 300 метрах от воды. Ниже по склону – Голицынский пруд в Нескучном саду. Если быть точным, то в Парке Горького, но когда-то этот кусок земли был отрезан именно от Нескучного сада, части которого принадлежали с севера на юг графам Орловым, князьям Голицыным и князьям Трубецким. По распоряжению Николая I в 1843 году земли были выкуплены и объединены в одно городское парковое пространство. А с чего она начиналась, 1-я Градская? Если из Парка Горького пойти в противоположную от реки сторону, то попадешь на ее обширную территорию с тыла. Часть этих угодий князь Дмитрий Голицын (не путать с

генерал-губернатором. – Прим. авт.), не имевший детей, но имевший колоссальное состояние, завещал передать под строительство больницы. Наследовавшие ему кузены Михаил и Александр волю усопшего в 1793 году князя выполнили в точности. На строительство клиники было выделено, по разным данным, от 850 тысяч до миллиона рублей. Сколько это в нынешних деньгах? Довольно сказать, что килограмм пшеничной муки в 1790-м стоил... 2,5 копейки.

Кроме того, меценат передал в дар будущей больнице коллекцию живописи и скульптуры с прицелом на то, что, ежели возникнет нужда в деньгах, ее можно и продать. К слову, коллекция, пополненная шедеврами двоюродного брата Александра, была продана с аукционов в 1817–1818 годах, а вырученные сотни тысяч пошли на содержание Голицынской больницы. С 1810 года коллекция находилась в самой лечебнице, в которой еще на этапе планирования было заложено помещение под картинную галерею. В течение

Мариинская
больница.
Памятник
Федору
Достоевскому

восьми лет видеть замечательные полотна и статуи могли не только пациенты и их близкие, но и все желающие. Бесплатно. Голицыны содержали больницу за свой счет до 1917 года.

В истории ГКБ №1 им. Пирогова есть несколько уникальных моментов. Открытая в 1802 году, она стала первой в истории Москвы клиникой, построенной и содержавшейся на частные средства. Рядом с Голицынской в 1833 году открылась 1-я Градская больница, построенная на деньги из городского бюджета. Это было решение Дмитрия Голицына, того, который генерал-губернатор и основатель Ново-Екатерининской лечебницы. И это тоже было

впервые в истории Москвы, когда город – не император, не меценат – оплатил строительство медицинского объекта. Годом ранее в Голицынской открылась первая в России фельдшерская школа. В 1876 году в больнице появилась такая услуга, как амбулаторный прием. По сути, возникли корни, из которых впоследствии выросла вся система поликлиник. Ранее такие услуги оказывали только врачи-частники. Из непонятного: с первых дней больница принимала на лечение всех, кроме крепостных крестьян. Спустя некоторое время начали спасать и крепостных – но за деньги, в отличие от пациентов других сословий.

БОЖЕДОМКА ДОСТОЕВСКОГО

Вдова императора Павла Мария Федоровна после гибели мужа особое внимание уделяла благотворительным проектам. Москву она знала мало, бывала в ней редко. И при муже, и после жила в основном в царских резиденциях под Петербургом. Однако именно ее величество выразила желание построить в Первопрестольной в память о царственном супруге больницу для бедных. Она должна была стать аналогом лечебницы, открытой в 1805 году в Петербурге на Литейном проспекте. Удивительный случай, но основу капитала, необходимого для стройки, составили не казен-

ные деньги и не деньги благотворителей. Императрица так поставила дело в системе общественного признания – в частности, в воспитательных домах по всей России, – что она стала приносить доход. Вот на эти средства будущая Мариинская больница и строилась. Мариинской она стала только после смерти основательницы в 1828 году. А при ее жизни именовалась просто: больница для бедных. Она и расположилась в таком месте, где концентрировались бедные да убогие – на север от Москвы, на Божедомке.

Можно предположить, что, когда в 1806 году среди неврачных домишек, сараев, дешевых трактиров поднялся во всей красе главный корпус с мощным 8-колонным портиком и полукружьем домового храма с тыльной стороны, многие из местных обитателей восприняли это как чудо. В 1813 году к корпусу пристроили два флигеля, и здание приобрело законченный вид. Больница была рассчитана на

200 коек. Причем палаты находились в главном корпусе, церковь Святых Петра и Павла разделяла его на две равные части и была спроектирована так, что службу могли слушать все, в том числе лежачие больные. Во флигелях получали служебное жилье служащие в лечебнице врачи. Весной 1821 года в южном флигеле получил квадратные метры штаб-лекарь Михаил Достоевский, которые и занял с сыном-тезкой и беременной супругой. Осенью родился второй сын, нареченный Федором. Крестили его в домовой больничной церкви. Обычно первые детские воспоминания сохраняются в памяти начиная с 3–4-летнего возраста. Достоевский вспоминал о службах в храме, когда ему было только 2 года. И вспоминал такие подробности, которые выдумать невозможно. Один из самых известных штампов в учебниках литературы и литературоведческих работах, связанных с жизнью и творчеством гения – это «Петербург Достоевского». Такой

Петербург на самом деле существует, кто бы спорил. И Раскольников – человек Петербурга, в котором учился и сам Достоевский. Но вот все ли « униженные и оскорбленные » родом из гордого города Петра? Образ Сонечки Мармеладовой мог родиться в голове при виде тех несчастных, что получали помощь в Мариинской больнице и приходили на исповедь в ее домовую церковь. Тем более что ежедневно будущий писатель и философ видел прототипы почти до 16 лет. Из Мариинской больницы он уехал только в 1837-м.

В 1925 году больницу закрыли. В ее зданиях поселился Московский туберкулезный институт. Сейчас тут находится медицинский объект – НИИ фтизиопульмонологии ММА имени И.М. Сеченова. Прием у врача – 900 рублей, рентген – 900, флюорография – 900... С момента основания в течение века с лишком Мариинка лечила да-ром. Зато Божедомка, что Нижняя, что Верхняя, теперь улица Достоевского.

Южный флигель
Мариинской
больницы,
в котором
проводил детские
и отроческие годы
Достоевский

Тот самый
«Склиф»
имени графа
Шереметева

«СКЛИФ» ОТ ШЕРЕМЕТЕВА

Подсчитано, что за 117 лет своего существования Странноприимный дом, более известный при царях-батюшках как Шереметевская больница, оказал ту или иную помощь 2 миллионам человек. И что потратили на них граф Николай Шереметев и другие благотворители примерно 6 миллионов рублей.

Почему так вышло, что о Шереметеве применительно к НИИ скорой помощи имени Склифосовского мало кто вспоминает, зато жаргонное «Склиф» знает вся страна? Юрий Никулин в «Кавказской пленнице» помог — «короче, Склифосовский!»? Не менее интересно, почему же имени Склифосовского? Институт в честь Николая Васильевича назван в 1923 году, то есть уже при Советах, но умер известный хирург задолго до революции, в 1904-м. Впрочем, высокочтимый советской властью Николай Пирогов тоже до тектонических

сдвигов в Отечестве не дожил. Тема переименований — вещь болезненная, а порой и вредная. «Склиф» так «Склиф».

Вернемся к графу Николаю Петровичу. Свой проект на Сухаревской площади он задумал в 1792 году. Но в основе лежала совершенно другая идея. Хотелось сердобольному внуку Бориса Шереметева, сподвижнику Петра I, построить на собственных землях странноприимный дом, в котором поселять собственных крестьян, потерявших здоровье. При наличии свободных мест пускать туда и московских убогих. Хотя на наличие свободных мест надеяться не стоило бы. Ведь Шереметевы — один из богатейших родов России был. А дом первоначально был рассчитан всего на 100 приживальщиков. Еще 50 мест — для обслуживающего персонала. Все поменялось, когда в 1803 году скончалась жена — Прасковья Ивановна, урожденная Кова-

лева, более известная по псевдониму Жемчугова. Замечательная актриса была крепостной Шереметева. Ярко, но недолго стала на сцене. Получила вольную. И предложение — выйти за графа замуж. Только аристократ шереметевского полета в начале XIX века мог пойти на такой шаг. Или уж совсем захудалый дворянчик из медвежьего угла. Граф супругу обожал и после ее смерти поклялся себе, что вместо странноприимного дома построит невиданную доселе в Москве больницу. А в сущности — памятник ненаглядной Прасковьишке. Но такой, чтоб им не только любоваться могли, а чтоб он пользу приносил. Сам Николай Петрович до открытия лечебницы и богадельни в 1810 году не дожил всего полтора года. Но все его заветы были исполнены. В Москве появился дом-дворец, ни на что не похожий. А в нем людей спасают вот уже более двухсот лет. ●

Николай
Александрович
Найденов
(1834–1905).
Фото начала
1870-х годов

3

А ЭТИМИ БУКВАМИ скрывался фабрикант, банкир, издатель и ме-муарист Николай Александрович Найденов.

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ

Дед нашего героя, Егор Иванович Найденов, происходил из крестьян села Батыево Сузdalского уезда Владимирской губернии. В Москве он оказался в 1764 или 1765 году. Как писал в своих «Воспоминаниях о виденном, слышанном и испытанном» сам Николай Найденов, тогда московский купец первой гильдии Колосов за 1800 рублей купил у капитенармуса Матюшкина село Батыево вместе с крестьянами, которые должны были отныне работать на двух его шелковых фабриках. Одна находилась в Батыеве, другая – в Москве, у Сухаревой башни. Сначала крестьянин Егор Найденов стал учеником в красильне, затем дорос до мастера. В 30 лет женился на 17-летней Дарье, дочери московского купца третьей гильдии Авраама Федулова, происходившего из крестьян дворцовой подмосковной Гжельской волости.

Егор Иванович, по описанию Найденова, был роста среднего, сухощав, глаза имел серые, волосы – темно-русые с проседью, был неграмотен, носил крестьянскую одежду, подпоясывался кушаком. Был неравнодушен к охоте, особенно к травле медведей, для чего держал собак медельянской породы – это мощные кряжистые псы с мертвой хваткой. Любимую собаку Егора Ивановича звали Кричуткой.

Еще одним серьезным увлечением деда было обучение птиц подражанию человеческому голосу. Канареек он учил петь под орган, а скворцов – произносить различные фразы. И достиг в этом такого совершенства, что однажды его вызвали к генерал-губернатору для демонстрации своих удивительных птиц, но, как писал Найденов, «дед, перепугавшись, отдал их безвозвратно посланным, лишь бы только не являться к начальству».

РЕВНИТЕЛЬ СТАРИНЫ

АВТОР

ГАЛИНА УЛЬЯНОВА*

В КОНЦЕ XIX ВЕКА ОДИН БОГАТЫЙ МОСКОВСКИЙ КУПЕЦ СОВЕРШИЛ ТО, ЗА ЧТО ЕМУ ДО СИХ ПОР ПРИЗНАТЕЛЬНЫ МНОГИЕ РОССИЙСКИЕ ИСТОРИКИ. НА ЕГО СРЕДСТВА БЫЛИ СФОТОГРАФИРОВАНЫ ВСЕ МОСКОВСКИЕ ЦЕРКВИ, МОНАСТЫРИ, БУЛЬВАРЫ, АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ И ЦЕНТРАЛЬНЫЕ УЛИЦЫ. А ЗАТЕМ НА СВЕТ ПОЯВИЛИСЬ АЛЬБОМЫ И КНИГИ, ХОРОШО ЗНАКОМЫЕ ЛЮБОМУ ЧЕЛОВЕКУ, ИНТЕРЕСУЮЩЕМУСЯ ПРОШЛЫМ СТОЛИЦЫ: ЧЕТЫРЕХТОМНИК «МОСКВА. СОБОРЫ, МОНАСТЫРИ И ЦЕРКВИ» И «МОСКВА. СНИМКИ С ВИДОВ МЕСТНОСТИ, ХРАМОВ, ЗДАНИЙ И ДРУГИХ СООРУЖЕНИЙ» В ТРЕХ ТОМАХ. ПРЕДИСЛОВИЯ К КНИГАМ КУПЕЦ ПИСАЛ СОБСТВЕННО РУЧНО, ПОДПИСЫВАЯ ИХ «Н.А. Н-ВЪ» ИЛИ «Н.А. Н.».

Вид на село
Батыево
Суздальского
уезда.
Фото 1888 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Егор Иванович Найденов с семейством числился крепостным крестьянином. Он много лет копил деньги, чтобы стать свободным. Такая возможность представилась, когда Колосовы решили продать фабрику вместе со всеми работниками купцу М.И. Титову. Егор Иванович договорился с Колосовыми, что они отпустят его за значительный денежный выкуп. Был найден и человек, хлопотавший во всяких канцеляриях о том, чтобы разрешили уйти из крепостных, — некто Секунд Филиппович Бюстрюков, который был, видимо, как писал Найденов, «из доморощенных ходатаев по делам». Заслуги этого человека были оценены бывшими крепостными: уже после смерти Бюстрюкова и через тридцать лет после получения вольной Найденовыми жена и дочери «ходатая» получали от них ежемесячное пособие.

Из крепостных Егор Иванович был уволен 29 февраля 1816 года, а уже в апреле он поступил в третью гильдию московского купечества. Представитель следующего поколения Найденовых, Александр Егорович, был склонен к чтению и наукам. В детстве он обучался в приходском училище при церкви Мартина Исповедника, что за Таганкой, а позже постоянно занимался самообразованием: изучал французский язык, выписывал газеты, интересовался политической и общественной жизнью. Александр Егорович собрал хорошую библиотеку, вел дневники, посещал театр и дважды в год водил туда детей. Ребенком Найденову посчастливилось видеть на сцене Щепкина, Мочалова и Каратыгина. Любимым времяпрепровождением Найденова и его старшего брата, Виктора, были

Москва.
Петропавловское
евангелическо-
лютеранское
училище при
лютеранской
церкви Святых
Петра и Павла

Александр Егорович Найденов
(1789–1864). 1850-е годы

летние экскурсии с отцом по Москве — на целый день. «При таких путешествиях отец рассказывал о бывшем ранее в том или другом месте», — писал в «Воспоминаниях» Николай Найденов. По его словам, одной из главных забот отца было «дать детям возможное по мере средств образование, что в то время далеко не составляло такого явления, которое теперь считается обыкновенным». После домашнего обучения Александр Егорович отдал детей — сыновей Виктора, Николая, Александра, Владимира, а также дочерей Анну, Ольгу и Марью — в мужское и женское училища при Петропавловской лютеранской церкви.

В училище Николай Найденов поступил в возрасте 9 лет, уже умев читать и писать. Он проучился там четыре года, получив знания по общеобразовательным предметам, немецкому языку и началам бухгалтерии. Затем год занимался с преподавателями, изучая предметы, которых не было в училище, например английский язык.

«С родителями мы жили <...> душа в душу; у нас не было че-
го-либо секретного от них; мы
делили с ними и радости и вся-
кие невзгоды, — писал Найде-
нов в мемуарах, — а последних
встречалось более, нежели пер-
вых; мы звали их «папенька» и
«маменька» и говорили им «вы».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ФАБРИКА И БАНК

Еще в начале XIX века, работая на фабрике у Колосовых, Егор Найденов завел собственную красильню: купил участок на берегу Яузы, там и расположилось его предприятие. С 1820-х годов фабрика уже состояла из нескольких одно- и двухэтажных корпусов. А в 1842 году владение, числившееся «в приходе Илии на Земляном валу», оценивалось в 16 тысяч рублей серебром. Дела шли неплохо: если в 1845-м у Найденовых было 19 рабочих, а продукции в год вырабатывалось на 4500 рублей серебром, то в 1853-м уже 50 рабочих ежегодно производили товара на 9950 рублей серебром. Но к концу 50-х годов прибыль начала падать из-за возросшей конкуренции, так что Найденовым пришлось механизировать свою фабрику. В начале 1860-х годов Александр Егорович стал болеть. Поэтому с 15 лет Николаю Найденову пришлось начать работу в семейном бизнесе. Уже в 16 лет он вел переговоры с поставщиками, контролировал погрузку окрашенной пряжи на возы, сопровождал их к оптовым покупателям, часами находясь в торговых рядах Китай-города. В его заботы входило и «непрерывное хождение по трактирам с хозяевами и приказчиками», чтобы убедить партнеров работать с найденовской фабрикой.

В 1863 году открылся торговый дом «А. Найденов и сыновья». В указателе Всероссийской мануфактурной выставки 1870 года сообщалось, что фабрика Найденовых ежегодно выпускает до 6 тысяч пудов пряжи и шерстяных изделий на сумму до 230 тысяч рублей, а работает на ней сто человек. На той же выставке найденовская продукция заслужила бронзовую медаль «За шерстяную аппаратную пряжу хорошего достоинства». Несмотря на полученное в 1860–1870-х годах признание, сам Н.А. Найденов в написанных двадцать лет спустя мемуарах вспоминал эту эпоху как

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Вид с Высоко-яузского моста на Яузу в сторону Андроникова монастыря. Слева – берег, где в доме Найденовых провел детство и юность Алексей Ремизов. Снимок из альбома Н.А. Найденова «Виды некоторых городских местностей, храмов, примечательных зданий и других сооружений»

тяжостную в отношении предпринимательского везения и экономической конъюнктуры: производство шерстяной продукции переместилось в Польшу, цены на нее упали настолько, что дело стало невыгодным. Изменилась и мода на ткани – старые артикулы уже не пользовались у покупателей спросом. Все это подтолкнуло Найденова к переменам: он решил переключиться на банковское дело. В 1871 году по инициативе Николая Александровича был учрежден Московский Торговый банк, в котором он до самой своей смерти занимал пост председателя правления. А сам банк следующие пятьдесят лет неизменно входил в пятерку крупнейших московских банков.

РЕВНИТЕЛЬ МОСКОВСКОЙ СТАРИНЫ

«Н.А. делал свое купеческое ремесло, и хорошо делал, но главное его занятие было общественное служение, – писал о Николае Найденове представитель известной купеческой династии Владимир Рябушинский. – Жило в нем большое московское купеческое самосознание, но без классового эгоизма. Выросло оно на почве любви к родному городу, к его истории, традициям, быту».

В 30 лет Николай Найденов стал старостой в Московской купеческой управе, еще через год, в 1866-м, – выборным московского купеческого сословия и гласным Московской городской думы, а в 1870 году – выборным Московского биржевого обще-

Здание
Московской
биржи. 1880 год.
Снимок
из альбома
Найденова
«Московская
биржа.
1839–1889»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Здание Московского Торгового банка на Ильинке. Конец XIX века

ства. В 1871–1876 годах Найденов был заместителем председателя Московского биржевого комитета Т.С. Морозова, вместе с которым участвовал в заседаниях Первого съезда фабрикантов и заводчиков, проходившего в 1870 году в Петербурге.

С 1877 года и до своей кончины Найденов занимал пост председателя Московского биржевого комитета. За общественную деятельность – устройство Политехнической выставки в 1872 году, работу в Учетном комитете Госбанка и в качестве председателя Московского отделения Совета торговли и мануфактур – он не раз получал награды, включая российский орден Белого орла,

шведский орден Вазы, бухарскую Золотую звезду.

Несмотря на занятость, Николай Александрович находил время для занятий историческими разысканиями. Эта возникшая у внука крепостного крестьянина и сына купца страсть к родной старине, начавшаяся во время прогулок с отцом по старинным кварталам Москвы, никогда не угасала. Племянник Найденова, известный писатель Алексей Ремизов (см.: «Русский мир.ru» №7 за 2012 год, статья «В сопровождении утренней звезды». – Прим. ред.), в книге «Подстриженными глазами» вспоминал один из вечеров своего детства в доме дяди, в гости к которому приходили известные московские профессора – историки и философы, в том числе Иван Забелин, Нико-

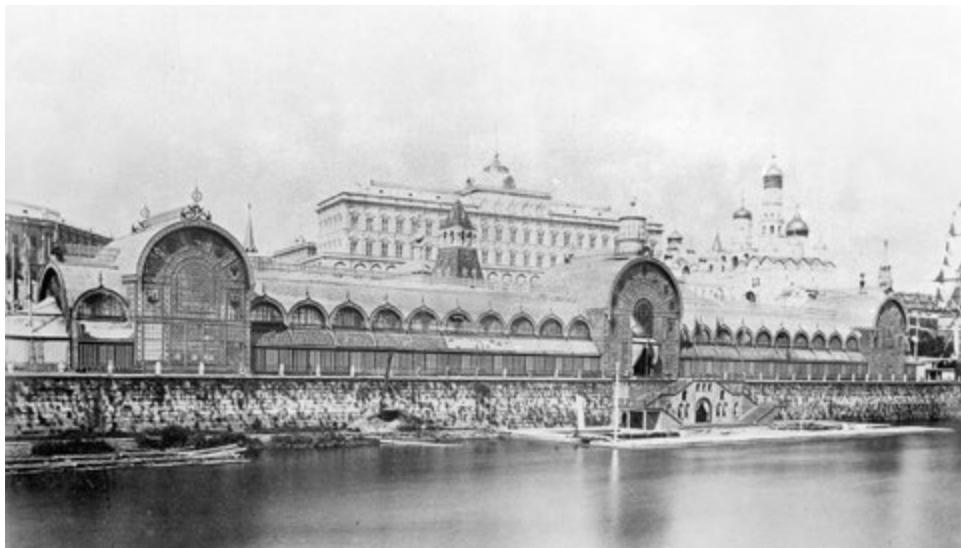
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Присутственная комната
Биржевого комитета.
1889 год. Снимок из альбома
Н.А. Найденова
«Московская биржа.
1839–1889»

лай Зверев и другие. «За ужином дверь в столовую поминутно открывалась и нам было слышно, – пишет Ремизов. – Разговор шел о старинных московских церквях, всем видимых, и о таких, след которых терялся в летописях и писцовых книгах, о церквях «ушедших». Говорили в несколько голосов. Старая Москва оживала в веках».

Найденов сблизился с известным историком Иваном Егоровичем Забелиным, приглашал его к себе в гости на вечера, где обсуждались разные древности. Об этом тоже сохранились детские воспоминания Ремизова: «Потом выступил какой-то старик, говорил он тихо, но очень явственно; а рассказывал он о Гостунском дьяконе, первопечатнике Иване Федорове, о московских мастерах-переписчиках, и как построили в Москве первую типографию, печатный Двор на Никольской, и как писцы, подстрекаемые духовенством, сожгли типографию. <...> И потом, взбудораженный, как сказкой, я вышептывал отдельные слова и имена из московского XVI века, перечислял улицы и церкви, канувшие, как Китеж <...> И мне непременно захотелось узнать, кто был тот старик-рассказчик, пробудивший мою дремавшую память, – и мать мне сказала, что это большой приятель моего дяди Н.А. Найденова, историк Иван Егорыч Забелин».

Изданием исторических документов Николай Найденов начал заниматься в 70-х годах XIX века. Он уговаривал знакомых купцов финансировать выпуск книг по истории русских городов. Напри-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обложка альбома в четырех томах «Москва. Соборы, монастыри и церкви», изданного Н.А. Найденовым в 1882–1883 годах

мер, книга «Переславль-Залесский. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий» была издана на средства мануфактур-советника В.К. Крестовникова, Углича – за счет мануфактур-советника В.Г. Сапожникова, материалы по Тобольску были напечатаны на средства коммерции советника А.К. Трапезникова. В 1877 году Найденов не без труда убедил Московскую думу в необходимости издания фундаментальной истории Москвы, задуманной Забелиным. «Мне кажется, что городскому общественному управлению следовало бы заняться подробным описанием города Москвы, – сказал Найденов, выступая 25 мая на заседании думы. – ...Мы знаем, что

в архивах дела гниют, что свидетельства времен прошедших, из которых можно получить указание на разные источники, постепенно утрачиваются, убывают. Вот именно что побудило меня предложить думе, чтобы этот вопрос был поднят».

Хотя городской голова Сергей Третьяков поддержал это предложение, оно натолкнулось на противодействие некоторых депутатов, считавших, что дума должна не издавать старые бумаги, а «заботиться о своих живых согражданах». Но Найденов был настойчив и продолжал продвигать идею изучения Москвы в городской думе, а позже – изучения купечества в Купеческом обществе. Пока дума решала вопрос с финансиро-

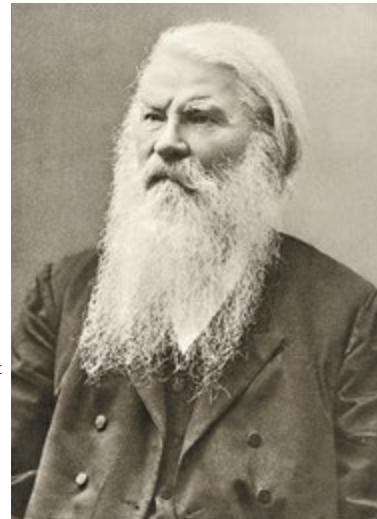
Снимок
из альбома
Н.А. Найденова

ванием, Найденов договорился с архивистами, чтобы они начали поиск и переписку документов, платил им из своего кармана, а потом уже просил выдать ему компенсацию из общественных средств. Он сам вместе с историками ездил в московские и провинциальные архивы, сам обо всем договаривался, писал письма директорам церковных и гражданских архивов, а потом просматривал старинные рукописи. Благодаря стараниям Найденова было издано 11 томов переписных и межевых книг Москвы XVII и XVIII веков, «Переписи московских дворов XVIII столетия», «Московская биржа. 1839–1889», четырехтомник «Москва. Соборы, монастыри и церкви», трехтомник «Москва. Снимки с видов местности, храмов, зданий и других сооружений», «Москва. Городские ряды». По инициативе Найденова и на его средства были сфотографированы все московские церкви, центральные улицы, бульвары, архитектурные памятники, собраны в отдельном издании виды Москвы, взятые с изображений на иконах, в книгах Оружейной палаты, из книг Мейерберга и Адама Олеария, из описаний коронований императриц Елизаветы и Екатерины II. Его заслуги в области изучения истории были признаны: в 1883 году Николая Найденова

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Алексей Михайлович Ремизов (1877–1957), писатель, племянник Н.А. Найденова. Начало XX века

Иван Егорович
Забелин
(1820–1909),
историк
и археолог.
Специалист
по истории
Москвы

избрали почетным членом совета Археологического института «с правами V класса по народному просвещению».

В 1879 году под псевдонимом «Н.Н.» Найденов издал свое сочинение «Сведения об упраздненных храмах, находившихся в Москве на месте Биржи и старого Гостинного двора». В бумагах Московского биржевого комитета уцелела переписка Николая Александровича с Иваном Забелиным в 1894 году о передаче в дар Историческому музею находившихся при Биржевом здании надгробных камней Томилы Тарakanova и его жены. При этом Найденов сам, насколько возможно, расшифровал полустертыми надписи на надгробии.

Сам по себе удивителен факт глубокой увлеченности текстильного фабриканта и банкира Найденова старыми рукописями, сближения и общения с профессиональными историками-архивистами, возникшей у него идеи публикации архивных документов. Он писал добротные предисловия к издаваемым им книгам. Редкостная работоспособность и широчайшие интересы Найденова поражали его современников и удивляют нынешних историков. Ставя перед собой высокие цели, он становился совершенно неистовым и подходил к себе и другим с огромной строгостью, иногда с трудом выносимой его соратниками.

Некоторые детали работы Найденова со старинными рукописями

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

описаны Алексеем Ремизовым. Повествование племянника о дяде пронизано уважением, любовью и легкой иронией, но рассказывает о педантизме Найденова во всем, за что он брался. «Моя мать – урожденная Найденова, – писал Ремизов. – Брат ее, Николай Александрович Найденов, известный торгово-промышленный деятель, председатель Московского биржевого комитета и ближайший сотрудник Забелина, и про это знают только специалисты: описание старинных московских церквей – труд

Николай
Александрович
Найденов.
1890-е годы

циклический – принадлежит Найденову. Моя двоюродная сестра Елизавета Арсеньевна Ежова трудилась над «Писцовыми книгами», делая для него выписки. На Ежову смотрели, как на чудо морское, и называли не иначе как великомученицей. «На Писцовых книгах, говорили, не мудрено и с ума сплыть и уж наверняка глаза потеряешь, а кроме того – под постоянной грозой человеку никак не выдержать!»

Далее Ремизов сообщает, что Найденов не допускал и самых простых описок и никаких вольностей в переносе слов. Особенно его раздражало, если провинившийся оправдывался, что в ста-ринном тексте что-то было «неразборчиво»: «Я все могу разоб-рать!» – кричал он с каким-то визгом, от которого, как утверж-дали попадавшие в переделку, сердце леденело...» Племянницу Лизу, допущенную Найденовым к рукописям, Николай Александрович, трясящийся над рукопис-ными древностями, сажал для работы в зале большой домашней библиотеки, находившейся в найденовском доме на берегу Язы. Он никому не разрешал ее беспокоить, а иногда и запирал женщину в библиотеке на ключ. Правда, и платил достаточно, так что в обиде никто не был.

Николай Александрович Найденов скоропостижно скончался «от грудной жабы» (приступа стено-кардии) 28 ноября 1905 года и был похоронен 3 декабря на фамильном участке в Покровском монастыре. Могила его, к сожале-нию, не сохранилась: некрополь был уничтожен в 1930-е годы.

В некрологе, напечатанном в журнале «Исторический вестник», о Найденове говорилось: «Н.А. происходил из старинной купеческой семьи. <...> Ему был пожалован за труды по развитию отечественной промышленности орден Белого Орла и было предложено дворянское достоинство, но покойный пожелал остаться купцом и от дворянства отказался».

Церковь Спаса
Преображения
на Бору.
Московский
Кремль. 1883 год.
Снимок
из альбома
Н.А. Найденова

* Автор – доктор
исторических наук.

ВОЙНА С ВОЙНОЙ

АВТОР

АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

«ПЕРЕДО МНОЮ, КАК ПЕРЕД ХУДОЖНИКОМ, ВОЙНА, И Я ЕЕ БЬЮ, СКОЛЬКО У МЕНЯ ЕСТЬ СИЛ; СИЛЬНЫ ЛИ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫ ЛИ МОИ УДАРЫ – ЭТО ДРУГОЙ ВОПРОС, ВОПРОС МОЕГО ТАЛАНТА, НО БЬЮ С РАЗМАХУ И БЕЗ ПОЩАДЫ» – ТАК ВИДЕЛ СВОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВУ, ЛЮДЯМ, МИРУ ВАСИЛИЙ ВЕРЕЩАГИН. ЭТО ЕГО ВЕЛИКАЯ МИССИЯ И ЖЕРТВЕННЫЙ ВКЛАД – НЕ ТОЛЬКО В ИСКУССТВО, НО И В САМУ ЖИЗНЬ...

13

АПРЕЛЯ 1904 ГОДА на внешнем рейде Порт-Артура

погорвался на мине и затонул флагман 1-й Тихоокеанской эскадры – броненосец «Петропавловск». Погибло более 600 человек, спасти удалось лишь 80. В списках погибших – океанограф, полярник, вице-ад-

мирал Степан Макаров и знаменитый художник Василий Верещагин.

Илья Репин в траурной речи назвал Верещагина «сверхчеловеком». «Так же, как и Толстой, который ведет пропаганду мира силой слова, наш Верещагин кистью старался показать людям, что война – самая ужасная,

самая нелепая вещь на свете, – отмечал японский писатель Накадзато Кайдзан. – Огромный талант Верещагина особенно сильно проявился в такого рода картинах, где он пытается внушить людям необходимость мира. <...> Он не искал военных наград, он хотел показать людям трагедию и глупость войны, и сам пал ее жертвой. <...> Мы завидуем России, где живет Толстой, а узнав о смерти Верещагина, мы не можем еще раз не почувствовать к этой стране уважения и почтения».

Убедиться в справедливости этих оценок несложно: достаточно посмотреть на работы выдающегося русского живописца в Третьяковской галерее, где проходит выставка «Василий Верещагин», собравшая живописные и графические работы художника из 20 музеев и четырех частных коллекций.

À LA GUERRE COMME À LA GUERRE

Верещагин, родившийся в 1842 году в Череповце в семье местного предводителя дворянства, был определен в Морской кадетский корпус. После его окончания и недолгой службы он вышел в отставку и поступил в Петербургскую академию художеств. Позже, уехав во Францию, учился у известного художника Жан-Леона Жерома. Вместе с Русской армией он побывал в Средней Азии, на Балканах, в Японии. Сражался в пехоте, кавалерии, с моряками взрывал турецкий монитор, ходил в разведку. В 1867-м уехал в Туркестан, в действующую армию, где состоял прaporщиком при генерал-губернаторе Константине Кауфмане и участвовал в баталиях, в том числе в обороне Самарканда в 1868 году. В Третьяковской галерее есть картина Верещагина: у крепостной стены во главе отряда солдат стоит полковник с саблей в руке – это будущий генерал Николай Назаров, который оборонял участок Самаркандинской крепости. 600 русских, в том числе и Верещагин, восемь дней отбивали атаки десятков тысяч врагов. После снятия осады в гарнизоне отметили хладнокровие прaporщика в самые опасные минуты боя. За мужество 26-летний Верещагин был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

После Туркестана художник путешествует по Семиречью, а за-

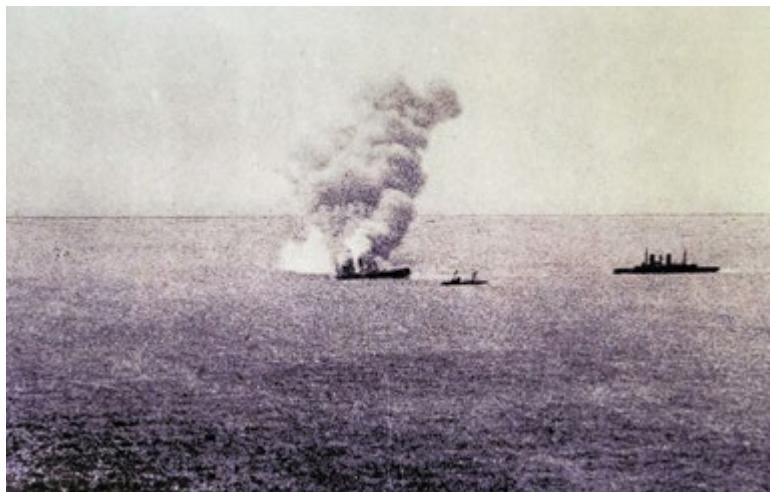
тем отправляется в Западный Китай, где в то время бушует дунгансское восстание. Под впечатлением от его подавления в 1871-м появилась картина «Торжество Тамерлана», позже переименованная в «Апофеоз войны». Существует несколько версий по поводу того, что именно вдохновило художника на создание этого необычного полотна. Самая красивая из них связана с легендой о великом полководце Средневековья Тамерлане. Как-то женщины Дамаска и Багдада пожаловались Тамерлану на измены своих мужей. Правитель, имя которого

Василий
Васильевич
Верещагин.
Просветитель
и гуманист,
офицер
и философ,
этнограф
и патриот

нагоняло страх на целые народы, приказал каждому из своих воинов принести по голове разворотника-мужа. Так якобы были сложены семь «пирамид», в каждой из которых насчитывалось 100 тысяч голов.

Переименовав картину, автор дал миру сильнейшую метафору: восхваление, «Апофеоз войны», алтарь которой требует все новых приношений. На раме он оставил надпись – подсказку для нас: «Посвящается всем великим завоевателям – прошедшим, настоящим и будущим». Это не песнь обезличенных поколений о восхождении к славе, а замкнутая в круг бесконечность. Это – итог всех войн, который предрешен и одинаков. «Если не считать ворон, это у меня натюрморт», – горько шутил художник (фр. nature morte – «мертвая природа». – Прим. ред.). Уже тогда он понимает войну как абсолютное зло, которому надо сопротивляться. Когда грянула очередная русско-турецкая война, художник вновь не остался в стороне. В апреле 1877-го Верещагин из Парижа, где купил дом, обустроил мастерскую и работал над Туркестанской серией, едет на Балканы. Был такой случай: при переправе через Дунай главнокомандующий со свитой стояли на берегу, куда вражеские снаряды не долетали. Вдруг видят – у самой воды, там, где рвутся снаряды, сидит какой-то человек. Смотрят в бинокль: Верещагин! Из-за взрывов он не слышал окриков, и кто-то вызвался спуститься за ним: «Что вы тут делаете?» «На этюде», – ответил художник, сосредоточенно зарисовывая «световые эффекты» и взрывы...

В июне 1877 года в минной атаке на Дунай Верещагин был ранен, едва не умер от гангрены в госпитале в 35 лет. А затем, не дожидаясь выздоровления, сбежал из госпиталя, чтобы успеть к третьему штурму осажденной нашими войсками Плевны. Зимой с частями знаменитого генерала Михаила Скобелева он уже сражается на Шипке у дерев-

На выставке
в Третьяковской
галерее
представлена
фотография
гибели
эскадренного
броненосца
«Петропавловск».
Фото штабс-
капитана Ручьева

НЕСГИБАЕМЫЙ ВЕРЕЩАГИН

Поступление Верещагина в Академию художеств родители восприняли в штыки: отец лишил его финансовой поддержки, а мать сочла его поступок сумасшествием.

За эскиз «Избиение женихов Пенелопы возвратившимся Улиссом» Верещагин получил серебряную медаль академии. И тут же скончалась его работа, посчитав ее неудачной.

Во время обороны Самарканда солдаты называли Верещагина Выручагиным.

Верещагин был единственным художником в истории русского искусства, кто сопровождал свои работы авторскими текстами, располагая эпиграфы на рамах.

Верещагин старался фотографировать свои работы. Благодаря этому мы сегодня можем видеть репродукции картин, которые были либо утрачены, либо уничтожены самим автором.

За свою жизнь художник объездил Кавказ и Закавказье, Туркестанский край, Европу, был в Китае, Тибете, Японии, Индии, Палестине, Сирии, США, на Кубе и Филиппинских островах.

Верещагин провел более 60 персональных выставок в России, Европе и США.

Цикл «Трилогия казней» включал три огромных полотна: «Распятие на кресте у римлян», «Казнь заговорщиков в России» и «Подавление индийского восстания англичанами» («Казнь сипаев»). В 1891 году «Казнь сипаев» была куплена через подставных лиц на аукционе в США, после чего пропала. Многие искусствоведы считают, что картина уничтожена.

Во время поездки по Индии английские колониальные власти подозревали в Верещагине русского шпиона. Об этом в дневниках сообщает его первая жена, Элизабет Мария Фишер, сопровождавшая художника в путешествии.

В 80-х годах XIX века Верещагин пишет несколько картин о жизни Христа, отказываясь от канонической трактовки новозаветных сюжетов. Разразился скандал: на выставке в Вене в 1885 году один из посетителей даже облил картины русского художника серной кислотой.

Мастерская
в уединенной
усадьбе
Верещагина
за Серпуховской
заставой

ни Шейново. Но в конце войны Верещагин откажется от награждения Золотым оружием «За храбрость», что позже объяснит так: «Слишком много видел в те дни и перечувствовал для того, чтобы по достоинству оценить всю «мишуру» славы человеческой». Один из трех его братьев, тяжело раненный под Плевной, был замучен бashiбузуками...

На фронте Верещагин все время делал наброски в альбомах, этюды на маленьких, величиной с ладонь, досочких — сохранилось свыше 200 рисунков и более 60 этюдов: места сражений, укрепления, лагеря, лазареты, убитые, замерзшие, братские могилы.

У художника сложились дружеские отношения со Скобелевым. В 1902 году была опубликована книга Верещагина «На войне: воспоминания о Русско-турецкой войне 1877 г.» с добрыми словами об отважном генерале, умершем в Москве в 1882-м при таинственных обстоятельствах. Художник рассказывал: «Скобелев никогда не выдавал страха! Но чего это ему стоило? Когда его вскрыли, я держал в руках его сердце. Оно разнималось по волокнам, как вареная говядина»...

НЕРВНАЯ РАБОТА

В течение двух лет после войны художник создает Балканскую серию — около 30 холстов! Это не «азиатское варварство», как в Туркестанской серии, это отвержение войны как таковой — «отвратительного народа варварства на цивилизации» и преступления перед человечностью. Художник не знает, как к призраку «подступиться, с которой стороны его подрыть, укусить, ужалить». Верещагин, как Калло и Гойя, в бедствиях и ужасах войны обнажает собственную боль. В одном из писем он пишет: «Вид этих груд человеческих существ неминуемо должен был оказать живое влияние на художественную сторону замысла». В серии почти нет собственно батальных сцен. Это моменты до и после сражения: караульный, замерзающий в пургте, вырытые в сугробах траншеи с горсткой пехотинцев, «психологическая сторона» войны, по выражению Ивана Тургенева. «Мне как-то обидно было, когда называли эти картины батальными, — сетовал Верещагин. — Что за академическая кличка! — картины русской жизни, русской истории...».

О бессмысленном кровопролитии под болгарским Телишем рассказывают два полотна Балканской серии – «Победители» и «Побежденные. Панихида по павшим воинам». Но географическая привязка не имеет здесь особого значения. Это – эпос. Вневременной, универсальный, величественный. И победители, и побежденные раздавлены минувшим боем. Бесчисленные павшие, чьи трупы усеивают поле – скорбное зрелище. Изрубленными, бесформенными, лишенными очертаний комьями они покрывают землю до горизонта. Степь и мертвые тела проникают друг в друга – и под этим серым безучастным небом материальный мир на наших глазах утрачивает цвет и разнообразие... Европейский критик заметил, что в этой картине «есть что-то уподобляющееся видению пророка Иезекииля». В одном из своих пророчеств тот обращается к множеству костей в поле, и мертвые воскресают...

На выставке представлены две картины из цикла «Трилогия казней»

ВОЙНА В ТЫЛУ

«Этого не может быть! Это не-правда!» – возмутился Александр II одной из картин Верещагина, придя на выставку до официального открытия. Автор тут же вырезал ножом холст из рамы и разорвал. «Что ж я мог сказать, когда я сам, своими глазами, видел эту сцену?» – откровенничал он с друзьями.

В 1874-м государь был недоволен уже тремя туркестанскими работами – дескать, порочат честь Русской армии. Автор их скрыл. В феврале 1880-го двору не понравился холст «Под Плевной»: царь со свитой на безопасном расстоянии наблюдают бой. Великий князь Александр Александрович писал одному из своих корреспондентов: «Читая каталог картин Верещагина, а в особенности текст к ним, я не могу скрыть, что было противно читать всегдашние его тенденциозности, противные национальному самолюбию, и можно по ним заключить

одно: либо Верещагин скотина, или совершенно помешанный человек!» Туркестанская и Балканская серии не были приобретены казнью, хотя прусский военный атташе Вердер советовал Александру II купить их, чтобы... уничтожить. Противоречить адской машине войны в общем-то было бесполезно. Но Верещагин противоречил, обращаясь и к простым людям: вот что такое война, неужели вы этого хотите?.. На столичной выставке в доме Безобразова была давка: за 40 дней 200 тысяч посетителей!

И тогда Верещагина обвинили... в отсутствии патриотизма, в газете «Новое время» вышла анонимная статья «Художник-сатирик». Верещагина морально поддерживали друзья: «Тургенев с большим интересом рассматривал мои работы. Тогда были уже начаты две, три картины из турецкой войны; из них особенно понравилась ему перевозка раненых:

У крепостной
стены.
«Пусть войдут».
1871 год.
На раме вверху
авторский текст:
«Тсссы! Пусть
войдут»

каждого из написанных солдатиков он называл по именам: «Вот, это Никифор из Тамбова, а это Сидор из-под Нижнего» и т.п.». Художник Крамской заметил: «Несмотря на интерес его картины собраний, сам автор во сто раз интереснее и поучительнее». Дочь Павла Третьякова, Вера Зилоти, поделилась впечатлением: «На черном фоне, при электрическом освещении эти картины, живые как жизнь, поражали, трогали, ужасали, сражали <...> за картины где-то неслись звуки фисгармонии, певучие, тихие, жалобные... Сейчас слышу, как раздирали душу звуки «Песни без слов» Мендельсона; не было почти никого из публики, кто бы не вытирал слез, а я рыдала, спрятавшись в темный угол комнаты. Помню, как-то наш отец сказал в дни этой выставки: «Верещагин – гениальный штукарь, но – и гениальный человек, переживший ужас человеческой бойни».

В России Балканская серия экспонировалась дважды – в Москве и Санкт-Петербурге. В Европе и Америке вокруг его выставок – ажиотаж, среди его почитателей – Гаршин и Гончаров, Мусоргский и Менцель, Лист и Сара Бернар. В Вене за 26 дней – 110 тысяч посетителей, а в последний день выставки – почти 20 тысяч! Толпа даже вышибла двери! В Берлине за 40 дней – 85 тысяч. Художник предоставил бесплатный вход военным, но фельдмаршал Мольтке запретил чинам германской армии посещать выставку. Когда принц Уэльский предложил щедрую цену Верещагину за картины из индийского цикла, желая приобрести их для Англии, художник отказался, поскольку хотел сохранить все для России. Третьякову он пишет: «Мне предлагают выставлять и продавать мои работы за морем, и я с ужасом думаю о том, что не в России, а где-нибудь в Америке очутятся мои лучшие

работы. Коли соберетесь с деньгами, приобретайте что поинтереснее; по окончании выставок я отдам Вам дешевле». Меценат приобрел лишь небольшую часть для постоянной экспозиции в своей галерее.

В 1874-м Академия художеств присваивает Верещагину звание профессора, от которого он публично отказывается, считая «все чины и отличия в искусстве безусловно вредными». Он первый, кто ставит себя вне традиций, в этом его поддерживает Крамской: Верещагин делает то, «что мы все знаем, думаем и даже, может быть, желаем; но у нас не хватает смелости, характера, а иногда и честности поступить так же». Коллеги долго критически относятся к его чужеродным «цветным заплаткам», новым технике и манере письма. Всех переубедил опять же Крамской: это блестящий успех новой русской школы, безусловное достижение, «высоко поднимающее дух русского

человека», заставляющее сердце биться «гордостью, что Верещагин русский, вполне русский». Его считали миллионером, а он всю жизнь испытывал затруднения с деньгами, за исключением короткого периода после аукционов – Туркестанская серия куплена Третьяковым за 90 тысяч рублей, аукцион индийских картин дал 140 тысяч. Большую часть средств Верещагин отдавал на благотворительность: строительство и содержание школ в малых городах. Потом раздавал долги, закупал краски и холсты, откладывал на путешествия и обеспечение будущих выставок: 150–180 картин в тяжелых позолоченных рамках паковались в массивные ящики, занимая четыре железнодорожные платформы! В одном из писем критику Стасову он пишет: «Не могу верить, что я когда-нибудь обеспечу свое завтра и не буду раздражать свою печень и весь организм боязнью того – хватит ли до будущего года?» Стасов однажды заметил о Верещагине: «Великий художник и совершенный младенец для жизни практической». Бывало, мошенники, входя в доверие, обкрадывали художника. Но за этой неприспособленностью современники видят, что перед ними «человек обостренного до болезненности чувства достоинства, он более всего боялся потери независимости, того, что «последует, когда мне заткнут глотку деньгами», как он однажды выразился».

БЕССИЛИЕ ПО-ВЕРЕЩАГИНСКИ

В 1882-м он пишет Стасову: «Не думайте, чтобы все проайденное было лишь как с гуся вода: все, все остало следы. <...> Силенки в 40 лет сильно опустились, цель жизни утерялась». В 1884 году Верещагин едет в Сирию и Палестину, пишет около 50 этюдов: пейзажи, памятники библейской истории, местные типы, сцены быта, арабов, евреев, отшельников, паломников... Художник не разделял религиозных чувств, не молился, не посещал храм: возможно, увидев лицо войны, он не нашел объяснений ее существования в мире Божьем... Поэтому Святую землю он видит без сверхъестественного наполнения, отходит в картинах от канонических трактовок. Первая выставка Палестинской серии вызвала в Вене в 1885-м скандал, после чего ее запретили в России, назвав святотатством. Даром для художника это не прошло: петербургскую выставку 1883 года откладывает от следующей в Москве двенадцать лет. Серия «Наполеон I в России» впервые показана в русских столицах в 1895–1896 годах. Ни коллекционеры, ни музеи национальную историческую эпоху приобретать не стали. Правительство ее купило за 100 тысяч рублей в 1902-м для Русского музея, а сейчас она хранится в Государственном Историческом музее в Москве.

Художнику дают почувствовать ненужность его искусства, но он не сдается, продолжая следовать за собственным любопыт-

ством. Он живет в Петербурге, Ташкенте, Мюнхене, Париже, а также Москве, где пробуждается его интерес к национальной старине, древнерусскому деревянному зодчеству, крестьянскому искусству. В 1888-м Верещагин отправляется в Ярославль, Ростов, Кострому, в начале 1890-х посещает родные места – Вологду и берега реки Шексны. Летом 1894-го с семьей путешествует на барке по Северной Двине на Белое море и Соловки. Русская серия включает около 100 живописных этюдов! Оригинальное создание Верещагина – «Иллюстрированные автобиографии нескольких незамечательных русских людей»: портрет и беседа-рассказ портретируемого о самом себе, синтез живописи и литературы.

В издательстве «Русская мысль» вышел его трехтомник, одновременно опубликован и немецкий перевод под названием *Der Kriegscorrespondent* («Военный корреспондент»), но без цензурных пропусков русского издания. Верещагин принципиально описывал только то, что сам увидел и почувствовал: «...я полагаю, что все в руках большого таланта может быть предметом художественного изображения; необходимо только, чтобы этот большой талант знал предмет, о котором пишет». В одной из поздних статей он предрек скорый уход реализма из русского искусства, молодежь пойдет «к импрессионистам, символистам, декадентам», а «к середине XX столетия нас зачислят в разряд старых колпаков, идеалистов». Сбылось...

Он избегал членства в художественных обществах, не примыкал к направлениям, не имел учеников. И в этом не нуждался: творческие планы требуют изолированности и относительной свободы. Но его активные выступления в прессе вызвали резонансное движение за прекращение войн, и в 1901-м Верещагина выдвигают на соискание первой Нобелевской премии мира. В это же время он признается близкому приятелю: «Я просто нервно болен от своих картин и выставок – правда!»

ИЗГНАНИЕ ИЗ РЯ

В 1891-м Верещагин по собственному проекту строит в часе езды от Москвы – в Нижних Котлах, за Даниловской слободой и Серпуховской заставой – дом-мастерскую в стиле русской избы. Здесь редко принимали гостей.

Значок и кожаный складной стул Скobelева, план взятия испанской крепости, исписанный его рукой – в 1881-м по этому плану взята русскими войсками крепость Геок-Тепе в Туркмении. Этюды и эскизы: умирающие, раненые, убитые, замерзшие, кровь, страдания... дорогие индийские, туркменские и бухарские ковры, которые, по признанию хозяина, были его «слабостью», статуэтка «В.В. Верещагин за работой» работы Ильи Гинцбурга, который в начале 1890-х лепил с натуры выдающихся русских писателей, музыкантов, скульпторов, художников... Шкуры и чучела птиц и животных, рояль, экзотические растения в кадках, японские вазы и нэцкэ...

Заботливый отец, он часто читал детям вслух «Записки охотника». Запретил няньке рассказывать им о Боге, святых, ангелах. Однажды на Пасху она подарила своим подопечным по тряпичной кукле. Лицо одной куклы разрисовала красками мама, другой – папа: кукла смотрела живыми глазами и улыбалась. Но Аня удивилась: почему половина лица грязная? «Это не грязь! – объяснил отец, – это тень! Посмотри, у Лидочки тоже одна щечка светлая, потому что она освещена, а другая – темная. Надо только смотреть издали!» «Папочка! – отвечала Аня. – Как же я буду смотреть издали, когда куколка у меня еще маленькая и я должна носить ее на руках?.. Мамочка! Папа не умеет рисовать. Ты рисуешь лучше. Сделай, пожалуйста, лицо и моей кукле!»

О жизни художника оставил замечательные воспоминания его сын Василий: «Он регулярно занимался по утрам гимнастикой, прекрасно плавал и любил

Благодаря
Лидии
Васильевне
Верещагиной
наследие
великого
художника
принадлежит
России

ездить верхом. Вся его внешность говорила о большой физической силе. При работе он никогда не надевал халат, которого вообще не имел. Носил он обычно костюм темно-синего цвета с жилетом. К пальто надевал котелок, а летом, в жару – чесучовый пиджак и соломенную шляпу. <...> Очень любил он душиться заграничным кёльнским одеколоном. В сильные морозы, когда в мастерской было очень прохладно, отец надевал черную шелковую шапочку. На ногах он носил не ботинки, а высокие сапоги с мягкими голенищами, под длинные брюки...» Семья пела хором народные песни, любимой была «Вдоль да по речке...». Жена – профессиональная пианистка Лидия Андреевская – играла наизусть Чайковского, Глинку, Рахманинова, Листа, Шопена.

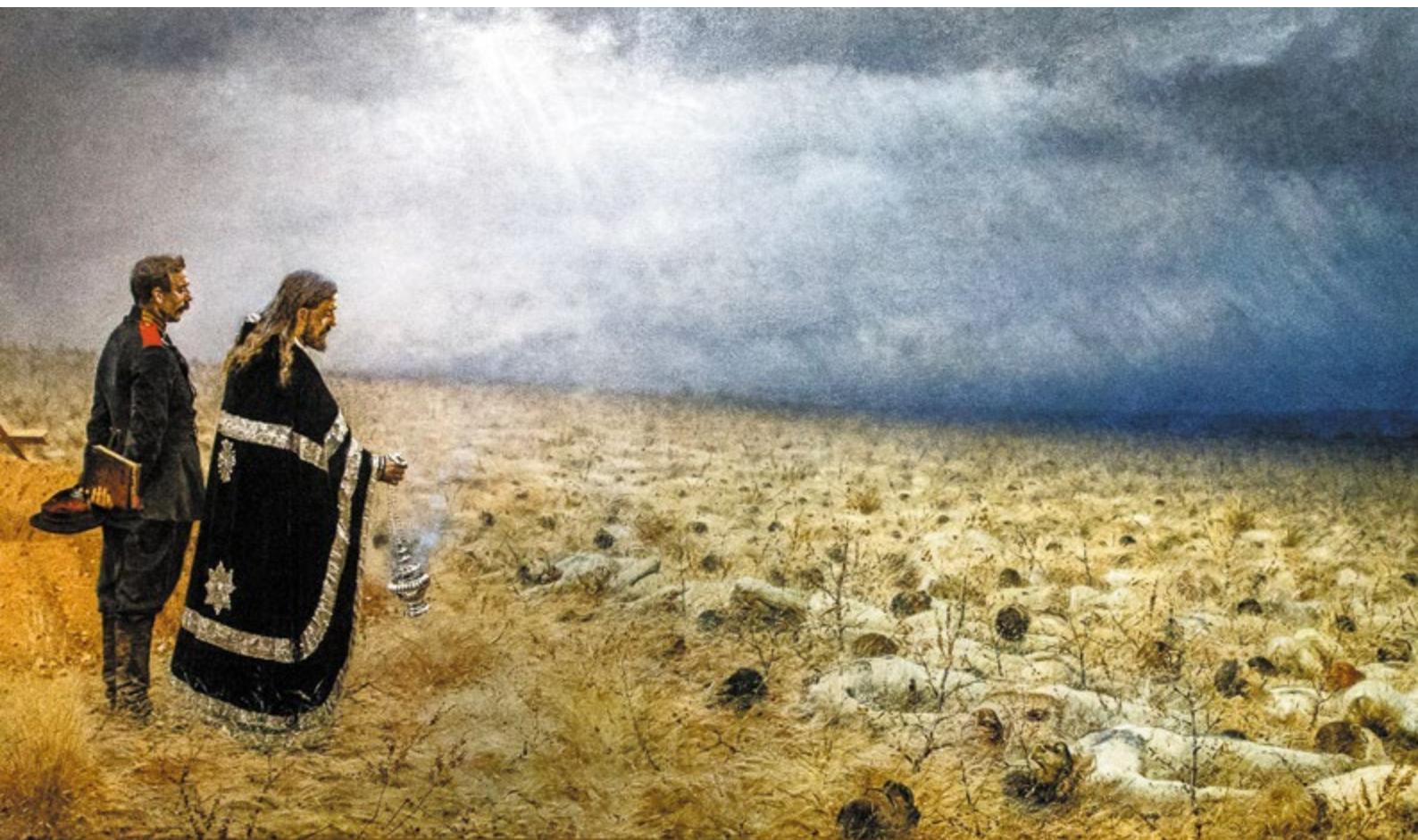
«Рано утром 28 февраля отец встал, напился чаю, позавтракал,

кал, простился с каждым из служащих в усадьбе, а потом прощался с матерью. Меня и сестер подняли ранее обычного и еще до завтрака, перед восемью часами, позвали к отцу в мастерскую. Матери там не было. Она была в таком ужасном душевном состоянии, что уже не владела своими нервами и осталась в своей комнате. Отец встретил нас у дверей, поздоровался и молча прошел с нами к широкому низкому плюшевому креслу, в котором отыкался во время кратких перерывов в работе.

Он сел, а мы, как всегда, прилепились к нему: я и средняя сестра сели по обеим сторонам на мягкие ручки кресла, а младшая – на колени. Отец был, по-видимому, крайне взволнован и только молча прижимал нас к себе и нежно гладил по голове. Его волнение передалось нам. Мы также молчали, крепко прижимаясь к нему. Через минуту молчания он начал говорить тихим голосом, переходившим постепенно в шепот. Он говорил нам, что уезжает надолго, что не знает, когда вернется, и просил, чтобы мы любили и слушались маму, любили друг друга, не ссорились, хорошо учились, были бы честными и всегда говорили только правду. Потом отец крепко обнял и поцеловал каждого из нас, встал, отвел нас в столовую и, сказав, чтобы мы пили свой утренний чай, вышел в переднюю, быстро оделся, и мы слышали, как хлопну

Посмертная
выставка
1904 года.
Зарубежные
коллекционеры
готовы были
драться
на аукционе
и отдать
миллионы
за картины
Верещагина

ла дверь парадного входа. <...> Вдруг мы услышали быстрые шаги отца, который прошел через кухню и коридор, открыл двери и остановился на пороге столовой. Мы все трое вскрикнули: «Папочка!» – и вскочили, чтобы бежать к нему. Но он молча замахал на нас обеими руками, и мы в испуганном недоверии остановились.

Отец стоял на пороге, лицо его выражало страшное волнение, а глаза, в которых явно блестели слезы, он быстро переводил с одного из нас на другого. Продолжалось это не более одной или двух секунд, после чего он резко повернулся и вышел. То были последние мгновения, в течение которых мы его видели.

Старая кухарка покачала сокрушенno головой и громким шепотом сказала: «Вернулся! Ох, не хорошо это! Не быть добру!»

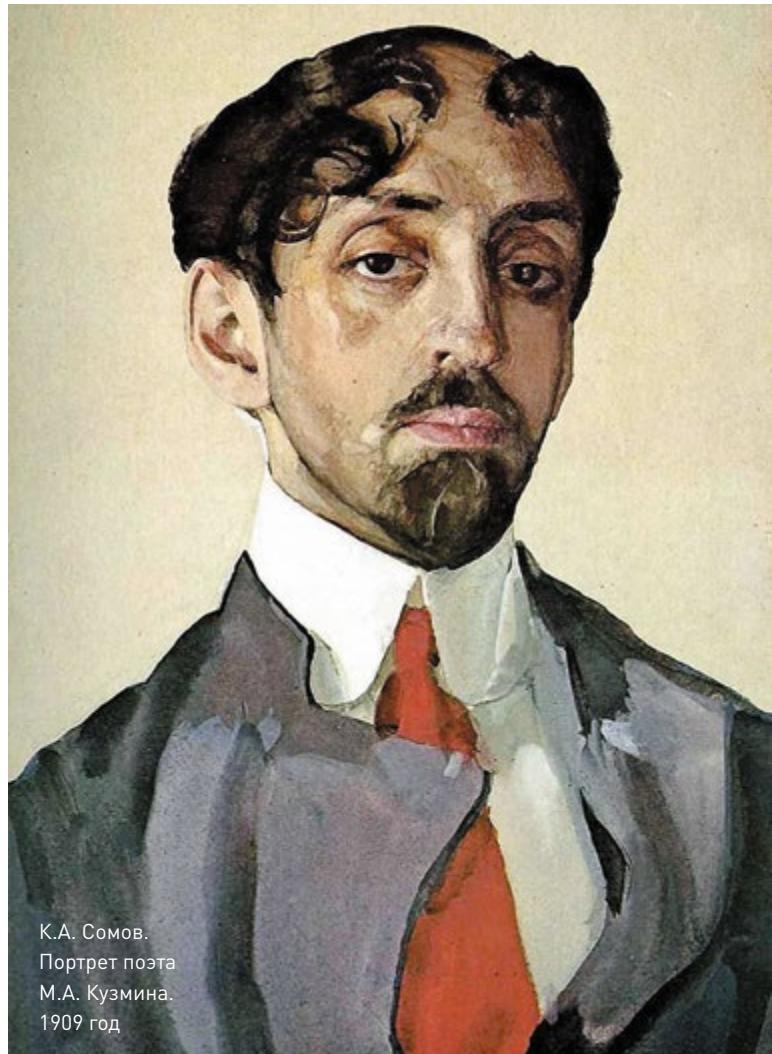
...У семьи остались лишь долги. Самое ценное – картины – по завещанию художника следовало продать с аукциона после

посмертной выставки. В Петербурге с 15 ноября до 12 декабря 1904 года в помещении Общества поощрения художеств выставили 400 работ, коллекции фотографий, предметы обстановки мастерской. За три недели до вернисажа богатейшие коллекционеры Европы и США съехались на торги, готовые заплатить сколько угодно. Вдове предстояло вернуть долгги, рассчитаться за устройство выставки, нужно было содержать старую мать, дать образование троим детям. Она знала о недоброжелательном отношении царствующего дома и казенных музеев, но художник хотел, чтобы его работы остались в России, поэтому Лидия Васильевна шла на максимальные уступки в ущерб интересам семьи. Министру двора барону Фредериксу 26 ноября она писала: «Нельзя ли вместо пенсии просить государя императора приобрести всю коллекцию выставленных картин, этюдов и рисунков,

дабы это собрание осталось в России...» Указывая, что начальная оценка всех лотов превышает 150 тысяч, вдова уверяла: «Если сумма, желаемая мной за всю выставку, покажется велика, то я приму меньшую, я приму то, что мне назначат, и буду счастлива знать, что коллекция цела и находится дома, в России». В ответ сообщили, что всю коллекцию купят за 100 тысяч рублей и полностью передадут в дар Русскому музею Александра III. И она согласилась.

...Лидия Васильевна в 1912-м застрелилась из револьвера, принадлежавшего ее мужу. В первые дни мировой войны 1914 года сын Верещагина ушел добровольцем на фронт, а вскоре и одна из дочерей, Анна, прибыла в лазарет сестрой милосердия. Василий доживет до 1981 года, Анна погибнет в 1917-м, Лидия скончается в 1930-м. То немногое, что осталось им от отца, конфисковала революционная власть...

Побежденные.
Панихида.
1878–1879 годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В

ьяснять подробности биографии Кузмина сложно: свидетелей мало, свидетельства их ненадежны, а иногда просто недостоверны – как легенды. Да и сам он многое сделал, чтобы такие легенды создавать. В разных документах он своей рукой пишет разный год рождения – от 1872 до 1877-го. Правда – 1872-й.

О своих предках он написал в стихотворениях «Мои предки» и «В старые годы». В первом упоминаются «моряки старинных фамилий», «франты тридцатых годов», «барышни… вышивающие бисером кошельки для женихов в далеких походах», «экономные, умные помещицы», «дворяне глухих уездов, какие-нибудь строгие бояре, бежавшие от революции французы»… Бежавший от революции француз в истории семьи действительно был – актер Жан Оффен, который приехал в Россию при Екатерине II. Дочь Оффена, тоже актриса, писал Кузмин в автобиографических заметках, вышла замуж за молодого эмигранта, который стал актером, чтобы на ней жениться. У них родилась дочь – будущая бабушка Кузмина. Она жила у тетки, воспитывалась в театральном училище, рано вышла замуж и родила четверых детей. В доме у нее, рассказывал Кузмин, бывал Гоголь, она дружила с бабушкой Лермонтова Арсеньевой.

Мать Кузмина, Надежда Дмитриевна Федорова, была старшей из четырех детей. Училась в пансионе. Отличалась она робостью и скромностью и, когда мать ее выдала замуж за немолодого и нелюбимого, безропотно пошла под венец. Двадцатилетняя разница в возрасте между родителями делала их почти чу-

Саратов.
1-я мужская
гимназия.
Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПЕЧАЛЬНЫЙ АРЛЕКИН

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

МИХАИЛА КУЗМИНА ПРИНЯТО НАЗЫВАТЬ «ЗАБЫТИМ» ИЛИ «ЗАБЫТИМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ». А БЕЗ НЕГО ПОЧТИ НЕВОЗМОЖНО ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК – КУЗМИН ПЛОТЬ ОТ ПЛОТИ И КРОВЬ ОТ КРОВИ ЕГО. ВЫТЕСНЕННЫЙ ИЗ ПОЭЗИИ В КОНЦЕ ЖИЗНИ, ЗАПРЕТНЫЙ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ, ВЕРНУВШИЙСЯ В ПЕРЕСТРОЙКУ – ОН И В НАШЕМ ВРЕМЕНИ НЕ СЛИШКОМ УДОБЕН. СЛОЖНАЯ ЖИЗНЬ, НЕПРОСТЫЕ ТЕКСТЫ – ВООБЩЕ НИЧЕГО ПРОСТОГО И ПРЯМОЛИНЕЙНОГО. С ТАКИМИ ВО ВСЯКИЕ ВРЕМЕНА ТРУДНО.

жими друг другу. Отец, Алексей Алексеевич Кузмин, был морским офицером. Выйдя в отставку, он служил членом Ярославского окружного суда, а после переезда в Саратов – городской судебной палаты. Детей у четы было шестеро, Михаил – предпоследний. Родился он, когда матери было около сорока, отцу – около шестидесяти.

Семью свою он называл «недружной и несколько тяжелой, с обеих сторон самодурной и упрямой». Кузмин рос один: самый младший в семье сын, Павел, родился значительно позже, а старшие дети разъехались учиться. Поэт подчеркивает, что рос он среди женщин, что у него были подруги, а не товарищи, а играть он больше всего любил в куклы и в театр. Он был нервным, одиноким, мечтательным и впечатлительным. С детства был зачарован чтением, театром и музыкой: мама много играла на рояле. Миша и сам стал сочинять оперы – на сюжеты Шекспира, писать новеллы в подражание Гофману. Немецкие романтики долго оставались его излюбленным чтением.

Саратов, где он пошел в гимназию, запомнился ему видом Волги из домашних окон и обилием солнечного света. Отсюда, из Саратова, его знание русской провинции с ее типами, его неизменное внимание к природе – она и в поздних его дневниках полно-правный участник событий.

В 1884 году семья переехала в Петербург. Отец через два года умер. Кузмин остался жить с мамой. Учился он теперь в 8-й гимназии на Васильевском острове. Здесь и познакомился со своим ближайшим другом на много лет – Георгием Чичериным, будущим наркому иностранных дел Советского государства. Кузмин писал, что семья Чичерина имела на него огромное влияние. И сам Чичерин, эрудит и полиглот, увлек друга философией, итальянским и немецким языками, обсуждал с ним книги. Семье Чичерина Кузмин показывал свои первые музыкальные опыты, у дяди Чичерина в усадьбе

Г. В. Чичерин.
Берлин. 1905 год

природы – и совершенно глух к увлечению Чичерина марксизмом: ему не интересны ни общественная жизнь, ни страдания народа. Интересны ему красота и гармония, и в размышлениях о красоте, музыке, поэзии – он серьезен, он живет – как, может быть, живет Обломов, когда слышит Casta Diva, разговаривает с Ольгой, радуется ветке сирени – не желая видеть и знать всего, что не есть красота, любовь и гармония. В одном письме он пишет: «Так радостен, что есть природа и искусства. И силы, силы чувствуешь, и поэзия проникает всюду, всюду, даже в мелочи, даже в будни!»

КОГДА МНЕ ГОВОРЯТ «АЛЕКСАНДРИЯ»

Его бросает из крайности в крайность – от высот счастья и ощущения всемирной гармонии к отчаянию. Он не понимает, кто он такой, какой он, что должен делать. Он недоволен консерваторией, окружающим миром, он ощущает свою искаженность. Он не вписывается в окружающий мир, отчужден от него – книжник, затворник, поэт. Он ощущает себя непоправимо греховным и не понимает, как примирить свою религиозность со своей греховностью. Именно в это время он попытался отравиться лавровицневыми каплями – это была уже вторая попытка самоубийства, первую он совершил в детстве, – но испугался и разбудил мать. У этой попытки есть предыстория: годом ранее, в 1893 году, Кузмин горячо полюбил офицера конного полка, который был на несколько лет его старше; в воспоминаниях он назван князем Жоржем. В 1895 году вместе с князем Жоржем Кузмин совершил путеше-

Порт
Александрия.
Конец XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ствие в Египет и Грецию, побывал в Афинах, Александрии, Каире... Это было путешествие, которое на всю жизнь обогатило его музыку и его поэзию ощущением личной связи с древностью, с прекрасной эпохой эллинизма. На обратном пути спутник Кузмина поехал в Вену, где умер от болезни сердца. Полнота жизни, богатство впечатлений и ощущений в соседстве с внезапной смертью, небывалое счастье в соседстве с глубоким горем – самое главное для Кузмина в это время; отсюда, может быть, та трагическая тень, которая всегда сквозит в самых нежных, самых счастливых его стихах. Наверное, надо добавить, что его любовная лирика не столько эротична, сколько психологична; Кузмина занимают не столько телесные ласки, сколько сама любовь и то, что происходит между двумя любящими.

Когда мне говорят: «Александрия»,
я вижу бледно-багровый закат
над зеленым морем,
мохнатые мигающие звезды
и светлые серые глаза
под густыми бровями,
которые я вижу и тогда,
когда не говорят мне:
«Александрия!»

Стихи ведь просто прекрасны – и для них совершенно не важна ориентация тех, кто когда-то любовался на этот закат.

МЫ ВО ФЬЕЗОЛЕ ПОЕДЕМ

Смерть князя Жоржа надолго выбила Кузмина из колеи – он и много позже мерил глубину своего отчаяния этим горем. Он тяжело заболел, поехал в Италию лечиться. Пробыл там с апреля по июнь 1897 года, но память об этой поездке поддерживала его в самые трудные минуты жизни. В своих воспоминаниях он говорит о ней коротко: по дороге останавливался в Берлине и Мюнхене, где виделся с Чичериным. В Италии он любовался искусством Возрождения, восторженно всматривался в Аппиеву дорогу, бродил по катакомбам, увлекся учением гностиков – вообще искренне полюбил эпоху первого христианства. В одном

Михаил Кузмин
в одежде
старовера.
1906 год

ме, ни в ортодоксальном православии он не нашел того, чего искал – и увлекся старообрядчеством. Он стал изучать мир старообрядцев, учиться музыке по крюкам – и не то в самом деле погрузился в старую веру, не то пытался создать такое впечатление. О нем ходили легенды, что он жил в скитах, что принял старообрядчество, и что из этого правда – совершенно неизвестно.

Он искал красоты, правды и простоты; искал «стройности быта», как написал в одном письме Чичерину. Его тянет в старообрядческие скиты – и не уходит он туда только из-за мамы. Он стал одеваться по-старообрядчески, отрастил бороду – и его в самом деле принимали за старовера. Таким старовером он и пришел на знаменитую «Башню» Вячеслава Иванова, пел под собственный аккомпанемент «Если завтра будет солнце, мы во Фьезоле поедем» – и это не казалось нелепым: разные века и разные культуры органично уживались в его душе. Странно, что это тот же человек, который несколько лет назад писал Чичерину, что совершенно не интересуется народом, что у него просто отсохла эта ветвь души – а теперь он погружен в самую гущу народной жизни.

Кончилась эта странная жизнь новой влюбленностью и новым скандалом. «Пришлося опять обратиться к искусству», – резюмировал Кузмин в воспоминаниях. Он написал цикл из 13 сонетов и музыку к ним; стихи и драма

Михаил Кузмин
(стоит слева)
у Вячеслава
Иванова
на «Башне»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

в стихах о рыцаре Д'Алессио вышли в небольшом «Зеленом сборнике», который издали его знакомые. Стихи заметили Блок и Брюсов, но оба они не понравились. Кузмин сонетов больше не переиздавал, а над техникой стиха стал серьезно работать и добился замечательной легкости и свободы.

Внутренний кризис ему удалось преодолеть через осознание любви к жизни во всей ее полноте, через отказ от аскезы, через веру в то, что естественное не греховно, а любовь божественна. Он изложил свои мысли в «Крыльях». Результат долгих и трудных размышлений Кузмина – повесть эта, по сути своей, философский трактат, но современники восприняли ее как порнографический роман. Газеты дружно глумились над романом и его автором. Судьба «Александрийских песен» оказалась более счастливой: живые, таинственные, лукавые, стоически-мудрые, они совершенно зачаровали читателей и заставили их поверить, что Кузмин – большой поэт.

ШАБЛИ ВО ЛЬДУ, ПОДЖАРЕННАЯ БУЛКА

В 1904 году умерла мать Кузмина, он остался один, беспомощный в быту и почти без средств к существованию. Большую поддержку в это время ему оказал Чичерин. Некоторое время Кузмин жил у друзей, затем поселился с семьей сестры.

Революционное время заставляет его оглядаться вокруг и задуматься о происходящем. Политические его пристрастия поверхностны и отличаются эстетским презрением к революционной стихии; биографы Кузмина Николай Богомолов и Джон Малмстад называют систему его взглядов «романтическим консерватизмом». Он даже вступил в одиозный «Союз русского народа», не вполне понимая, вероятно, что это за организация.

У Вячеслава Иванова Кузмин познакомился с Брюсовым; с этого начинается его сотрудничество с «Весами», где скоро уви-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

дели свет «Александрийские песни», потом «Крылья», а потом цикл «Любовь этого лета». Теперь Кузмин стал известным поэтом; его книги стал издавать «Скорпион»; у него появились литературные гонорары, и его финансовое положение поправилось. Он не примыкает к символистам, остается независимым, не спешит войти ни в какую группу, живет замкнуто, печатается в тех издастельствах и журналах, где считает нужным, даже если это политически некорректно по отношению к «Весам» и их позиции в литературной борьбе.

Стихи, которые он сейчас пишет, легки, насмешливы, полны

Михаил Кузмин.
Силуэт работы
Е.С. Кругликовой.
1910-е годы

Михаил
Кузмин в шубе
Вячеслава
Иванова
на крыше
«Башни».
16 января
1908 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

радости жизни и любования ее мелочами; это в цикле «Любовь этого лета» появилось хрестоматийное «Где слог найду, чтоб описать прогулку, // Шабли во льду, поджаренную булку // И спелых вишен сладостный агат» – строчки, которые знает, наверное, каждый. Сейчас уже не очень понятно, как отчаянно свежо и смело они воспринимались во время расцвета символизма с его туманной неясностью. Впрочем, «Любовь этого лета» была воспринята как апофеоз чистого искусства; глубины ни в ней, ни в сборнике «Сети», в состав которого она вошла, почти никто не заметил. Кроме Блока, пожалуй: «Ценители поэзии Кузмина ясно видят его сложную, печальную душу, близкую, как душа всякого подлинного человека <...>. Если Кузмин стряхнет с себя ветошь капризной легкости, он может стать певцом народным», – написал он в рецензии, которая вышла в «Золотом руне».

Кузмин начал работать для театра; написал музыку к постановке «Балаганчика» Блока в Театре Комиссаржевской; с этого времени Блок и Кузмин сохраняли добрые отношения. Мейерхольд, режиссер постановки, хотел поставить в театре пьесу Кузмина «Комедия о Евдокии из Гелиополя», но Комиссаржевская сочла ее бессодержательной иставить отказалась. Впоследствии, в 1910-е годы, он много и плодотворно работал для театра, выступал с чтением стихов и пением своих романсов.

У него новые сердечные увлечения: после короткого романа с художником Сомовым Кузмин увлекся художником Сергеем Судейкиным; события этой любовной связи, закончившейся с женитьбой Судейкина на актрисе Ольге Глебовой, легли в основу повести «Картонный домик», где все участники событий названы чуть не по именам. Цикл стихов «Прерванная повесть» тоже порожден этим романом. Оба произведения вышли в альманахе «Белые ночи» в 1907 году и произвели впечатление немыслимой откровенности.

ПРЕКРАСНАЯ ЯСНОСТЬ

В 1909 году «Весы» и «Золотое руно» перестали выходить – первые сочли свою задачу выполненной, у вторых разорился издатель. Но Сергей Маковский замышлял новый журнал, «Аполлон», и пригласил Кузмина участвовать в нем. В журнале Кузмин вел рубрику «Заметки о русской беллетристике». Ни ведущим критиком, ни теоретиком «Аполлона» он не стал – разве что опубликовал на его страницах программную для акмеизма статью «О прекрасной ясности», где впервые, наверное, заговорил о своих требованиях к искусству: «Друг мой, имея талант, то есть – умение по-своему, по-новому видеть мир, память художника, способность отличать нужное от случайного, правдоподобную выдумку, – пишите логично, сблюдая чистоту народной речи, имея свой слог, ясно чувствуйте соответствие данной формы с известным содержанием и приличествующим ей языком, будьте искусственным зодчим как в мелочах, так и в целом, будьте понятны в ваших выражениях». И еще – «молитесь, чтобы ваш хаос (если вы хаотичны) просветился и устроился, или покуда сдерживайте его ясной формой <...>, будьте экономны в средствах и скрупульты в словах, точны и подлинны, – и вы найдете секрет дивной вещи – прекрасной ясности...»

Сам Кузмин, пожалуй, к этой статье как к манифесту не относился, себя к акмеистам не причислял – как не причислял ни к кому, разве что придумал много позже «эмоционалистов». И на заседаниях Цеха поэтов он появлялся редко, и в литературные школы не верил. У него довольно скоро появился ученик – Виктор Хлебников, которого на «Башне» перекрестили в Велимира. Кузмин с большой симпатией относится к футуристическим опытам, в «Бродячей собаке» в 1914 году он пророчил: «Новых сил можно ждать только со стороны футуристов и диких».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

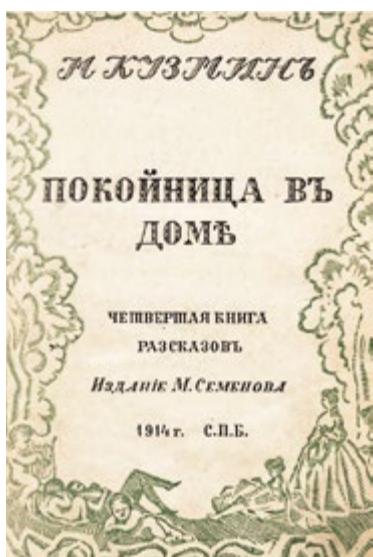
А. Е. Яковлев.

Портрет Казарозы (у Кузмина – Каза-Роза; настоящее имя – Белла Георгиевна Шеншева; 1893–1929).

Артистка эстрады, выступавшая в «Доме Интермеди» у Мейерхольда и других театрах. В ее репертуаре были песенки на стихи Кузмина, который придумал ей псевдоним

ВЛАДЫКА МРАКА

В 1910 году Кузмин принимает на себя заведование литературной и музыкальной частью в театре «Дом Интермеди», где режиссером был Мейерхольд, а художником Сапунов. Постановки «Дома Интермеди» отличались веселым духом экспериментаторства, фантастической гофманиады. Но

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обложка работы А. Божерянова четвертой книги рассказов М. А. Кузмина «Покойница в доме. Сказки» (С.-Пб., 1914)

театр скоро закрылся как не-прибыльный проект. Мейерхольду, кстати, для работы в «Доме Интермеди» пришлось взять выбранный из Гофмана псевдоним Доктор Даперутто, поскольку он был режиссером Императорских театров и не мог одновременно возглавлять экспериментальный театр. Под этим именем Мейерхольд появляется в ахматовской «Поэме без героя»; Кузмин фигурирует в ней в совершенно демоническом облике – Арлекина-убийцы, «Владыки мрака», «изящнейшего Сатаны».

«Поэма без героя» – плод ахматовских размышлений о минувшем, и прежде всего о трагедии, свидетельницей которой она стала. История юного драгуна и поэта Всеволода Князева сейчас хорошо исследована и широко известна, она стала достоянием не только литератороведов, но и желтой прессы. Суть истории вкратце такова: Кузмин познакомился с Князевым у эксцентричной красавицы Паллады Богдановой-Бельской, в которую молодой поэт тогда был влюблена. Между Кузминым и Князевым завязалась роман – обоими отраженный в стихах: Князев называл себя в них Пьеро; Кузмин стал Арлекином, в этих масках они и появляются в «Поэме без героя». Затем Князев полюбил Ольгу Глебову-Судейкину. Кузмин ревновал, негодовал, страдал. Осенью 1912 года поехал в Ригу, где служил Князев – эта поездка кончилась их разрывом. Весной 1913 года Князев застрелился. Ахматова считала Кузмина виновником его смерти и не понимала равнодушия, с которым он отнесся к известию о гибели Князева; Кузмин казался ей «человеком, которому все позволено», олицетворением распущенности и бессердечия Серебряного века, за которое всему поколению пришлось так страшно заплатить. К моменту гибели Князева в творчестве и в жизни Кузмина настал новый кризис. За 1912 год он испортил отношения с

Вячеславом Ивановым, поссорился с Гумилевым, оказался втянут в несколько скандалов. Летом в Териоках, где актеры «Дома Интермедий» собирались ставить спектакль, перевернулась лодка с катающимися, и Сапунов, который не умел плавать, утонул. Эта смерть произвела на Кузмина очень тяжелое впечатление: Сапунов погиб у него на глазах. Хуже того, Кузмин знал, что Сапунову когда-то предсказали, что он утонет.

В позднем цикле «Форель разбивает лед» он вспоминает свои утраты, к нему являются тени прошлого:

Художник утонувший
Топотят каблучком,
За ним гусарский мальчик
С простреленным виском.

Не так уж легко ему все это давалось, как казалось Ахматовой.

ПОШЛИ НАМ КРЕПКОЕ ТЕРПЕНИЕ

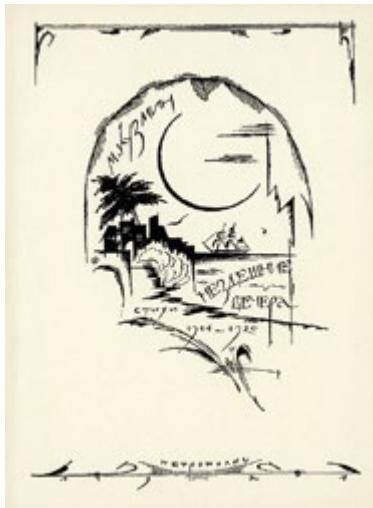
Затем в жизни Кузмина появилась новая любовь – Юрий Юркун, ставший спутником поэта на много лет. Кузмин взялся опекать его, пристраивал рукописи в журналы, вводил в литературный и художественный мир. Юркун скоро стал известным художником. Сохранился портрет Кузмина его работы: Кузмин на нем страшный, разноглазый, напоминающий еще не придуманного Воланда. С Юркуном Кузмин жил в одной квартире до самой смерти в 1936 году. Двумя годами позже Юркун был арестован и расстрелян.

Пережитой кризис почти лишил Кузмина его поэтической силы; пишет он много, но сам невысоко оценивает эти стихи. Печатается, но во второсортных журналах. Единственная его творческая удача – повесть «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро», задуманная в рамках несостоявшейся серии «Новый Плутарх» – это должно было быть что-то вроде художественной «жизни замечательных людей».

Он часто выступает в «Бродячей собаке», а после ее закры-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обложка работы М.В. Добужинского книги М. Кузмина «Нездешние вечера». 1921 год

тия – в «Привале комедиантов», сочиняет легкие пьесы для театров миниатюр. С началом войны пытается писать о войне – и выходит плохо. Война его мучит: он с юности любит и ценит немецкую культуру, и торжество «германского духа» воспринимает как величайшую трагедию, от которой Германии придется освобождаться ценой крови и потерь.

Февральскую революцию он принял, как и большинство в

Юрий Иванович
Юркун
(при рождении
Йозас Юркунас;
1895–1938),
русский писатель
и художник-
график
литовского
 происхождения.
1910-е годы

его поколении. О революции его удивленные, радостные стихи:

Помните это начало
советских депеш,
Головокружительное
«Всем, всем, всем!»

Словно голодному говорят: «Ешь!»
А он, улыбаясь, отвечает: «Ем».

По словам прошелся
крепкий наядак
(Обновители языка, нате-ка!),
И слово «гражданин» звучит так,
Словно его впервые выдумала
грамматика.

Не зная, что это Кузмин, можно заподозрить, что это кто-то близкий к футуристам. И в самом деле: меняется мировосприятие Кузмина, меняется его стих. Он все более ассоциативен, и к футуристам он близок, несомненно – возможно, за счет общей близости к экспрессионизму, который все больше увлекает поэта. Он даже сближается с Маяковским, посвящает ему стихи. Он действительно хочет строить новую Россию и новую культуру, активно обсуждает ее будущее. Дела его тем временем становятся все хуже: мелкие журналы закрываются, работать становится негде, жить почти не на что. Октябрьская революция поначалу захватывает его стихией

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Газета. Одна
из иллюстраций
Ю.П. Анненкова
к рассказу
М. Кузмина
«Воображаемый
дом». 1917 год

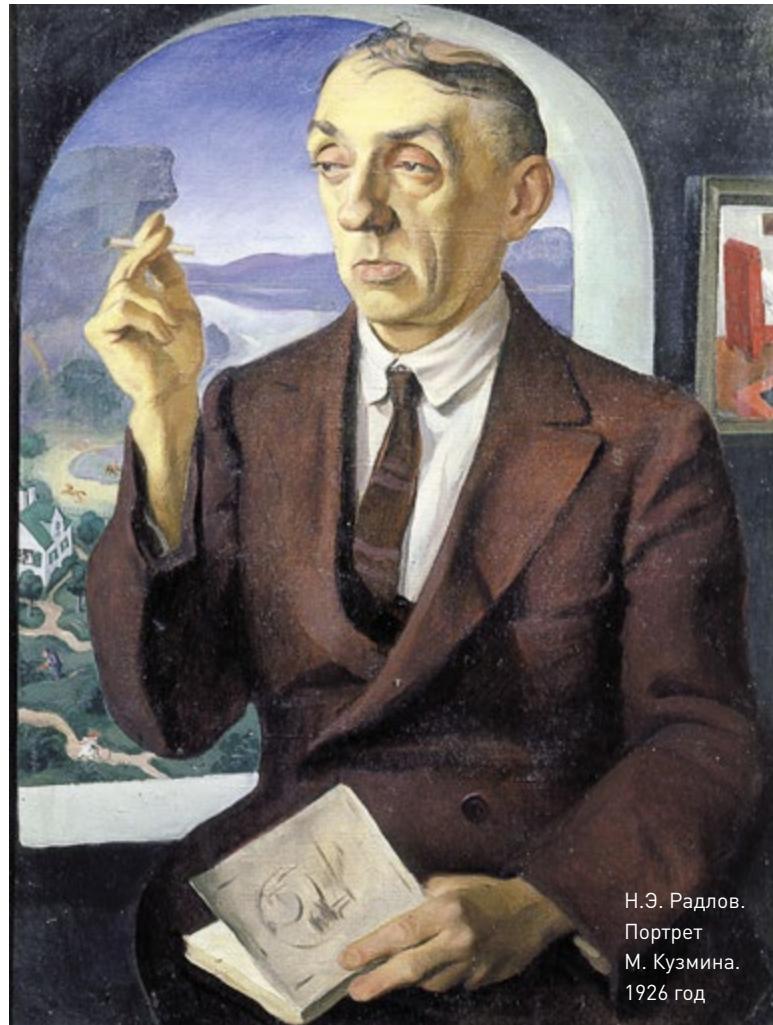
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

бунта. Но очень скоро он разочаровывается: дикость и голод уничтожают в человеке человеческое. К середине 1918 года дневниковые записи становятся прямо антисоветскими: «Безмозглая хамская сволочь, другого слова нет. И никакой никогда всеобщей социальной революции не будет. Наш пример всем будет вроде рвотного».

После революции он пишет и печатается даже в самое безбумажное время; выходят в свет даже его «Занавешенные картинки», сборник эротических стихотворений. Выходят переводы Анри де Ренье. Прокормиться все равно трудно. Кузмин идет сотрудничать во «Всемирную литературу», горьковский проект, целью которого было дать русскому народу мировую классику в хороших переводах. Печатается в газете «Жизнь искусства», пишет пьесы, которые повсеместно ставились – от Малого театра до кукольных театров.

Жизнь в Петрограде голодна и страшна, но Кузмин даже не задумывается об эмиграции. В конце 1920 года он пишет одно из лучших своих стихотворений, «Декабрь морозит в

Ю. П. Анненков.
Портрет поэта
М. А. Кузмина.
1919 год

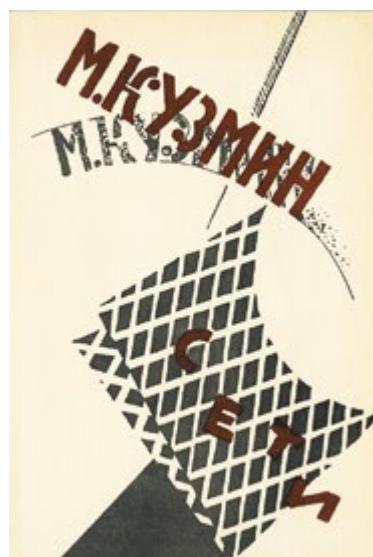

Н. Э. Радлов.
Портрет
М. Кузмина.
1926 год

небе розовым» – мужественное, печальное, скорбное, исполненное абсурдной надежды: *Пошли нам крепкое терпение, И кроткий дух, и легкий сон, И милых книг святое чтение, И неизменный небосклон!*

В 1920 году начинаются первые неприятности с крепнущей советской цензурой. Тяжело дается ему и влюблённость Юркуна в Ольгу Арбенину-Гильдебрандт, из которой появился один из самых странных тройственных союзов в русской литературе. И что удивительно: именно сейчас, когда он постарел, голоден, нищ, несчастлив – он ощущает в себе подлинную поэтическую силу. И к нему тянутся молодые поэты – к нему приходят Вагинов, Хармс, Заболоцкий и Введенский, Вагинов даже примыкает к изобретенному Кузминым «эмоционализму» – сочетанию реальности и фантастики, характерному для немецкого авангарда в литературе и кинематографе. Однако эти поиски решительно не соответствовали духу времени – и Кузмина постепенно выдавливали из литературы.

Обложка книги
М. Кузмина
«Сети». 1923 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

БУДТО МЕНЯ НЕТ

С 1925 года советская власть все крепче берется за литературу – и Кузмин удостаивается нескольких уничтожающих упоминаний в печати. Троцкий в книге «Литература и революция» утверждает, что стихи Кузмина «сегодняшнему, пооктябрьскому человеку» не нужны, «как стеклярус – солдату на походе». Место Кузмина в литературе определено: пережиток прошлого.

После очередных нападок он пишет Чичерину, теперь наркому, просит о защите. Тот присыпает холодно-вежливое письмо. Они встретились, поговорили как старые друзья – обо всем и ни о чем. Кузмин ни о чем его не попросил. Больше они не виделись.

Последний сборник Кузмина, «Форель разбивает лед», создавался с 1925 по 1928 год и увидел свет в 1929-м – в год «великого перелома», совершенно смертельный для русской литературы. Может быть, и к лучшему, что советская критика сборника почти не заметила, а эмигрантская – не поняла и кисло обругала. Но читатели – заметили. «Форель» с ее оглушительно новым поэтическим языком, с ее ассоциативностью, доходящей до

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

сюрреализма, стала для читателей настоящим событием. Переплетение реальной истории с кошмарами, видениями, воспоминаниями, аллюзиями дало богатую почву для размышлений Ахматовой, чья «Поэма без героя» совершенно явно вырастала из внутренней полемики с Кузминым.

Михаил Кузмин.
Фото
М. Наппельбаума.
1922 год

Все, что он создал потом, оказалось утраченным – часть пропала вместе со значительной частью архива Юркун после его ареста, часть – во время блокады. Наступившее время не могло вместить такого поэта. Кузмин занялся переводами – переводил много и хорошо. Переводил либретто опер и оперетт. Перевел «Золотого осла» Апулея и шекспировских «Короля Лира», «Укрощение строптивой», «Двух веронцев», «Много шума из ничего», «Бурю», «Напрасные усилия любви» и большую часть «Короля Генриха IV». Переводил Гейне, Анри де Ренье, Мериме, Байрона.

В 1934 году Кузмин записал в дневнике: «Мое положение таково, будто меня нет, вроде как мое существование». Его дом – несколько комнат в шумной коммунальной квартире – всегда открыт для гостей. Гостей много: их привлекает и необыкновенная эрудиция Кузмина, его живое понимание античности и христианства, тонкое восприятие искусства – и память о том времени, которое теперь предано проклятию и забвению.

Он чувствовал себя плохо, временами терял сознание. Доктора нашли «грудную жабу» – стенокардию. С очередным приступом его положили в больницу. Положили в коридоре. Он простудился и 1 марта 1936 года умер от пневмонии. Юркун вспоминал, что Кузмин в этот день четыре часа говорил с ним о «самых непринужденных и легких вещах; о балете больше всего» – и умер на полуфразе. «По-детски чисто, просто и легко, свято он перешел в другую жизнь, здесь тело его потухло, как лампочка, из которой разом выключили через штепсель всю энергию».

Кузмина похоронили на Литераторских мостках на Волковом кладбище. И забыли на полвека – пока новое время не нашло его книги, не открыло их заново, не изумило мастерству, не обнаружило их лукавую печаль, всепонимающую усмешку, легкость и мудрость.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Михаил Кузмин и Юрий Юркун
в своей квартире на улице
Рылеева (бывшей Спасской).
1935–1936 годы

АВАНТЮРЫ «ШТАБС- КАПИТАНА» ИВАНА

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ОДНО ДЕЛО В ШЕСТИ СТРАНАХ ПОБЫВАТЬ.
ДРУГОЕ – В ШЕСТИ СТРАНАХ ПОЖИТЬ.
И НЕ ВО ВСЕХ – ПО ДОБРОЙ ВОЛЕ. ОДИН
ЭТОТ ФАКТ БИОГРАФИИ ИВАНА СОЛОНЕВИЧА
ГВОРИТ О ЕГО ЛЮБОПЫТНОЙ СУДЬБЕ.

Иван Лукьянович
Солоневич
(1891–1953)

Н

Е СКАЗАТЬ, ЧТО О писателе, философе, публицисте и издателе Иване Лукьяновиче Солоневиче совсем уж забыли. Его книги, прежде всего «Россия в концлагере», «Народная монархия», «Диктатура сволочи», время от времени переиздаются. И не только в России. Например, его работа «Народная монархия», которую Солоневич завершил незадолго до своей смерти в 1953 году, впервые была издана на родине автора осенью 1991 года в еще сохранившем последние остатки жизни Советском Союзе. Несмотря на то, что государство СССР и Солоневич испытывали друг к другу абсолютную ненависть. Книга вышла тиражом 40 тысяч экземпляров и быстро стала библиотечной редкостью.

О самом Солоневиче в нынешней России снят документальный фильм, написано несколько книг, в частности в известной «молодогвардейской» серии «Жизнь замечательных людей». Кстати, эта биография ЖЗЛ вызвала несколько жестких статей в периодике, в которых Солоневича назвали и агентом НКВД, и сотрудником Геббельса, и антисемитом. Мол, разве такой человек мог быть замечательным? Если взяться за толкование слова «замечательный» в словарях русского языка, то оно вовсе не является синонимом слова «хороший». У Ожегова это – «исключительный по своим достоинствам, выдающийся». У Ушакова в первую голову – «необыкновенный, возбуждающий удивление, восторг; выдающийся». В том, что Солоневич был именно исключительным и необыкновенным, сомневаться не приходится. Свидетельством тому – его книги и статьи, да и вся его сумбурная жизнь. А что до замечательных людей, то создатель атомной бомбы Роберт Оппенгеймер, безусловно, относится к числу замечательных физиков-теоретиков. Если, конечно, не найдутся аргументы, доказывающие, что физики-теоретики – не люди.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В ЦАРСКОЙ РОССИИ

Иван Солоневич родился 14 ноября 1891 года в Гродненской губернии. Большинство биографов сходятся на том, что в mestечке Цехановец Бельского уезда. Семья самая что ни на есть простая. Сам Солоневич писал об этом так: «Я вырос в очень консервативной и религиозно настроенной семье. Никогда, ни с какой стороны ни к каким привилегированным классам не принадлежал и не принадлежу: мой отец в детстве свинопас, впоследствии, в годы моего детства, он стал сельским учителем (окончил учительскую семинарию за казенный счет). Потом статистический чиновник в Гродно, потом редактор «Гродненских губернских ведомостей» при П.А. Столыпине, потом издатель газеты «Северо-Западная Жизнь» на деньги того же П.А. Столыпина, тогда уже премьер-министра». Про мать не упомянул. Видимо, оттого, что семья распалась довольно быстро. Хотя Лукьян и Юлия Солоневич успели до «периода распада» произвести на свет еще двух сыновей: Всеволода в 1895-м и Бориса в 1898-м. Отец с сыновьями перебрались в Гродну. Лет в 18 Иван увлекся спортом. Тогда были в моде возникшие в Чехии и распространявшиеся по Восточной Европе спортивные кружки, имевшие общее название «Сокол». В них

занимались «сокольской» (коллективной) гимнастикой, а также тяжелой атлетикой, борьбой, боксом. Подоплека видна невооруженным глазом. Что американские скауты, что славянские «соколы» — подростков и молодежь готовили к войне. В то же время в mestechkakh и городках западной окраины Российской империи это был один из немногих способов сохранить здоровье и веру в личную перспективу. Солоневич писал: «...для «нравственного и физического внешкольного воспитания молодежи» было организовано только одно: дома терпимости. Те, кто не хотел шататься по домам терпимости, начинал шататься по

Юлия
Викентьевна
Солоневич
с детьми
Всеволодом,
Любовью
и Иваном (стоит
за матерью).
1910 год.
Фото Бориса
Солоневича

Лукьян Михайлович Солоневич
в редакции «Белорусской жизни».
1910-е годы

всякого рода революционным подпольям».

Несмотря на все усилия, создать полноценный клуб «Сокол» в Гродне не удалось. 20-летний Солоневич экстерном получает среднее образование в гимназии города Вильны. Прицел – получить высшее образование, вырваться из рутины. Примерно в то время Иван начал печататься в изданиях отца, получил первый опыт редактирования. Поступил, однако, на юридический факультет Петербургского университета. Молодого человека профессия юриста нисколько не привлекала, но общее университетское образование представлялось ему обязательным условием для реализации в журналистике.

В 1914 году в жизни Солоневича случились два важных события. Во-первых, он женился на полковничей дочери Тамаре Воскресенской, выпускнице Донского Мариинского института благородных девиц. Во-вторых, занял второе место в первенстве России по тяжелой атлетике.

Едва началась Первая мировая война, Солоневич получил призывную повестку. Но медики забраковали силяча по причине близорукости. В 1915 году у Солоневичей родился сын Юрий. Приблизительно тогда же Иван стал активно сотрудничать с консервативной газетой «Новое время». Пожалуй,

Борис и Иван
Солоневичи
(оба в очках)
среди друзей-
спортсменов
общества
«Сокол».
1914 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

этот период стал для Солоневича временем утверждения в своей философской позиции. Ведь одним из самых ярких публицистов «НВ» был Михаил Меньшиков, правый консерватор по убеждениям, один из создателей Всероссийского национального союза, который при довольно радикальных взглядах находился в переписке с такими политически разноплановыми гениями, как Лев Толстой, Михаил Несторов, Дмитрий Менделеев и Антон Чехов.

Когда в 1916 году Русская армия стала испытывать нехватку солдат, здоровых тыловиков стали перебрасывать на фронт, а на их место в запасные батальоны начали призывать ограниченно годных. Призвали и Солоневича. В лейб-гвардии Кексгольмский полк. Тамошние офицеры никак не могли пристроить солдата, чье зрение составляло весьма скромные проценты от нормы. Решение подсказал сам новобранец: он взялся проводить различные спортивные занятия для солдат. График занятий позволял большую часть дня проводить за письменным столом и в редакциях. Да, настало время, когда солдат, находясь на действительной службе, мог позволить себе публиковаться вовсю. Несколько годами ранее такое и офицерам дозволялось в исключительном порядке и, как правило, под псевдонимом.

В канун Февральской революции Солоневича комиссовали.

В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Между революционными Февралем и Октябрем Солоневич жил весьма энергично. Он восстановился в университете, продолжал печататься, но на жизнь зарабатывал грузчиком. Попытался вместе с отрядом студентов-спортсменов принять участие в событиях, связанных с противостоянием премьер-министра Александра Керенского и Верховного главнокомандующего Лавра Корнилова, разумеется, на стороне последнего. Однако находившийся в Петрограде лидер Союза казачьих войск генерал-майор Александр Дутов отказал семи сотням студентов, сославшись на силу и боевую подготовку подчиненных ему казаков. Сильно ошибся тогда Александр Ильич...

Одно из первых мероприятий, проведенных пришедшиими к власти большевиками в сфере СМИ – закрытие «Нового

Иван Солоневич
(в третьем
ряду восьмой
слева) среди
сотрудников
газеты
«Новое время».
1916 год

Борис и Иван.
Одесса. 1921 год

времени». Солоневич, понимая, чем это может кончиться для него лично, с семьей двинулся в Киев, где примкнул к Белому движению. Из-за слабого зрения в боях участия не принимал, но много трудился на ниве пропаганды и... разведки, перебравшись в Одессу. Семья оставалась в Киеве, а когда воссоединилась в Одессе, Солоневича свалил сыпной тиф. Уйти в Крым, к Врангелю, не получилось. Зато получилось угодить в руки чекистов. После трехмесячной отсидки семью выпустили. Поспособствовал за что-то обязанный старый знакомец, ставший какой-то шишкой в одесской ЧК.

Судя по реалиям начала 20-х годов, Железному Феликсу не сразу удалось расправиться с врагами, инакомыслящими, равнодушными и сочувствующими, но классово чуждыми. Кого-то убили еще в 1918-м, кому-то удалось просочиться через сито первых репрессий. А некоторым посчастливилось выжить и спастись уже в 30-е. Среди них – Солоневич. Да не один, а с женой, сыном и братом. Второй брат, Всеволод, умер от тифа в 1920 году.

За четырнадцать лет, разделивших первый арест и последний побег, в жизни Ивана Лукьяновича случилось многое. К примеру, в 1920-м ему удалось получить комиссарский мандат для работы в городке Ананьев. Солоневич с юмором вспоминал: «Я почему-то был инструктором по кооперации. В кооперации я не понимал ничего, но, с другой стороны, и кооперации-то никакой не было. Так что мои функции особенной трудностью не отличались». Но прежде ему довелось побродить по Одесской губернии, давая с братом представления в селах по части борьбы и бокса. Бывало, с Солоневичами бродил Иван Поддубный. В 1921-м Иван вернулся в Одессу. Здесь он в течение двенадцати лет подвизался на физкультурном поприще. Одессу сменила Москва: Солоневич все служил в каких-то спортивных сове-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

таких, секциях, отделах. Из автобиографии: «Осенью 1926 года я переехал из Одессы в Москву. В Одессе я был раньше преподавателем гимнастики, потом стал инструктором спорта в местном профсоюзе. В Москву я попал уже на более высокий пост, пост спортивного бюрократа в Центральном союзе служащих. Мой брат занимал пост инспектора спорта в военном флоте. И в качестве человека, имеющего почти адмиральский чин, получил крохотную комнату на Тверской улице в доме 75. Брата сослали на Соловки, и комната осталась в моем полном распоряжении. Я из нее сбежал. <...> Мои жилищные поиски в Москве <...> закончились полным и безнадежным провалом. Я устремил свои надежды на московские пригороды. На другом полюсе столичной жизни вел свое странное полупризрачное бытие подмосковный пригород – станция Салтыковка, на 17-ой версте Нижегородской железной дороги. Я прожил там почти все года моей московской деятельности». В Салтыковку мы еще вернемся, а пока отправимся в Подпорожское отделение Беломорско-Балтийского комбината НКВД СССР. Сам ББК, можно сказать, владел огромной территорией – чуть ли не всем Русским Севером. В его ведении был не только Беломорско-Балтийский канал, но и множество различных предприятий «на воле» и в лагерях. Империя была создана в 1933 году, и одними из первых ее подданных стали братья Солоневич, получившие за организацию контрреволюционного общества, антисоветскую агитацию, шпионаж и попытку вооруженного перехода границы по восемь лет. Сыну Ивана, Юрию, которому только исполнилось 18, дали три года. Из всех перечисленных статей виноваты Солоневичи были только в одной – в попытке перехода границы. Побег не удался, так как в группе оказался стукач. Это была не первая попытка. Годом ранее Солоневичи пытались пересечь советско-финскую границу. Готовились тщательно, но подвело незнание особенностей местности. Карельская магнитная аномалия сбила стрелки компасов, и группа заблудилась. Иван Солоневич серьезно заболел, и все вернулись по домам. Без последствий. В первый раз стучать было некому. Казалось бы, свободному человеку

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Сыном Юрием. Салтыковка. 1927 год

Салтыковка. 1927 год

сбежать легче, чем подневольному. Но именно третий эксперимент по преодолению границы оказался удачным. Летом 1934 года отцу и сыну понадобилось 16 дней, чтобы перебраться в Финляндию. В который раз Солоневичу помог спорт. Нет, не бицепсы, а связи со спортивным обществом НКВД – «Динамо». За несколько лет до того он подготовил и издал 10-тысячным тиражом брошюру «Самооборона и нападение без оружия» для издательства НКВД РСФСР, куда включил свои представления об использовании смеси бокса и джиу-джитсу в прикладных условиях. Распространять тираж, в том числе среди спортсменов «Динамо», запретили, даже авторские экземпляры изъяли. И не потому, что плохо. Было б плохо, арестовали бы еще в 1928-м. Именно потому, что уж больно полезная книжка получилась.

Так вот, специфические связи помогли устроиться на ББК так, что Солоневич мог разъезжать по Карелии и присматривать место перехода. Брат Борис уходил один, по другому маршруту. И тоже успешно. Жена ушла двумя годами ранее. Но другим путем. Через фиктивный брак с немецким инженером.

ОТ ФИНЛЯНДИИ ДО УРУГВАЯ

К этому времени Солоневич еще не отметил ничем впечатляющим ни в публицистике, ни тем более в философии. Не до того было. Чтобы концепция окончательно сформировалась, требовались время, опыт, знания. А еще – относительно спокойная жизнь. Да, в эмиграции о нем кое-кто помнил по «Новому времени» и связям, образовавшимся во время журналистской карьеры в Петербурге–Петрограде. Но не более того. Но после заметки о его побеге в парижской газете Павла Милюкова «Последние новости» Иван Лукьянович стал истинно популярен. На контакт с ним начали выходить люди различных убеждений и из различных эмигрантских

Фото
И.Л. Солоневича
из архива
финской
полиции.
Август 1934 года

структур. От Александра Гучкова до председателя Русского общевоинского союза (РОВС) генерала Евгения Миллера.

А когда в 1935 году в газете «Последние новости» началась публикация первых глав книги «Россия в концлагере», популярность превратилась в уважение и авторитетность. Во второй половине 30-х годов прошлого века все события и всюду разывались с невероятной скоростью. Планета торопилась, будто знала, что край пропасти близок – 1 сентября 1939 года. Торопились в Испании республиканцы и Франко. Торопился Гитлер в Австрии и Судетах. Торопились финны и советская сторона. В Европе частенько поглядывали на восток, где торопились японцы в отличие от сонных китайцев. Торопились русские эмигранты. Торопились тайные агенты НКВД и гестапо.

Солоневич тоже торопился. Большая Европа визы не давала. Визу удалось получить только в Болгарское царство. Солоневич выкупил убыточную газету и довольно скоро поднял ее тираж с 2 тысяч до 9 тысяч. Другие источники говорят о том, что тираж «Голоса России», первый номер которой вышел в Софии в 1936 году, достигал в лучшие годы 15 тысяч. Для русских эмигрантских СМИ это очень хороший результат. Параллельно вокруг издания начал складываться неформальный круг людей, которых Солоневич определял термином «штабс-капитаны». Термин военный, но под ним Иван Лукьянович видел всю ту эмигрантскую массу бывших средних служащих, мелкопоместных помещиков, интеллигенции, студентов, младших офицеров поневоле, всех, кого он называл «наш «средний слой», миттельштанд, позвоночный хребет всякой нации». Впервые идея была вброшена через газету уже летом 1936-го.

Само собой, тезис вызвал недовольство в эмигрантской партийной среде и особенно среди военных, входивших в РОВС.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

И.Л. Солоневич
в Германии.
1938 год

Потому как РОВС – это не штабские штабс-капитаны, живущие в эмиграции тише воды, это боевые генералы и полковники, капитаны и поручики, прошедшие горнило Гражданской войны. И кому как не им определять будущее России, после того как «красный режим» падет? Уменьшилось число поклонников Солоневича и в монархических структурах. И это несмотря на то, что о своих мо-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Иван и Тамара
Солоневич.
София. 1936 год

нархических убеждениях он искренне заявлял более чем часто. Однако кому из вхожих некогда в императорскую свиту понравится такое: «Было время, когда мы, русские, были велики и сильны. Это было тогда, когда физическая и духовная боеспособность сливалась в одно. Когда монархия не была только политической вывеской, а православие не было только молебнами и панихицами. Когда мы по-суворовски были «русские», а, следовательно, «с нами был Бог». Сейчас пытаются строить без православия – и из великолепных кирпичей получается чорт его знает что: что-то среднее между Дворцом Советов, уборной и просто кучей отвратительного мусора». Солоневич напечатал эти строки в 1939 году, когда уже оправился от трагедии, постигшей его в феврале 1938-го. В доме, где располагалась его квартира и редакция газеты, взорвалась бомба. Не сама по себе взорвалась, разумеется. Теракт готовился агентами НКВД несколько месяцев. Но злополучную посылку взял в руки не Солоневич, а его секретарь. Жена стояла рядом. Погибли оба.

Как ни цинично это звучит, но убийство жены открыло Солоневичу визовые двери в большую Европу. Он выбрал Германию. А может, она его выбрала. Некоторые источники сообщают, что книга «Россия в концлагере» очень понравилась Гебельсу и Герингу. Нет людей, не совершающих ошибки. И выбор Солоневича в пользу Германии был из разряда крупных ошибок. Хотя в каждой конкретной ситуации то, что впоследствии окажется ошибкой, может показаться спасением. На Солоневича в Москве объявили охоту, а мастерство охотников в эмиграции после странной смерти барона Врангеля, похищения лидеров РОВС Кутепова и Миллера не вызывало сомнений. Кто мог защитить? Помимо Германии...

Издательское дело в Болгарии Солоневич вел заочно. Одну га-

зету власти закрыли. Он открывает другую. С этой расправляются. Он выпускает журнал. Вся эта карусель крутилась до 1940 года. А через год Солоневичу стало не до издательских проектов. Гитлеровская Германия напала на СССР. Многие русские эмигранты с предъявленной дилеммой справлялись мучительно. Не только потому, что страдали от очевидного раздвоения личности, где на одном краю – ненавистные большевики, на другом – возлюбленная Родина. Страдали и от страха, особенно в тех странах, куда могла дотянуться рука гестапо. Сегодня можно найти упреки в адрес Солоневича в том, что он всю войну добросовестно служил германской пропаганде. В самом деле, в начале войны он высказывался в печати о роли большевиков в русской истории. Но довольно быстро разбрался, что к чему. Например, отказался от должности главного пропагандиста в оккупированной Белоруссии. После встречи с генералом Власовым прекратил всякие контакты с ним и его сподвижниками. Весьма недвусмысленно отреагировал на информацию о том, что в оккупированных советских землях огромными тиражами распространяется его антисоветский труд «Россия в концлагере». Обещал найти этого издателя, обосновавшегося в Риге, и вовсе не для того, чтобы требовать гонорар за 400-тысячный тираж. Последнее и главное. Уже в октябре Солоневича пригласили в берлинское гестапо, где ему указали отбыть в ссылку в Померанию. Он выбрал городок Темпельбург, ныне – Чаплинек в Западно-Поморском воеводстве Польши. Он уже знал, что 22 июня 1941 года его брата Бориса гестаповцы арестовали в Бельгии и отправили в концлагерь. Когда Красная армия вступила в пределы Третьего рейха, Солоневич отправился на запад, под Гамбург, где после капитуляции Германии оказался под британской юрисдикцией. Союзники

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

без особых проблем отдавали Смершу тех, кто не представлял для них ценности. Берегли ученых, разведчиков, носителей секретов из высоких кабинетов. А что Солоневич, какой с него прок? И какой англичанам прок от идей, которые он пропагандировал? Русская народная монархия... Русский национализм, обвязанный традициями православия... Русский особый путь, отрицающий любое серьезное воздействие со стороны других цивилизаций, в первую очередь англосаксонской...

Солоневич оказался в лагере для перемещенных лиц. Он выбивал себе и семье визы в Латинскую Америку. Дело осложнялось тем, что вторая жена Ивана Лукьяновича была немкой, вдовой погибшего офицера вермахта. Но визы все-таки дали. В 1948 году Солоневичи отплыли в Аргентину. И в том же году в Буэнос-Айресе вышел первый номер газеты «Наша страна». Угадать фамилию главного редактора и идеиного вдохновителя проекта нетрудно. Газета газетой, но главной

Уругвайское удостоверение личности И.Л. Солоневича. Февраль 1953 года

Окно редакции газеты «Наша страна» (слева в круге). Буэнос-Айрес

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

задачей Солоневич определил для себя работу над книгой «Народная монархия», в которой изложил свои взгляды на прошлое, настоящее и будущее России. И что особенно важно, предъявил те методы, с помощью которых теорию можно превратить в практику. С концепцией Солоневича можно соглашаться, можно – нет. Можно что-то использовать, что-то отвергнуть. Но знать его историко-философскую позицию не помешает. Тем более что, в отличие от большинства таких работ, «Народная монархия» написана крайне отчетливо.

Довольно быстро вокруг Солоневича сплотился круг единомышленников – тех самых «штабс-капитанов». Но безжалостная критика других эмигрантских структур вызвала ответную реакцию. Вряд ли тогдашний президент Аргентины, Хуан Перон, питал симпатии к Советской России и уж тем более к советским спецслужбам. После некоторых усилий группе заинтересованных лиц удалось убедить аргентинские власти в нелояльности Солоневича. Ему было предписано в трехдневный срок покинуть страну. Последнее пристанище представил Уругвай, где первое время Иван Лукьянович жил в Монтевидео, потом на ферме у знакомых, наконец, в прибрежном городке Атлантида. Несмотря на болезни, он оставался энергичным и сохранял авантюрность характера. Собирался переселиться в седьмое государство – в США. Не успел. Умер в Итальянском госпитале Монтевидео.

Солоневич вспоминал: «Лично для меня Салтыковка имела ряд неоценимых преимуществ: простор, тишина, почти полная невозможность маломальски путной слежки и, наконец, тот факт, что мансарду свою я снимал у частника...» Надо как-нибудь выбраться на улицу Луговую, посмотреть на эту мансарду. Благо от ворот автора этих строк до мансарды Солоневича менее километра по прямой.

ВЕНЕЦИЯ НА ВОЛОГОДСКИХ СТЕНАХ

АВТОР

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА АСАФОВА

ГОРН В РУКАХ ПИОНЕРА СОСТОИТ ИЗ 80 КУСОЧКОВ СМАЛЬТЫ. ПЕРО ЖАР-ПТИЦЫ – 1500 КУСОЧКОВ. ЛЕНИНСКИЙ ПРИЩУР – 200 НА ОБА ГЛАЗА. ЦВЕТНОЙ КАТАЛОГ МОЗАИЧНЫХ КАРТИН, УКРАШАЮЩИХ ЗАВОДСКИЕ ЦЕХА, ФАБРИКИ, УЧИЛИЩА, ДЕТСКИЕ САДЫ И ХРУЩЕВКИ ВОЛОГДЫ, СТАЛ ОДНИМ ИЗ ПЕРВЫХ В РОССИИ.

КАК НИ СТРАННО, вологодская мозаика родилась благодаря... строительным нормам. В брежневские времена предписывалось тратить до 3 процентов от стоимости здания на украшение новостроек. В Вологде в те годы работала плеяда выдающихся художников-монумен-

талистов, так что с 1960-х по 1980-е годы в городе и районе появилось более тридцати полотен из смальты, выполненных в венецианской технике. Искусствоведы до сих пор удивляются: в те годы, когда абстрактной живописи была закрыта дорога в лучшие галереи страны, в провинциальной Вологде авангард

красовался на стенах техникума и музыкальной школы.

Уже в наши дни группа молодых художников составила реестр, разыскав десятки мозаик в городе и районе: за неимением архивных документов слушали сарафанное радио. Открыли выставку, сняли фильм, опубликовали статьи в прессе, разослали письма в высокие кабинеты. Особо отметив, что мозаика на стене здания имеет сегодня не больше прав, чем приkleенное объявление «Продам шубу».

Усилия не пропали даром: в январе первые три мозаики получили официальный статус выявленных объектов культурного наследия и были взяты под охрану. «Наша цель – популяризация мозаик и приданье им нового статуса, – говорит лидер группы, художник и искусствовед Александр Асафов. – Это только начало, продолжаем работу в Вологде, консультируем единомышленников в других регионах». Авторы каталога и фильма считают главной угрозой для мозаик не дожди, ветра и вандалов, а незнание и равнодушие.

МОЗАИКА В НАСЛЕДСТВО

Для Александра Асафова спасение мозаик поначалу было исключительно личным делом. Сын знаменитого Генриха Асафова, чьи картины гремели на весь Советский Союз, Александр с детства наблюдал за работой отца. А в его мозаичных работах был то помощником, то моделью. «Вон там, на втором плане, видите детей в толпе? Это отец изобразил нас с сестрой, – рассказывает Асафов-младший, устроив нам экскурсию по мозаичной Вологде. – А на другом панно папа позволил мне выложить один из квадратов по рисунку. До сих пор помню, который из них мой».

Детство и юность Александра Асафова пришлись на перестройку и 1990-е годы, так что он не спешил хвастаться перед одноклассниками ни «своим» квадратом, ни отцовскими мозаиками. Времена менялись, и любоваться пионерами и кузнецами стало как-то не принято. Спустя годы, работая над каталогом работ отца, Асафов-младший увидел вологодские мозаики родителя и его коллег-современников новыми глазами. «Дело ведь не только в том, что эти картины – живой осколок ушедшей эпохи, – говорит он. – Мне бы хотелось, чтобы люди увидели в этих мозаиках выдающиеся художественные произведения, которые требуют соответствующего отношения. И знаете, молодежь это понимает лучше всего, они видят в этих полотнах чистое искусство, а не символы и какую-то пропаганду».

Вологодский «мозаичный ренессанс» продолжался чуть более двадцати лет – до начала 90-х. Почему там и тогда? Потому что, как говорится, так сошлись звезды. Во-первых, в Вологде встретились талантливые выпускники столичных вузов. Во-вторых, Вологда в те годы активно строилась, и на правах областного центра и древнего города имела право на достойный внешний облик. Причем село от города не отставало, выкладывая приличные деньги

Мозаика
Валентина
Малыгина «Труд»
обрела статус
выявленного
объекта культур-
ного наследия

Панно
«Транспорт»
Бронислава
Шабаева укра-
шает автовокзал
Вологды почти
половина

за мозаичные панно. Художники-монументалисты были нарасхват. Работали по заданию, но творческой свободы хватало. Многие из ярких представителей направления живы, и с ними авторы группы спасения мозаик консультируются по любому вопросу.

«Когда стал искать информацию о вологодских мозаиках, очень удивился, что ее практически нет, – рассказывает Александр. – Картины десятки лет висят на улицах города, в том числе центральных, но их нет в каталогах, о них нет публикаций, сведения разрозненные. Я понял, что если я не расскажу о мозаиках, то, может быть, еще лет тридцать – и о них никто ничего не будет знать. Пришла идея большого исследовательского проекта по мозаикам одного региона. Я искал аналоги в России и не нашел их. Видимо, мы первые». По словам Александра, волна внимания к уличной мозаике поднимается и в других регионах, к нему постоянно обращаются за консультациями. На примере Вологды люди увидели, что бесправную мозаику, целиком и полностью принадлежащую хозяину здания или собственникам многоквартирного дома, можно защищать, привлекая к ней внимание общественности.

В Череповце, соседнем с Вологдой городе, это уже получилось. Перед реставрацией автовокзала пригласили экспертов из столицы, и те дали рекомендацию сохранить мозаику. Вокзал выстроили заново фактически вокруг картины.

НЕЗАМЕТНОЕ ЗАМЕТНОЕ

Александр Асафов решился на практический шаг – восстановить мозаику отца под названием «Новая деревня». Панно располагается в офисном здании, на лестничной клетке между двумя этажами. Из-за разрыва трубы с горячей водой часть панно была испорчена. Асафов потратил на эту работу четыре месяца. Картин было три, но две смыли владельцы здания. Последнюю отстояли журналисты местной газеты. После реставрации рядом с полотном разместили табличку, рассказывающую о панно и художнике. Следующим шагом стало открытие выставки вологодской мозаики в местной картинной галерее. Картины сфотографировали профессиональной техникой. Кроме того, авторы собрали по мастерским художников эски

Александр Асафов подновил распись своего отца, на которой изображена деревня будущего

зы мозаик, существующих, утерянных и неосуществленных. Выставка, получившая красноречивое название «Незаметное заметное», стала событием – посмотреть за деньги на то, что видят ежедневно бесплатно, пришли сотни людей.

«Выставка прошла очень успешно, – рассказывает кура-

тор выставки Светлана Попова-Знаменская. – Мы хотели рассказать горожанам о том, какие потрясающие работы живут в городе, и привлечь внимание к сохранению мозаик. И этой цели мы добились, о мозаиках заговорили, отклик был широкий. Для многих эти картины, рядом с которыми они выросли, на выставке стали откровением. Они с удивлением узнавали, что авторы мозаик – известные художники, что работа над панно занимала месяцы». На выставке побывали и гости из-за рубежа. Один англичанин взял в галерее адреса и с фотоаппаратом обошел их, чтобы запечатлеть вологодские мозаики. И очень удивлялся тому, что авторы некоторых из них неизвестны, а исследования этих работ начинаются только сейчас...

ВЫШИВКА СТЕКЛЫШКАМИ

Смальта – это такие цветные камушки. Смальту варят, охлаждают и разбивают на кусочки разной величины (как правило, произвольной), чтобы сложить заново. И получить ожившую на глазах художественную ткань, которая замечательно отображает индивидуальность автора. Некоторые из мастеров добавляют в смальтовые картины металлическую чеканку и самый обычный дорожный камень. Терминология художника-монументалиста наполовину строительная – в мозаичной технике прижились цемент, бетон и сетка-рабица.

Создание мозаичных панно – длительный и трудоемкий процесс. Сначала создается маленький эскиз, после чего его переводят в натуральную величину (некоторые можно было

нарисовать разве что в спортзале), по квадратам переносят на стену и утапливают в цемент. Мозаика – одна из самых стойких и долговечных изобразительных техник. Время мозаикам почти не страшно, а землетрясений в Вологде не случается.

Некоторым вологодским мозаикам откровенно повезло. Например, картина Валентина Малыгина «Музыка», которая считается первой монументальной мозаикой в Вологде, соз-

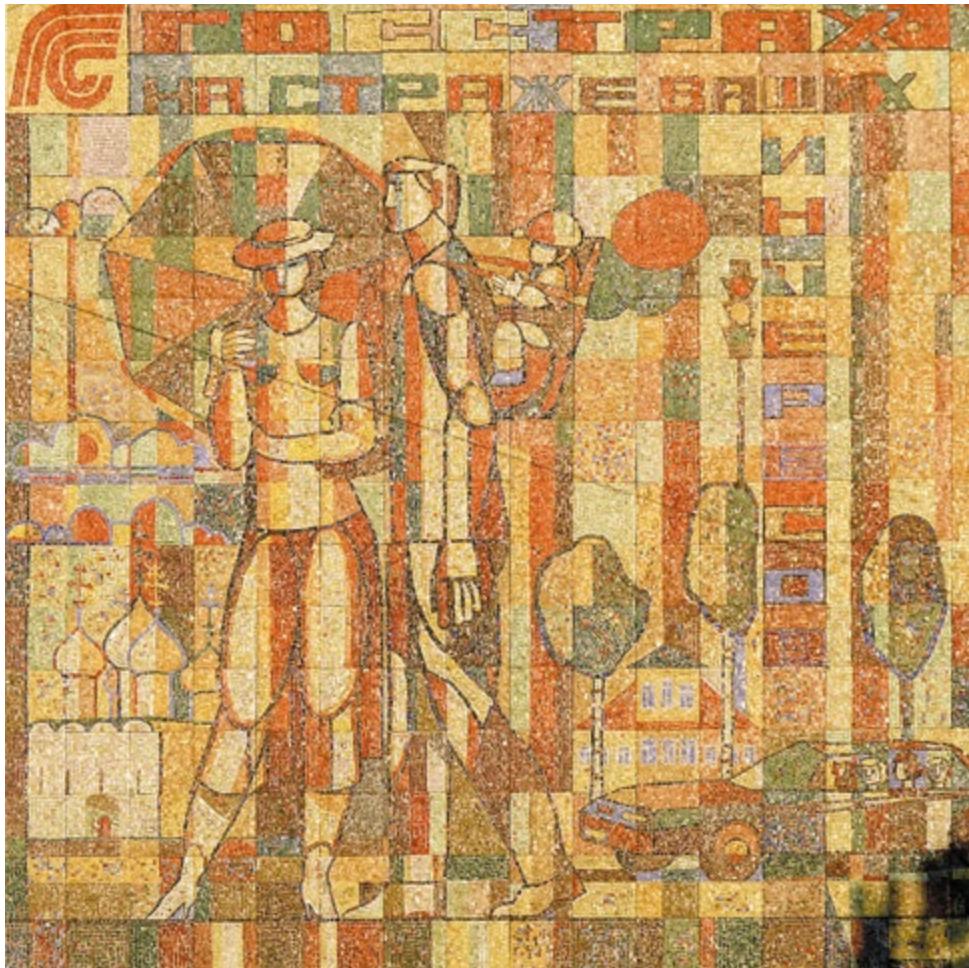
Мозаика «Музыка» Валентина Малыгина располагалась на крыше, а сейчас – в зале Вологодского колледжа искусств

давалась в 1968 году на крыше нового музыкального училища. На панно запечатлены русский танцевальный ансамбль, седой скрипач, похожий на Бетховена, певица с пышными волосами и композитор с решительным лицом. Мозаика стала чем-то вроде символа для вологодских музыкантов, и когда, спустя годы, в училище надстроили второй этаж, то вокруг панно построили концертный зал – один из лучших в городе по акустике. Музыканты убеждены, что не в последнюю очередь из-за мозаики.

Если есть первая, имеется и последняя мозаика. Она создана в 1990 году. «Вот она, конец эпохи», – указывает Александр Асafов на картину на жилом доме в центральном районе Вологды. На ней изображена обычная семья на прогулке: жена с раскры-

Вологодские мозаики в большинстве своем выполнены из кусочков смальты

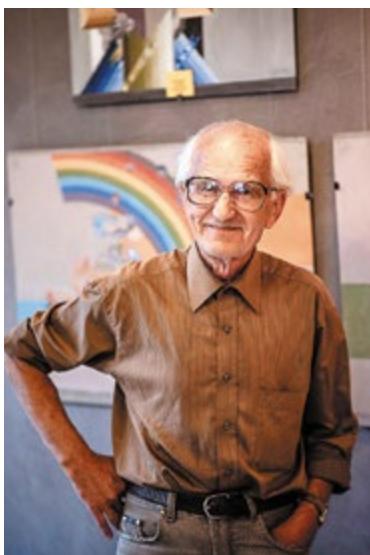

тым зонтиком и муж с ребенком, пристегнутым к спине на манер рюкзака. Картину заказал «Госстрах». Но кто теперь замечает название заказчика вверху картины и рекламный слоган «На страже ваших интересов»? Люди видят причудливую Вологду в ярких лучах солнца и персонажей, изображенных в авангардном стиле. Автор рассказывает, что картина родилась в результате переговоров и компромисса. «Отец предполагал, что это на десятилетия, и гнул свою линию, – рассказывает Александр. – Вообще-то говоря, в мозаике отец в чем-то работал более смело, чем в живописи. В его мозаиках 70-х и начала 80-х годов попадается настоящий авангард, они еще ждут своих исследований. Я думал, почему так, и понял: для выставки картину нужно было провести через выставком, где делались замечания. А мозаика требовала лишь утверждения заказчика».

ВОЛОГДА В БОРДО

Попав после десятилетий забвения на страницы каталога и газет, мозаичные космонавты, рабочие и пионеры также стали героями документального фильма, за съемки которого взялся молодой режиссер (он же оператор, сценарист и закадровый

Одна из последних вологодских мозаик выполнена Генрихом Асафовым в 1990 году

Бронислав Кураго до последних дней жизни работал в мастерской

голос) Александр Мирошниченко. Авторы называют «Мозаику» «волонтерским кино», поскольку фильм был снят практически без бюджета. О том, насколько продолжительной была работа над фильмом, можно судить уже по тому, что в кадре есть все четыре времени года.

За это время съемочная группа побывала у всех мозаик Вологды и района: пионерский лагерь, кондитерская фабрика, задворки заводской промзоны, молочный комбинат, детский сад, городские спальные районы... О мозаиках в фильме рассказывают работники предприятий, старожилы или энтузиасты, которые добровольно взялись ухаживать за картинами из камня и смальты. Судьба каждой мозаики индивидуальна, но в рассказах немало общего. Почти над каждым из полотен нависала угроза уничтожения, но либо планы владельцев здания или властей изменились, либо «удалось отстоять».

Портретам Ленина из мозаики посвящена отдельная глава, авторы фильма устроили настоящий квест по изображениям Ильича. Некоторые из портретов удавалось снять даже на полузаброшенных складах среди ржавого металлома. Но мозаичные картины ничуть не пострадали от времени и забвения. И сохранили яркость и цвет. Авторы фильма записали интервью с художниками – Генрихом Асафовым, Брониславом Шабаевым, Юрием Петровым и Брониславом Кураго, для которого это были последние съемки. Его снимали в мастерской, в которой художник работал до самых последних дней. В интервью он рассказывает о технологии выкладывания мозаики: в день самой упорной работы выложишь квадратный метр-полтора, не более. А размер некоторых мозаик превышает 90 квадратных метров. Картину Бронислава Кураго уже почти три десятка лет видят все, кто прибывает в Вологду самолетом. На фасаде здания аэропорта, на стене, обращенной к взлетно-посадочной полосе, изо-

Мозаика Бронислава Кураго на стене детского сада «Зоренька», который, к счастью, избежал продажи бизнесменам в 90-е годы

бражена огромная вологжанка в кокошнике с хлебом-солью. Художник приезжает в аэропорт и рассказывает на камеру, что эту мозаику, с тех пор как ее сделал, он не видел. «Эх, кусочки начинают осыпаться, – со вздохом произносит он. – Но ничего, еще лет пятьдесят простоит».

«На стенах детского садика, в который я ходил, были мозаики, и еще тогда они мне нравились, – рассказал режиссер фильма Александр Мирошниченко. – Я знаю, что после выставки и нашего фильма у многих вологжан открылись глаза на мозаики. Я сам из таких. Замечал, как в процессе работы проясняются темные пятна, город открылся заново. Мы объехали с камерой много мозаик, и поч-

ти каждая подарила нам встречу с замечательными людьми, которые болеют душой за эти панно и делают все, что могут, для их сохранения. Людей, которые бы предлагали уничтожить эти мозаики как следы Советского Союза или по другим причинам, мы не встречали».

Вологодские мозаики собраны в альбом-каталог, о них снят фильм и проводятся выставки

Благодаря фильму вологодскую мозаику увидели иностранные зрители. В прошлом году «Мозаика» была показана в Сочи на Всемирном фестивале молодежи и студентов, а также стала участником фестиваля российского кино в Бордо. «Французы смотрели на вологодскую мозаику как на диковинку, – говорит Александр Мирошниченко. – Говорили мне, что у них монументальная живопись – большая редкость, а в России она украшает школы и заводы».

Традиция монументальной живописи живет в Вологде и по сей день. Многие из мастеров были педагогами в местных училищах, у них есть ученики и последователи. В мозаичисты идут и по сей день, и работу находят в разных регионах страны. Таких художников приглашают для создания фресок в храмы и музеи, иногда поступают заказы от владельцев современных зданий. ●

РУССКАЯ УСАДЬБА С ФРАНЦУЗСКИМ АКЦЕНТОМ

АВТОР

ЗОЯ МОЗАЛЕВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ДЕРЕВНЯ ПЕТРУШОВО РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ В ОБЩЕМ-ТО НИЧЕМ НЕ ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫЙ НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ ОДНОГО ИЗ НЕБЛИЗКИХ К ОБЛАСТНОМУ ЦЕНТРУ РАЙОНОВ. ТИШИНА, НЕТОРОПЛИВОСТЬ, ПОКОЙ. НЕТРОНУТАЯ ПРИРОДА И ПРИВЕТЛИВЫЕ ЛЮДИ. И НИКАКИХ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЕЙ. ТАК БЫЛО ДО ПОРЫ ДО ВРЕМЕНИ, А ТОЧНЕЕ – ДО ТОГО МОМЕНТА, КОГДА В ДЕРЕВНЕНЕ ПОЯВИЛАСЬ НАСТОЯЩАЯ РУССКАЯ УСАДЬБА.

ПРОСТОРНАЯ ВЕРАНда, где в летние вечера хозяева и гости собираются за чаепитием... Легкая вуаль занавесок, танцующая от дуновения ветерка... Рояль, фортепиано, обширная библиотека с книгами на разных языках, изысканные дета-

ли, изобилие тех самых уютных мелочей, которые в советские годы было принято клеймить мещанством... А главное – атмосфера. Здесь все иначе, чем в современном мире. И, попадая сюда, не можешь отделаться от ощущения перемещения во времени. Достаточно пре-

одолеть две сотни верст от Рязани, чтобы оказаться в России XIX столетия.

Хозяйка этого дома – француженка Ирен Комо, для которой уже давно стали привычными постоянные переезды из Парижа в Петрушово и обратно. Ирен все здесь делала сама. Она и архитектор, и дизайнер интерьера. Как родилась идея создания усадьбы в глубинке России, сказать трудно. Наверное, ответ надо искать в истории семьи Ирен.

Мама хозяйки усадьбы, Ирина Георгиевна Демидова-Комо, может рассказать немало интересного. Ее отличный русский никогда не позволит подумать, что родилась и выросла она не в России. Ее дед был в нашей стране человеком известным. Карл Андреас Кофод родился в Дании, но судьбе было угодно забросить его в Российскую империю, где он поначалу служил управляющим имением в Калужской губернии, а потом всерьез погру-

В облике «барского» дома вряд ли кто-то смог бы узнать очертания старой деревенской школы

Неотъемлемая
часть интерьера
дворянского
гнезда – полки,
заставленные
книгами.
В библиотеке
Ирен Комо
литература
на нескольких
языках

Конные прогулки, балетный класс, домашний театр... Петрушовская усадьба сохранила все традиции русских имений

зился в дело землеустройства. Он занимался, как сказали бы сегодня, «продвижением» реформы Столыпина, был одним из ее идеологов и разработчиков. Несмотря на то, что, как говорил сам датчанин, «русский совсем нелегкий для западноевропейца», языком он овладел в совершенстве и все свои книги, коих было немало, писал на русском языке. Он принял российское подданство и женился на русской девушке. В России его звали Андреем Андреевичем. Словом, Кофод стал настоящим русским человеком. «Мой дед, хотя и был по происхождению датчанином, чувствовал себя русским. Россия для него стала родной, и он очень болел за страну. Он был агрономом, и ему было очевидно, что России необходима земельная реформа, – вспоминает Ирина Георгиевна Демидова-Комо. – Дед рассказывал, что сами большевики

Летом на веранде так приятно пить чай под аккомпанемент звенящей деревенской тишины

говорили ему – начинись эта реформа раньше, и революции бы не было. Все пошло бы по эволюционному пути». Однако история, как известно, соглашательного наклонения не признает. В силу разных обстоятельств реформа задержалась, произошла революция, и вскоре после 1917 года дочь Кофода была вынуждена покинуть страну.

Видимо, любовь к России Андрей Андреевич передал дочке по наследству, и всю свою жизнь она ждала возвращения на родину... «Моя мать была пламенной русской патриоткой, – продолжает воспоминания Ирина Георгиевна. – Ее уговорили уехать за границу из-за ребенка, убедили, что покинет страну она лишь на шесть месяцев – переждет голод и приедет обратно. Всю жизнь она верила, что вернется в Россию, в ее планах всегда проскальзыва-

Весь антураж усадьбы как живая декорация к фильмам по чеховским пьесам

вала мысль, что скоро она уедет из Европы и снова будет жить в России».

Увы, вернуться так и не получилось. Единственное, что ей удалось, – это научить свою дочь русскому языку. А та, в свою очередь, научила своих детей, они – своих... Уже много поколений семья, живущая вне России, сохраняет родной язык. Да еще, наверное, жива в них какая-то генетическая память, патриотизм. Иначе чем объяснить, что Ирина-младшая, прожив всю свою жизнь во Франции, захотела отправиться в Россию, да еще в самую ее глубинку?

«Для меня такое решение дочери было полной неожиданностью. Она родилась во Франции, выросла во Франции, но вдруг захотела уехать в Россию и здесь осталась. Можно подумать, что я подвигла ее на такое решение, но это вовсе не так. Я была очень

Когда Ирен Комо впервые оказалась в Петрушове, ее поразило многое. Особенно то, что все здесь натуральное, живое, настоящее

удивлена таким поворотом, – улыбается Ирина Георгиевна. – Для меня моя дочь – загадка. Мне самой удивительно, что она вышла настолько русская...».

«Лично мне скучно говорить про Россию в Париже. Если меня интересует Россия, то мне надо быть именно здесь, – считает Ирен Комо. – Моя мама всю свою жизнь посвятила преподаванию русского языка, пропаганде русской культуры во Франции. Она много лет возглавляет Центр русского языка и культуры в Париже, издает русскоязычную газету, вообще много сделала для того, чтобы у французов было объективное представление о России, чтобы зародить интерес к русской культуре. У меня, в отличие от мамы, нет педагогической жилки, поэтому я приехала в Россию и с головой погрузилась в эту жизнь».

МАРШРУТ ПАРИЖ – ПЕТРУШОВО

В Россию Ирен приехала 25 лет назад, и главное, что повлияло на ее решение, – это интерес к стране. Во Франции она была специалистом по Советскому Союзу. В нашей стране, как вспоминает сама Ирен, в 90-е годы XX века все «кипело и бурлило», это-то и привлекло русскую француженку. «Советский Союз был закрытым миром, и вдруг этот мир открылся... Мне это было очень интересно», – увлеченно рассказывает Ирен. Сейчас она и сама не может сказать, посещали ли ее тогда мысли остататься в этой интересной стране навсегда, но так получилось, что Россия Ирен Кому уже не отпустила.

«Раньше я бывала в СССР, но тогда посещение Союза для иностранцев было строго регламентировано, весь визит был четко расписан: определенное количество дней пребывания в Москве или Ленинграде, уклоняться с маршрута нельзя, поэтому побывать в деревне было нереально, – делится Ирен. – А меня всегда привлекала русская деревня. Мама и бабушка жили в Париже, но они читали много русской литературы, и у меня был яркий образ русской глубинки, который притягивал. Когда в первый раз коллега из Москвы пригласил меня в гости в Рязанскую область, в далекий Касимовский район, я впервые попала в настоящую русскую деревню. Петрушово меня очаровало, мне все здесь страшно понравилось».

На иностранку, представлявшую истинную Россию лишь по произведениям Чехова, Тургенева, Толстого и других классиков литературы, рязанская глубинка произвела очень сильное впечатление. Старые деревянные дома, резные наличники, первозданная природа, густой воздух, напоенный ароматами трав и цветов... Деревня, где двери домов не принято закрывать на запоры, а по улицам привыкли свободно разгуливать куры, гуси, козы, коровы и прочая живность... Такого француженке видеть не доводилось. «Из первого впечатления

В обстановке дома переплелись самые разные детали, создав удивительно гармоничную атмосферу

хорошо помню, что мне очень понравились местные люди – своим спокойствием, мудростью. Я со своими детьми жила тогда в бешеной Москве 90-х, и мне не хотелось, чтобы они видели Россию только такой сумасшедшей. Побывав в Петрушове, я очень захотела, чтобы дети впитывали именно такую Россию», – рассказывает Ирен.

На счастье русской француженки, в Петрушове продавались два дома с землей, и Ирен, не раздумывая долго, стала их владелицей. Теперь в ее распоряжении оказалась достаточно обширная территория, на которой можно было развернуться. «У деревенских домов всегда слишком маленький клочок земли, а мне хотелось создать усадьбу, похожую на те, о которых я читала в произведениях русских классиков», – делится Ирен.

В доме нашли достойное место и предметы старины, приобретенные у местных жителей

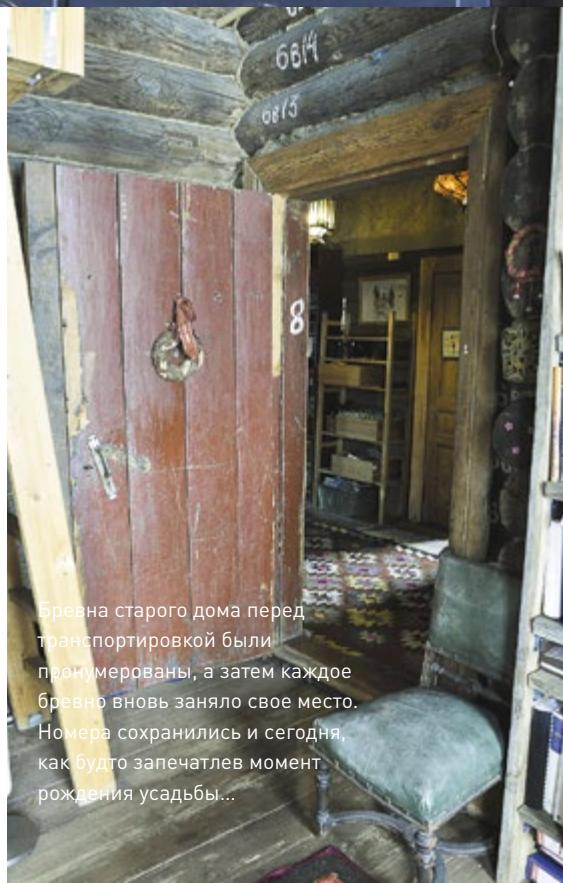
Теперь на месте бывших картофельных огородов стоит настоящая усадьба с аллеей деревьев, ухоженными дорожками, большим «барским» домом. Глядя на петрушовское имение, вряд ли кто-нибудь сможет узнать в нем старую школу, а между тем именно она стала основой для дома Кому. Хотя, если соблюдать точность, здесь пригодились сразу две школы – старые здания продавали на дрова. Ирен приобрела и перетащила их из соседнего села, что находится в 50 километрах. Так «дрова» обрели вторую жизнь, причем весьма яркую и интересную... «Я сохранила здание практически таким же, какое оно было – его просто переставили на новое место. Этому дому более века. Я прибавила лишь террасу сзади, веранду спереди да еще мезонин», – говорит Ирен Кому.

Петрушовская усадьба как музей, наполнена самыми разными «экспонатами», которые хочется долго изучать и рассматривать

Чтобы здание сохранилось в первозданном виде, перед транспортировкой все бревна были пронумерованы, а потом заново расставлены по своим местам. После того как прошел этап строительства и отделки, здесь началась настоящая жизнь русской усадьбы. С домашними спектаклями, музыкальными вече-рами, уроками езды на пони, углубленными занятиями математикой, балетным классом, художественной мастерской...

Дети Ирен выросли на этой земле и сегодня, хоть и живут далеко, охотно приезжают в Петрушово, ведь в этом далеком от изысков цивилизации углке прошло их детство – они ходили в детский сад в соседнем селе, начинали свою учебу в местной школе. Они знают, что такое настоящая, не столичная Россия...

Бревна старого дома перед транспортировкой были пронумерованы, а затем каждое бревно вновь заняло свое место. Номера сохранились и сегодня, как будто запечатлев момент рождения усадьбы...

ВСЕ-ТАКИ РУССКАЯ...

Конечно, поначалу появление столь необычных обитателей в деревне вызвало чрезвычайный интерес местных жителей. «Ко мне приходили с самыми разными вопросами, просто находя предлог, чтобы посмотреть на меня, – со смехом вспоминает Ирен. – Я на все вопросы отвечала, а кроме того, с удовольствием покупала у местного населения предметы старины, советского быта, варенья, соленых, которые они мне предлага-ли – в те годы у людей в стране было очень напряжено с день-гами, реализовать свои запа-сы было некуда, а я была рада приобрести экологически чи-стые продукты». Ирен и сегодня восхищается здешней снедью, с гордостью рассказывая, что зи-мой на ее столе овощи, фрукты и ягоды со своего огорода. А уез-

До своего приезда в Петрушово Ирен была знакома лишь с бешеной Москвой 90-х. Попав в глубинку, русская француженка поняла, что именно здесь – истинная Россия

жая в Москву, обязательно везет с собой бутылки с водой – говорит, вода здесь чистая и вкусная, в столице такой не найти. Прялки, веретёна, глиняные горшки, купленные у деревенских жителей, гармонично вплелись в обстановку петрушовского имения. Наверное, здесь сыграло свою роль французское чувство красоты – оно помогло Ирен создать удивительно органичный интерьер, несмотря на смешение стилей. Самые разные детали витиевато соединились и создали усадьбу с русским размахом и французской изысканностью. Сегодня местные жители привыкли к своей француженке, с радостью указывают путь к местной достопримечательности, а на вопрос, расположены ли хозяева усадьбы к общению, весело сообщают: «Да они расположены больше, чем мы!»

Шутя, петрушовцы зовут Ирен «наша помещица». Сама же «помещица» охотно участвует в деревенских праздниках, всегда откликается на просьбы соседей. Словом, петрушовцы давно воспринимают ее как здешнюю жительницу, да и сама она, похоже, в полной мере чувствует себя местной. И, между прочим, помимо Кому в Петрушове есть и другие подобные «местные» – вслед за Ирен сюда перебралась семья одного французского бизнесмена, здесь живет экс-балерина Большого театра, предан деревушке бывший советник президента РФ... Можно сказать, что село в глубинке Рязанской области привлекло немало представителей бомонда. В чем секрет притяжения Петрушова, сказать трудно. Вроде бы все здесь так же, как в других уголках Ря-

занской области, да и других регионов центральной части России. Но, может быть, именно в этой традиционности и кроется секрет петрушовской притягательности?

«Меня поразила история одного человека, жившего неподалеку отсюда в первой половине XX столетия. Он жил в лесу, ходил на охоту, делал чучела и писал пейзажи. Этого человека не затронули драмы века, потому что он был близок к природе, – делится Ирен Кому. – Здесь невероятные места, заповедная природа, невиданная красота... Сейчас возможности Интернета позволяют работать на расстоянии, и я очень надеюсь, что люди начнут возвращаться в такие места, к своим истокам. Здесь совсем другая жизнь. И я очень рада, что открыла для себя такую Россию».

ПОДНЕБЕСНАЯ ЗАМОТАЕВЫХ

БЕСЕДОВАЛ

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

АЛЛА ШЭН – ОДНА ИЗ ПОСЛЕДНИХ ПОТОМКОВ СТАРОЙ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ШАНХАЕ. ВНУЧКА ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАКА, ДОЧЬ ПЕРВЫХ РУСИСТОВ КИТАЙСКОГО ШАНХАЯ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА С ПОЛУВЕКОВЫМ СТАЖЕМ.

ДОМА У АЛЛЫ ШЭН уютно – самовар, хохломские ложки, картина «Неизвестная», красный угол, старая семейная икона... Гостеприимная хозяйка показала распечатку краткой биографии своего деда, не так давно полученную в российском генконсульстве. «Замотаев Алексей Ильич, 1884 года рождения, подъесаул, участник Тургайского похода, старший офицер конвойной сотни личного отряда атамана А.И. Дутова... Место проживания: Китай, Кульдже. Арест: 09.08.1941 арестован НКВД Каз. ССР. Осужден 03.07.1942 <...> Расстрел».

– После Гражданской войны, – рассказывает Алла, – дедушка с бабушкой бежали в Синьцзян (северо-западный район Китая, ранее известный как Восточный Турке-

стан. – Прим. авт.) и поселились в городе Кульдже. То есть почти сто лет назад. Моя мама, Нина Алексеевна Замотаева, родилась уже в Китае в 1923 году. Училась в русской гимназии, директором которой была бабушка. Недавно я разговаривала с нынешним директором русской школы в Кульдже. Так представьте: бабушку до сих пор там помнят. Сохранился даже «Орфографический сло-

Алла Шэн старается, чтобы в ее семье все хотя бы немного знали русский язык

Орфографический словарь, составленный Верой Васильевной Замотаевой. Издание культурно-просветительского отдела Русского общества в городе Кульдже. 1937 год

варь русского языка», составленный бабушкой и напечатанный в Кульдже в 1937 году.

– Что вам рассказывали родители о русской колонии в Синьцзяне?

– Время было такое, что много не рассказывали. И сами мы не спрашивали, потому как с детства нас приучали лишних вопросов не задавать. Насколько помню, в Кульдже у нашей семьи была хорошая квартира, нанимали прислугу. Бабушка помимо работы в школе искусно вышивала, ей делали заказы на роскошную вышивку. Среди русских Кульджи были состоятельные люди, жившие в усадьбах. Разбогатели они, как говорили, торговлей с Индией, куда из Синьцзяна вели прямые караванные пути. В Кульдже у русских все было свое: школа, магазины, пекарни, врачи. Летом в горы ездили, ягоды и грибы собирали. Яблоки или картошку не килограммами, а телегами покупали. Жили мирно. Мама вышла замуж за Шэн Чунсюуна – моего отца. Он хоть и был природный китаец, но воспитанный в европейском духе, знал английский язык, окончил Фуданьский университет по банковскому делу. После того как пропал дед, маме нужно было выйти замуж, чтобы у семьи была надежная опора.

– В августе 1941 года НКВД, видимо, очень важным делом занимался в китайской Кульдже, когда немцы уверенно продвигались к Москве?

– Просто ночью пришли домой и забрали деда, якобы на какую-то встречу. Так он и пропал. Потом уж стало известно, что это Сталин договорился с китайскими властями таким образом всех царских офицеров в Синьцзяне извести. В нашей семье потом еще долгие годы боялись вспоминать деда – бабушка его со всех совместных фотографий ножницами вырезала.

– Вы говорите, ваш отец был по-европейски образованным человеком. Как же он оказался в такой далекой провинции за 4500 километров от Шанхая?

– Отец родом из Шанхая, но после окончания университета ему предложили работу в Синьцзяне, обещая хорошую зарплату и быстрое продвижение по службе. Затем – лет семь мне тогда было – мы всей семьей стали перебираться с места на место: Урумчи, Ланьчжоу, Пекин. В Пекине два года прожили. Папа работал в Центральном банке, мы снимали огромную квартиру с небольшим садом при этом же банке. Помню, у нас собирались много гостей, устраивали настоящие балы – человек сто вальс танцевали.

В 1949 году отца перевели в Шанхай. Тогда здесь некоторое число русских эмигрантов еще оставалось. Мы жили на Хуайхай чжун лу – самой «русской» улице старого Шанхая. Наша квартира была в доме, где сейчас расположился Банк Китая. Из восьми квартир в доме семь занимали русские семьи. Бабушку взяли корректором в редакцию газеты «Русское слово», работала она и на радиостанции. А затем бабушка и мама стали первыми преподавателями Школы русского языка, которая потом превратилась в Институт и Университет иностранных языков. Я в этом университете на факультете русского языка уже 35 лет работаю.

– А ваш отец освоил русский язык?

– По-русски он говорил очень плохо, но общаться с русскими ему было интересно. В нашей большой гостиной постоянно собирались русские или, во вся-

ком случае, русскоговорящие – поляки, немцы, китайцы. А мы всей семьей посещали Русский клуб. Встречи, литературные и музыкальные вечера, детские елки тогда еще регулярно устраивались в клубе. Я учились игре на фортепиано и балету. От моей учительницы музыки Елены Антоновны Надеждиной у меня сохранилось старинное колечко, которое она подарила мне перед эмиграцией во Францию.

Каждое воскресенье мы с бабушкой ходили в русскую церковь. Как сейчас помню утро на нашей улице: тротуары мокрые – каждый мыл его возле своего дома, стоит запах кофе и гвоздик... Лет десять назад я встретила нашего последнего дьякона, Евангела Лу. Он меня узнал. Ты, говорит, Алла, маму зовут Нина, бабушку – Вера. После того что мы пережили, эти слова настоящим откровениемкажутся! Помнил он нас, потому

Праздничный вечер в Русском клубе в Шанхае. На переднем плане – бабушка Аллы Вера Васильевна

что отец Евангел и отец Михаил к нам часто на церковные праздники приходили. Любила я русские праздники, сама атмосфера стояла такая праздничная! На Пасху – куличи, на Вербное воскресенье – вербы. Раньше здесь в зарослях по берегам рек легко можно было найти вербы. На Троицу все зеленое в храме было – конечно, берез здесь нет, какие уж деревья облавливали, сейчас не помню.

А на китайские праздники мне совсем неинтересно было. Поэтому что приходили папины служивцы-китайцы, и я целыми днями на кухне для них готовила. Меня подруги звали гулять, а я только на третий день могла выйти – первые два дня за плистой стояла.

– А какие блюда вы готовили – китайские или русские?

– На китайские праздники – китайские, на русские – русские. Всему научилась. Русским особенно нравились котлеты покиевски, винегрет, борщ, беляши, зеленые щи, голубцы, блины, баклажанная икра, русские пельмени, где только лук и мясо. Бабушка научила меня и русские пироги печь. У нас была печка американская – на угле. Каждая семья могла на год 2 тонны угля взять. Этого хватало. А как на газ перешли, так я уже давно никаких пирогов не пеку.

– Бабушка или мама вели дневники, писали мемуары?

– Мама говорила, что если писать, то только правду. А правду писать нельзя было. Что говорить о прошлом, когда вот, пару лет назад, известный русист Ван Чжи-чэн задумал вместе со мной книгу написать о жизни русских эмигрантов. Подготовил проект для руководства университета. Одобрения не получил. Или другой случай: в университете взялись написать историю становления вуза. Пришли ко мне с вопросами. Я рассказала правду – ее не приняли. Им хотелось, чтобы в развитии университета главную роль играла партия, руководство вуза, а я им про каких-то русских преподавателей рассказываю. Мама

и бабушка работали в вузе с момента его открытия в 1949 году. Они же собрали 120 первых преподавателей. Это были старые русские эмигранты – врачи, инженеры, рабочие, обслужа. Мало кто из них имел педагогический опыт, и мама с бабушкой готовили их преподавать русский язык китайцам. Конечно, они писали разные учебные пособия и раньше, но у меня сохранился учебник русского языка для китайцев, написанный Замотаевыми в 1963 году. А всего мама с бабушкой проработали в вузе более тридцати лет, сколько у них было учеников и скольких Замотаевых преподавателей воспитали – не сосчитать.

– Как сложились судьбы этих 120 русских преподавателей?

– Почти все разъехались еще до «культурной революции» – в Советский Союз, Америку, Австралию, Францию. Большинство, конечно, в СССР уехало. Здесь такие советские фильмы крутили! Смотрели – радовались, такая там счастливая жизнь. Мы тоже собирались на родину, хотя отец серьезно задумывался: чем, говорит, я буду там заниматься? А в то время загранпаспорта выдавали сроком на три месяца. Пока мы советскую визу оформляем, собираем документы, подтверждения от родственников ждем – паспортам выходит срок. То паспорт есть – визы нет, то визу дают, а паспорта нет, то отец тянет время. Кроме того, письма от уехавших друзей стали приходить странные. Писали примерно так: у нас все хорошо, но вы не торопитесь переезжать. Вот Аллочка университет окончит, тогда и приедете. Какой университет? Я тогда еще только в средней школе училась. И ясно было, что все письма до нас читали – на конвертах проступал сырой клей. В 2001 году я была в Краснодаре у лучшей маминой подруги. Она рассказывала, что им в советском консульстве в Шанхае советовали забирать все имущество – все перевезем. Они даже фортепьяно с собой повезли. А как поезд дошел до Сибири, высадили всех просто в поле, в снег, вместе с этим пиа-

Первые преподаватели Школы русского языка в Шанхае, выросшей в Университет иностранных языков.
1950-е годы

нино – как хотите, так и живите. С большим трудом им потом удалось в Краснодар перебраться.

– А после начала «культурной революции» в 1966 году они, наверное, радовались, что вовремя уехали?

– Мало кто знал, что здесь происходит. Маму без суда пять лет в одиночной камере prodержали. Отца в лагерь для умалишенных отправили. А меня, как старшую дочь, вызывали на допросы. Дома у нас три раза обыск устраивали. Забрали штук пятьсот семейных фотографий, книги, журналы, даже все ноты мои унесли. Хунвейбины могли в любой момент заявиться домой и унести что угодно. Русские книги кое-какие оставили – подозрительные они или нет, отбирали просто по обложке. Так у меня сохранился роман «Следы лаптей» Павла Северного, с дарственной надписью автора маме... Церкви закрыли, религию запретили. Даже православные китайцы не могли собираться в своих домах для молитвы. Если вдруг к кому-то много гостей пожаловало, соседи сразу донесут. И придут хунвейбины разбираться, по какому слушаю собрание.

На маму пытались сочинить компромат как на шпионку. А она покитайски почти не читала. Не верили. И наш тогдашний декан сказал хунвейбинам, что иероглифы она знает, только притво-

ряется. Вот и пытали ее в тюрьме. Разговорным китайским мама хорошо владела, а письмо, как считал отец, ей не нужно изучать. Сейчас молодым рассказываешь, что творили хунвейбины – не верят, говорят, выдумываю. Мне же не верится, какие порядки царили в нашем институте и спустя годы после «культурной революции». Я об этом совсем недавно узнала. Оказывается, наши преподаватели, когда хотели навестить маму или бабушку дома, должны были писать заявление на имя декана. Как получат разрешение, тогда шли в гости. А после их в деканате расспрашивали: о чем вели беседу, что там Замотаева говорила?

– После заключения, надо полагать, вашей маме еще сильнее хотелось уехать?

– За пять лет, проведенных в одиночке, психика у мамы немного пострадала. Но она вернулась в институт, работала – так постепенно пришла в себя. И все же тяжелый осадок в душе у нее остался. Мама стремилась в Россию. Я ее успокаивала: сейчас, говорю, не та Россия Пушкина и Чехова, которую ты любишь. Она и сама это понимала. В институт постоянно приезжали преподаватели из Советского Союза, приходили к нам домой, беседовали. Я много раз была в России, а мама жалела, что так ни разу на родину предков не съездила – жалела до

самой смерти в 2008 году. Любила она Россию всей душой. Другие забывали нашу культуру, веру. Даже у наших последних священников, Евангела Лу и Михаила Вана, только старшие дети были крещеные. В их семьях уже ни во что не верили. После их смерти родственники отказались погрести священников похристиански – как обычных китайцев похоронили.

– *А где ваши мама с бабушкой похоронены?*

– Пока нигде. Дома у меня урны с их прахом стоят. Последняя просьба мамы была не оставлять ее в Китае. Стало быть, похоронить в России. Мне в российском генконсульстве обещали помочь в этом деле. Ну а кто, спрашивается, за могилой в России будет следить? Останется она на три-четыре года без ухода, и срывают ее с землей. Можно было бы похоронить маму в Германии, где сейчас моя дочь живет. Но мама никакого отношения к Германии не имеет...

– *Вы говорите, что учеников Замотаевых не сосчитать. А своим ученикам вы ведете счет?*

– За 35 лет работы на факультете русского языка у меня было 2100 студентов, за десять лет работы на подготовительном факультете – 800 стажеров, на вечерних курсах – 360 студентов. В качестве преподавателя китайского языка я работала в российских университетах; в Шанхае – в консульствах России, Украины, Сербии, Черногории; много частных учеников – здесь уж никакой статистики нет.

Со студентами мы сначала знакомимся с классическим русским языком – языком Пушкина и Лермонтова. Потом переходим на Чехова. Я думаю, язык Чехова наиболее подходит для студентов-руссистов – он очень доступный, простой и в то же время красивый и ясный язык. Современный русский язык мне не всегда нравится. Даже преподаватели нашего факультета жалуются: смотрим новые российские фильмы и половину не понима-

Алла Шэн
на фоне
кафедрального
собора в честь
иконы Божией
Матери
«Споручница
грешных»
в Шанхае.
Рубеж
1950–1960-х
годов

ем – какая-то странная жаргонная речь. В этом смысле в России с языком происходит то же самое, что и в Китае. Если у нас старик посидит дома полгода, то потом на улице он не поймет, о чем говорит молодежь.

– *Алла, вы – один из немногих людей, кто чувствует русскую душу так же, как и китайскую. Могли бы вы сравнить эти две души?*

– Русские и китайцы – совсем разные люди. Мораль, нравственность, образ мысли, стремления – все по-разному. Конечно, если сегодня посадить рядом русскую и китайскую молодежь, у них будет много общего: найти хорошо оплачиваемую работу, жить в просторной квартире, ездить на престижной машине, найти любимого человека. А традиционный менталитет совсем непохож. Например, русские могут сегодня на работе поругаться – завтра как ни в чем не бывало общаются. А китайцы если повздорили, то это почти навсегда. Они это прекрасно понимают, поэтому, прежде

чем ссориться, хорошо подумают. Юмор – тоже разный. Сколько раз приходилось слышать от русских преподавателей, что на невинную шутку китайцы косыми взглядами отреагировали. А смеются над какой-нибудь несчастной собачкой, вместо того чтобы ее похалеть. Помню, рассказывала нашим студентам обычное русское назидание о том, как мальчик делил груши. Мальчик всем детям груши раздал, причем самые лучшие, себе же маленькую оставил. Китайцы не поняли: зачем, спрашивают, всем груши давать – может быть, кто-то их совсем не любит, и почему себе – маленькую? Русский мужчина совершенно естественно может сказать женщине: как вы хорошо выглядите, вам так идет это платье! От китайца никогда такого не услышишь! Потому что эти слова будут переданы его жене, и она ему взбучку устроит.

– *А если говорить о высоком искусстве: похожи, например, русская и китайская литература?*

– Поэзия очень разная. Русская – почти всегда явно рифмованная. И поэт явно передает, скажем, какой пейзаж он увидел, какие мысли и чувства в нем родились. А китайская – даже пейзажная лирика – очень немногословна, мысли явно не высказываются, подразумевая широкий подтекст. Например, путешественник смотрит на луну, потом на лунные тени на земле – и никаких подробностей. А подтекст такой, что он скучает по родине, что его родные сейчас также смотрят на эту луну.

– *Вы занимаетесь переводами?*

– Однажды я переводила небольшие русские произведения на китайский язык для гонконгского издательства. Чтобы переводить, нужно жить в спокойной обстановке. А я о бабушке и маме заботилась, о детях, сейчас – о внучке. Всегда мое дело – преподавать русский язык, и, пока есть силы, дай бог, еще не одну сотню китайцев научу говорить по-русски и любить русскую литературу.

КОЛЛАЖ ОЛЕГА БОРОДИНА

АРИФМЕТИКА СЕМЬИ

АВТОР

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

ГЛАВНЫЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ МАГАЗИН У НАС – ЧЕРЕЗ ДОРОГУ. НАЗЫВАЕТСЯ ОН «ПРОДУКТЫ». НО ВЕСЬ ОКРЕСТНЫЙ НАРОД ЗОВЕТ МАГАЗИН ИНАЧЕ. «НА ГОРКЕ» – ВОТ КАК. В САМОМ ДЕЛЕ, ИДЕШЬ К НЕМУ ОТ ДОМА СНИЗУ ВВЕРХ. ЗАТО ОБРАТНО ВЕСЕЛЕЙ: КАК ПОД ГОРКУ КАТИШЬСЯ, НОГИ САМИ БЕГУТ. В ПРАВОЙ РУКЕ – СЕТКА.

МАГАЗИН У НАС – длинный, потолок высоченный, белый, окна огромные. Слева – овощной отдел, оттуда резко пахнет квашеной капустой и солеными огурцами. Затем, правее – рыбный, а дальше – мясной. В эти отделы мы с сестрой пока не ходим. Потом идет бакалея, а за ней гастрономия, где молоко, сыр, колбаса и масло, последний, самый правый –

хлебный отдел. Есть еще винный, но туда отдельный вход с улицы.

В магазине две кассы. Вот, приходишь, к примеру, с задачей – купить два молока, полкило сливочного масла, триста граммов докторской колбасы и столько же голландского сыра, а еще батон и половинку черного. Встаешь в очередь в гастрономию. Очередь обязательна! Без нее не бывает, ведь каждому

надо взвесить, отрезать, завернуть в бумагу и написать на ней цифру и сказать покупателю, сколько ему пробивать. Запомнил цифру, идешь в кассу – выбываешь в нужный отдел. Снова идешь к прилавку. Чек отдаешь без очереди, тебе выдают твои свертки. Масло, сыр, колбасу и две бутылки молока. Уфф... Теперь за хлебом, тут быстрее. Тут можно заранее чек пробивать. Половинка черного и батон – это 22 копейки, это каждый дурак с детства знает.

А если рис, или сахарный песок, или гречка – тоже не быстро. Ведь все это берут из больших серых матерчатых мешков железным совком, сыпят в бумажный пакет и взвешивают и смотрят: верно ли? Как правило, надо досыпать до килограмма. Или, наоборот, отчерпнуть. Плохо стоять за пузатой теткой, уж она-то наверняка полмагазина взвесит и обязательно поругается с продавщицей. Или продавщица с ней.

Я с детства знал – хуже продавца нет работы. Весь день на ногах... Что-то режешь, взвешиваешь, отмеряешь. А кругом одни недовольные. И есть еще те, кто просит колбасу на кружки порезать,

им так закусить удобнее... Вот, им режут полкило аппетитными розовыми дольками, а ты тут стой за сметаной. За сметаной все приходили с собственной банкой. Сначала на весах банку взвешивали. Потом из бака половником черпали в нее сметану, уточняя: «Под горлышко?» Взвешивали банку со сметаной. Молниеносно вычитали вес твоей тары. Сообщали окончательную цифру. И ты плелся в кассу. Плохо быть продавцом. Да и покупателем тоже не очень...

Я старался хитрить. Пусть сестренка молоко и масло купит, а я – хлеб и картошку. Картошку куда интереснее покупать. И куда значительнее! Я уже 5 килограммов могу домой дотащить без отряха. И забавно так: сверху по невидимому желобу из-за прилавка тебе в сетку картоха со звоном сыплет! Надо сетку крепко и широко держать! Развязился, дал маху, не удержал – и половина на полу. Ходи, собирай потом, а над тобой очередь шутит. Уметь надо картошку ловить!

Да и запах тут приятный. Толстые соленые огурцы в бочке плавают... Их часто берут без очереди, штука за пятак, и подмигивают, объясняют, мол, водка стынет.

И очередь почти всегда одобряет. Когда водка стынет – не дело. Мы лет с десяти ходили «На горку» едва ли не каждый день. Придешь из школы, а дома записочка. А в ней – названия продуктов столбиком, напротив – цена. И рядом деньги оставлены. Поешь после школы – и в магазин...

Еще интересно за котлетами стоять. Котлеты на прилавке, только что разгрузили. Они на таких темных деревянных поддонах, их цепляют специальной железной лопаткой и заворачивают тебе в серую бумагу. А ты стоишь и прикидываешь, сколько осталось подносов. Если хватит, беру десяток котлет! Ужасно вкусные.

Очереди человек в пять-семь казались тогда большими. Когда я вырос, и очереди подросли.

Пять-семь – это уже не очередь, а так, курам на смех, повезло сегодня!

Сколько что стоило? Цепкая детская память легко ответит на этот вопрос. Вот, навскидку:

Котлеты – 12 копеек за штуку (прежде были по 6, но, почти как у Жванецкого, маленькие) Молоко – 30 копеек бутылка 0,5 литра (первые треугольные пакеты в пол-литра – 16 копеек)

Кефир – 30 копеек (ряженка – 39) Картошка – 10 копеек за килограмм

Мясо (говядина) – 2 рубля за килограмм

Треска – 56 копеек за килограмм (была всюду, вот судак – редко)

Колбаса «Докторская» – 2 рубля 90 копеек («Отдельная» – 2.20)

Сыр «Российский» – 3 рубля за килограмм («Пошехонский» – 2.60, «Голландский» – 2.80)

Масло сливочное – 3.60 («Вологодское» – 3.80)

Яйца – 90 копеек за десяток (диетические, покрупнее – 1.30)

Хлеб черный, «Дарницкий», «кирпичик» – 18 копеек

Батон нарезной – 13 копеек

Куры – 2.65 и 3 рубля за расфасованную, венгерскую

Сахарный песок – 90 копеек за килограмм

Сосиски – 2 рубля 20 копеек

Сардельки свиные – 2 рубля 20 копеек, говяжьи – 1.40

Икра красная – 4 рубля 20 копеек (баночка 140 граммов – большой дефицит)

Наше доблестное телевидение нынче любит угостить потребителя кадрами пустых советских прилавков. Ответственно докладываю: пустые прилавки в продовольственных магазинах появились в конце 80-х – начале 90-х годов, когда советскую власть начали перестраивать, а затем и уничтожать. До середины 80-х, по крайней мере в Москве, я не помню не то что пустых прилавков, но и очередей за продуктами с улицы. Очереди внутри магазинов были всегда, но в этих очередях прекрасно знали: не хватит сегодня, завезут завтра. И если сегодня тебе не хватило, то завтра, может, и повезет.

Очередям способствовала малая расфасовка товаров. А вернее, ее почти полное отсутствие. Как только появились «Универсамы», прозванные в народе «Сам бери», очередь в них сохранялась только в кассу. Но было их совсем немного в масштабе города, и ручной труд продавца оставался главным. Очередь двигалась медленно: взвесить, отрезать, насыпать, подсчитать... Да и поздновато появились «Универсамы». В нашем районе первый из них – напротив ЗИЛа, открылся, если не ошибаюсь, в 1975 году. Это было событие! Его даже отразили в школьной стенгазете, причем мой снимок, где покупатель сам (!) выбирает себе портвейн, после долгих споров прошел в печать... С каким удивлением смотрит он на бутылку. На фоне целой колоннады подобных емкостей, которые можно взять, посмотреть, выбрать без продавца.

Обычные районные продмаги работали ежедневно с 8 и до 20 вечера, а с 13 до 14 в каждом из них существовал обеденный перерыв. Магазины эти были вечными и неизменными, как день и ночь. Небольшим дополнением к ним были магазины «Кулинария», где полуфабрикаты, выпечку, рыбу и мясо можно приобрести за чуть большие деньги. Мы в них ходили в случае крайней необходимости, хотя очереди там поменьше, а самих «Кулинарий» по соседству хватало. Чаще всего приходили за шашлыком. Редко пользовались мы и дарами колхозных рынков, хотя Велозаводский рынок был неподалеку. Как правило, мы закупали там капусту на зимнюю засолку и редко картошку.

В борьбе с дефицитом хитроумная советская власть придумала «Столы заказов». В некоторых магазинах, как правило, одном на микрорайон, существовал отдел, где на витрине спокойно лежали – индийский чай со слоном, растворимый кофе,

было можно, составив заказ из четырех видов продуктов. Три из них – обязательно обыкновенные, рядовые, а вот четвертый – дефицитный. К примеру, ты мог взять молоко, макароны, сахар и... банку растворимого кофе. Иной раз, уже в средней школе, мы с сестрой выполняли и такие поручения, причем успешно! Наш «Стол заказов» находился бок о бок со стадионом «Торпедо», так что я никогда не отказывался от поездки на Восточную... Можно было глянуть на стадион, на ограде которого жестяные фигурки футболистов лесенкой определяли текущую табличку первенства. Под этой лесенкой ушли граждане с беломориной в зубах ожесточенно делились кулачными новостями и прогнозами. Конечно, постоишь, послушаешь подтряхнувших знатоков. Их лексика так далека от газетной... Заказ то вот он, выполнен, болтается в сетке. На сей раз это – стущенка. Две банки сразу!

Мой дядя, приезжая к нам в гости из Самары, строго следовал ритуалу. Прямо с вокзала дул в Елисеевский. Покупал там один и тот же набор – цельную треску горячего копчения и четыре бутылки пива, а затем уж направлялся к нам. Приезжал, здоровался, мыл руки и тут же со знанием дела располагался на кухне. Треска и пиво! Пиво и треска. Непременно горячего копчения. Косточки сами отделяются... Вкуснотища! Придешь из школы и уже по запаху в коридоре знаешь – дядя Сережа из Самары прибыл! Я в Елисеевском ни разу не был, но уважал заочно. Ишь, какие штучки там продают... Как-то дядя открыл для меня специализированный магазин «Сыр» на улице Горького, там, мол, тебе не здесь... Ну, я сгонял, постоял, купил... Сыр как сыр, ничего особенного, но оказаться так далеко от дома – интересно. Да и дядя похвалил.

В 1971 году мама завела вдруг расходную книгу. Вечером мы докладывали ей, что и куда ис-

тратили, а она записывала наши расходы в нужные колонки. Колонки были такие: дата, рубли, копейки, питание (продукты), прочие расходы (наименования).

Вот самая первая запись.

2 января. Питание

1.08 – масло сливочное

0.46 – хлеб

0.60 – огурцы

0.25 – лимон

0.25 – вишневый напиток

0.84 – буфет

0.60 – картофель

0.30 – молоко

0.35 – хлеб

Прочие расходы (они на листе справа от раздела «Питание»)

0.45 – дорога

2.60 – билеты в театр

1.28 – мороженое

1.60 – билеты в кино

Итого: Питание – 4.73. Прочее – 6.13.

Постепенно записи эти превратились в привычку, своеобразное хобби, стали нужными и родными, и если кто-то из нас ничего за день не тратил, то гордо сообщал: «Расходы? Не допустил!»

Мама с ее экономическим образованием занималась этой домашней арифметикой с особым удовольствием. Она считала, что такая наглядность расходов и доходов практична и правильна.

Лишь однажды спросила мужа – мол, не в тягость ли тебе? Отец ответил шутливо: «Мне с твоей книжкой, Аня, никакой ОБХСС не страшен».

И записи продолжались из года в год. И не только ежедневные записи. В конце, так сказать, каждого отчетного периода мама подсчитывала общие цифры. Например, сколько в месяц ушло на хлеб, сколько на книги? Сколько в год истрачено на газеты, сколько на посуду? Ну и, разумеется, как приход совпадал с расходом – за месяц, за год? Все эти графы и теперь любопытно сравнивать. Экономика нашей семьи выходила как на ладони. Графы были такие. В разделе «Питание» – хлеб, масло, молоко, молочные продукты, сыр,

мясо, куры, колбаса, рыба и так далее. А в разделе «Прочее» – мебель, посуда, одежда, обувь, кино, театры, книги, квартплата, лекарства, мыло, химия, взносы, подарки, путевки, дорога...

Приучала ли эта тетрадь к экономии? Безусловно.

К рачительному ведению домашнего хозяйства? Конечно.

К некоему планированию семейного бюджета? Разумеется.

Но самое главное, эта арифметика стала семейной традицией, интересом, потребностью, а не обязательной, вынужденной или навязанной кем-то догмой. Сколько мы истратили на питание в 1971 году? Пожалуйста, 2 тысячи 330 рублей 4 копейки. А в году этак... 1979-м? Вот, смотрите – 2 тысячи 584 рубля 92 копейки.

А сколько мы истратили на книги и канцтовары в 1977 году? Я как раз оканчивал школу, между прочим... Так... 198 рублей 23 копейки. А вот за бензин для нашего «москвича» мы заплатили в том году – 72 рубля 55 копеек.

Мама завершила свои расходные книги в 2016 году, призналась, что устала... И спросила – не выбросить ли их теперь, не скуче ли?

Мы все возразили. Мало того что в них вся арифметика нашей семьи за 45 лет... Шутка ли... Тут еще и готовый материал для кандидатской диссертации о ценах и жизни того времени. Нас никакая пропаганда не возьмет, сами можем взглянуть, что сколько в действительности стоило, сколько мы тратили, сколько заработали... Сколько разных параметров можно сравнить, сколько важных позиций вспомнить...

Мне кажется, у мамы получился хороший учебник по экономике семейной жизни.

Летом 1976 года в маминой книжке появился мой первый официальный, так сказать, доход.

22 рубля 50 копеек.

И расшифровка – практика.

Производственная практика после 9-го класса. Мы месяц вытачивали какие-то тяжеленные болванки для ЗИЛа на токарных станках. Брали из ящика черные железки. А возвращали их в ящик серебристыми, гладкими. Точить надо было в размер! В том учебном году, осенью, на всех вместо школьных уроков труда распределили по рабочим профессиям. В учебно-производственный комбинат. Я попал «в токаря», как говорили в нашем районе.

Лично мне нравилось. Мы учились на токаря в полуподвалчике чужой школы у метро. Там стояли станки, штук 30. Старые, списанные с завода, но в полном порядке. Назывались станки – «ДИП». И расшифровывались так: «Догнать и перегнать Америку».

Нравилось мне то, что в этот день не нужно было идти в свою, поднадоевшую уже школу, не нужно накануне готовить уроки. И то еще нравилось, что обед в этой школе был всегда одним и тем же и очень вкусным.

На первое – рассольник, на третье – компот. А вот на второе – гречка с биточками. Ну,

гречка как гречка... А вот биточки эти были с каким-то красивым, невиданным, острым соусом... Объеденье просто! Жалко, добавки не давали. Стоил обед, как и в нашей школе – 30 копеек.

В июне мы, уже кое-чему научившиеся, целый месяц работали по заданию ЗИЛа. И получили потом по ведомости первые деньги, причем суммы у всех вышли разные, в зависимости от сделанного.

«Вы на сделанное сейчас, ребята. На пятидневке», – объяснил нам мастер.

Я свои 22.50 истратил толково. На 15 рублей купил гитару. Ленинградскую модную шестиструнку. А за 7.50 – сумку на плечо, вертикальную, синюю, с карманчиком и двумя молниями. Блеск, а не сумка. И денег хватило – тютелька в тютельку. И эти расходы были тоже внесены в мамины книжки. А как же!

Как-то раз после школы зашли с приятелем в продуктовый на Пятой. Там его тетя в отделе «Мясо» как раз работала... Продавцом. Она сунула нам какой-то сверток. Украдкой. Стрельнув глазами по сторонам.

– Что такое?

– На счастье, – говорит...

Мы конспиративно развернули сверток подальше от магазина. Это были ломти настоящего окорока, который, наверное, только и ели все приличные пираты из книжек. Окорок – такой свежий, розовый, с белой жирной корочкой. Денег на хлеб у нас не было, зато аппетит был страшный. Мы съели окорок в минуту.

Чуть подташнивало от жирка, и думалось мне, я как теперь помню: «Ну и почему у нас такого окорока в магазине нет и никогда не бывает? Чтобы всем хватало, а не так вот – тайком, из-под полы...»

...И вот – бац! Окорок и все остальное съедобное появилось, пришло, приехало, свободно лежит в магазине... Выбирай на любой вкус! Ветчина, шейка, буженина, грудинка, корейка и прочие вкусности – в свободном доступе. Есть кусочком, а есть нарезанные. Готовые к немедленному употреблению. Бери – не хочу. И очереди стали смешные.

С едой в стране наконец-то стало попроще. И тут же выяснилось, что счастье... по-прежнему в дефиците. ☺

НАЧНИ С СЕБЯ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДВА ГОДА 76-ЛЕТНИЙ ПЕНСИОНЕР ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ НАЙДЕНКО НИ РАЗУ НЕ ЛЕЖАЛ НА БОЛЬНИЧНОЙ КОЙКЕ. НАПРАСНО ЛЕЧАЩИЙ ВРАЧ ОЛЬГА ПЕРЕЛЫГИНА ТРИЖДЫ ПРЕДЛАГАЛА ЕГО ГОСПИТАЛИЗИРОВАТЬ, УВИДЕВ, КАК ТЯЖЕЛО ЕМУ ИЗ-ЗА БОЛЬНОГО СУСТАВА ПОДНИМАТЬСЯ ПО ЛЕСТНИЦЕ. ВОЗМУЩЕНО СТУЧА СВОЕЙ СТАРОЙ ДЕРЕВЯННОЙ КЛЮШКОЙ, ПЕНСИОНЕР ЗАЯВИЛ, ЧТО, ПОКА СКОРАЯ ПОМОЩЬ ЕГО В БОЛЬНИЦУ НЕ ПРИВЕЗЕТ, САМ ОН ДОБРОВОЛЬНО НЕ СДАСТСЯ.

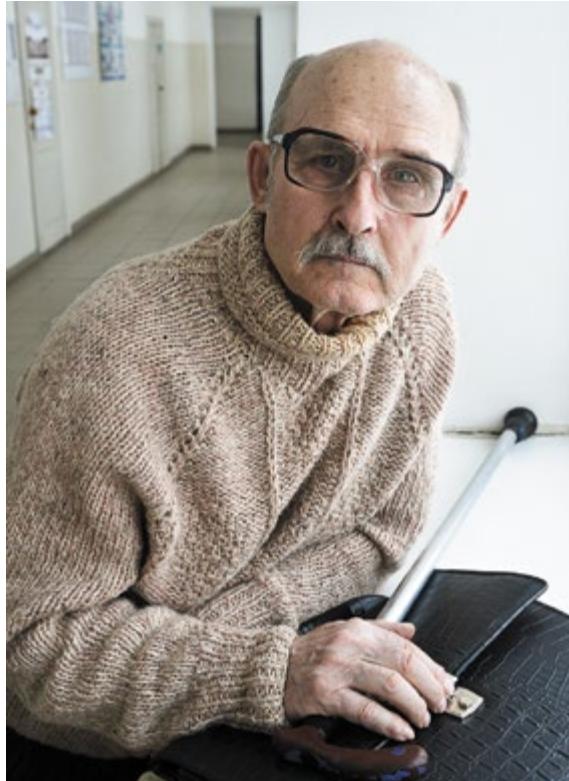

ТО ЖЕ САМОЕ ОН ЗА-
явил и главному врачу
Краснобаковской рай-
онной центральной
больницы Людмиле Быстро-
вой. И добавил: «Пока не от-
ремонтирую все палаты, сам
не лягу в больницу! Это мой
принцип!»

Дело в том, что Василий Петрович уже второй год ведет ремонт больничных палат терапевтического отделения районной больницы на средства, собранные им с помощью своих земляков. Приобретенные на эти деньги стройматериалы передаются больнице по договору безвозмездного дарения, а лечебное заведение ведет ремонт. Под наблюдением Найденко.

Нельзя сказать, что этот необычный проект – спасение для больницы. За счет областного бюджета в ней уже отремонтированы детская консультация, детский стационар, гинекологическое отделение, этаж клинико-диагностической лаборатории, второй этаж хирургического корпуса. А инфекционное отделение и двухэтажная поликлиника отремонтированы на средства местного бюджета. Но до ремонта больничных палат терапевтического отделения дело не доходило. И тогда пенсионер предложил их сам благоустроить.

Сначала Василий Петрович назвал свою инициативу «Делай добро», а потом переименовал в «Народный проект». Ему осталось привести в порядок всего две палаты. И тогда можно будет подвести итог: все 20 палат терапевтического отделения будут отремонтированы на собранные Найденко деньги. Василий Петрович планирует управиться к концу мая и затем отрапортовать о завершении проекта перед общественностью. Правда, на этом пенсионер останавливаться не собирается: в планах Найденко – сбор народных средств на благоустройство больничной территории.

С этим
портфелем
и клюшкой
Василий
Петрович
обил пороги
кабинетов всех
чиновников
и состоятельных
людей района

МЫ ПРОСТО ПОМОГЛИ

Жители поселка Красные Баки уже привыкли к тому, что Василий Петрович не расстается со своей деревянной клюшкой, обмотанной синей изолентой, и пухлым кожаным портфелем. В нем он прячет списки жертвователей и пачку купюр, перехваченную канцелярскими скрепками.

Этот портфель пенсионер крепко прижимает к груди, сидя на скамейке в больничном коридоре. Сегодня он должен был встретиться с очередным жертвователем, а также увидеться с заместителем главного врача по хозяйственной части Сергеем Царевым. Цареву поручено по мере возможностей выдавать Василию Петровичу санитарную «буханку» для поездки за стройматериалами в Нижний Новгород. Но сегодня машина нужна для других целей, а жертвователь, обещавший профинансировать покупку линолеума, утром уехал в город по делам. Пенсионер делится со мной заботами: «Он потом обещал деньги передать! И прошу вас не говорить, что, мол, вот пришел Василий Петрович и спас боль-

ницу. Мы просто помогли. Для себя ведь! Больнице какая разница? Им главное – лечебный процесс соблюдать. А мы не хотим ждать, когда по бюджету отремонтировать получится... Мы сейчас хотим лежать в благоустроенных красивых палатах». Обычно Василию Петровичу дают возможность встречаться по делам с людьми в хозяйственном или юридическом отделах, но сейчас там – посетители, так что мы ведем беседу в коридоре. Тем, что его «выставили» в коридор, пенсионер ничуть не смущен. С секретарем в приемной главного врача он говорит так, будто это и его секретарь. А как он лихо командует на третьем этаже, где завершается ремонт больничных палат! По просьбе персонала больницы было решено отремонтировать и процедурный кабинет. Но электрик лампы повесил так, что свет падает на ноги, а не на руки. А ведь тут капельницы ставят пациентам. Поэтому медсестра процедурного кабинета просит Василия Петровича дать команду переместить лампы. «А не наковыряют они лишнего? – задумывается пенсионер. – Слушайте, а давайте еще дополнительно лампы повесим! Два светильника. Деньги я найду!» «А мастера не заляпают стены? – беспокоятся женщины-маляры, глядя на недавно оштукатуренные стены и потолок. Василий Петрович стучит клюшкой по полу и грозно смотрит на маляров. Становится ясно, что электрики ничего не «залипают». Себе дороже. Вон, санитарки в больнице до сих пор, как видят Найденко, так сразу швабры свои прячут. А все почему? Не так давно Василий Петрович сделал им строгий выговор: они неаккуратно отжимают тряпки, грязные брызги пачкают новенькие обои. А он не намерен позволять портить отремонтированное на народные деньги. Василий Петрович по-хозяйски открывает дверь больничной палаты №2 и предлагает полюбоваться: потолок, обои, плинтуса – все свеженько. Новые

кровати, под каждой – выдвижной ящик. Новенький линолеум и новая сантехника. Все это – и ремонт, и обстановка – сделано и приобретено на народные деньги. Единственное, что появилось здесь бесплатно, – это симпатичный пейзаж, красующийся на стене. Картину эту подарил художник, который отбывает наказание в колонии, расположенной неподалеку от больницы. Василий Петрович об этом с ним договорился. Пациентки в палате оживляются. Учительница русского языка и литературы Маргарита Самсоновна Серова рассказывает, что лежала в этой же палате полгода назад. Рассказывает, что все тогда не понравилось: стены облезлые, все вокруг старое. На середине рассказа она умолкает и присматривается к Василию Петровичу: – Так вы – Найденко?! Я слышала о вас! Мы вами восхищаемся. Посмотрите на этого хорошего человека! – кричит она своей соседке. – Он один старается для всех! Соседка торопливо надевает очки и тоже всматривается в Василия Петровича, который в Краснобаковской больнице – большая знаменитость.

За ремонтом
больничной
палаты нужен
глаз да глаз...

Во всех других отремонтированных больничных палатах Василий Петрович демонстрирует примерно то же самое: обои, потолки, кровати, светильники, санузлы. Все новое! Даже картины на стене в каждой палате.

...Чтобы
сдать потом
в состоянии,
за которое
не будет стыдно
перед народом

Двухместная больничная палата №13 выглядит скромнее всех тех, которые Василий Петрович только что показывал. Но в ней он задерживается. Здесь – тоже обои с тиснением, побеленный потолок, новенький линолеум. Пейзажик на стене. На одеяле приютились старенькие очки пациента, который ушел на процедуры. Поблагодарить Василия Петровича некому. Но у двери в скромной деревянной рамке – небольшой листок, надпись на котором сообщает, что эта палата отремонтирована на личные средства жителя поселка Красные Баки Василия Петровича Найденко. Да, именно эта палата стала первой, именно с нее начался ремонт всех других палат терапевтического отделения.

БЕСПОКОЙНАЯ ДУША

Василий Петрович родился в 1942 году в Одесской области, которая в тот момент была оккупирована немцами. Мать рассказывала ему о том, как пряталась вместе с ним от бомбёжки. В 1946 году семья вслед за отцом, который был спецпоселенцем, переехала на Нижегородскую землю, в поселок Быструха Краснобаковского района. Отец, врач-терапевт, вскоре умер. Хлеба не хватало. На питание в их нищей семье в трудные послевоенные годы шли и собранные картофельные очистки, и клевер, который толкли в ступе, чтобы сварить кашу. Маленькому Василию приходилось даже и милостыню просить. На нее жили помимо него мать и старший брат, который собирает подаяние стеснялся. Василий Петрович рассказывает, что люди порой выносили ему на крыльце еду со своего стола.

В 1952 году мать вернулась с сыновьями в Одесскую область. Но после школы Василий Петрович вернулся на Нижегородчину – учиться. Отсюда же отправился по комсомольской путевке на строительство Западно-Сибирского металлургического комбината. Работая там, окончил вечернее отделение института по специальности «промышленное

и гражданское строительство», потом служил в системе МВД, затем жил в Якутии на берегу Северного Ледовитого океана. Позже вернулся на Украину, но в итоге решил жить в России. В 2003 году он уговорил жену, Римму Николаевну, переехать в то самое нижегородское село Быструха, где жил в детстве. Переехали. Василий Петрович пообжился, огляделся и... решил помочь селу. Был в Быструхе фельдшерско-акушерский пункт, где в старом промерзающем здании лекарства в ампулах превращались в лед. Найденко добился разрешения от областного Минздрава не только ФАП сохранить, но и новое здание под него получить. Затем он организовал строительство стадиона для детей, чтобы они на огородах не играли в футбол. Когда рядом тянули газопровод, уговорил строителей сделать насыпную дорогу до Быструхи. Провел уличное освещение. А звание почетного гражданина села Василию Петровичу присвоили после эпопеи, связанной со строительством железнодорожной платформы на станции Быструха. Раньше люди на электричку запрыгивали прямо с земли, как в военные годы. Пожилые подсаживали друг друга. А спрыгивая, бывало, и ноги ломали. Гору писем написал Василий Петрович, пока распоряжение о строительстве платформы не отдал сам начальник РЖД. Возводили платформу из бетонных плит под личным наблюдением Найденко. Это он уговорил бригадира строителей поднять платформу на 10 сантиметров выше, чтобы пожилым людям было удобнее в поезд садиться. Вокзала на станции тоже не было. Стояло лишь техническое здание с окнами, зашвартованными решетками. Его переоборудовали в зал ожидания. У пенсионера получилось добиться даже ставки для работника, который перед приходом электрички открывает вокзал и подметает платформу. Человека на эту ответственную должность Василий Петрович подбирали сам.

«Рапорт»
главному врачу
Краснобаковской
ЦРБ Людмиле
Быстровой
Василий
Петрович делает
обстоятельный...

...А напутствия
медперсоналу
дает самые
строгие

В 2008 году чета Найденко перебралась в районный центр – в поселок Красные Баки. Здесь Василий Петрович два раза попал в больницу из-за больного сустава, а в третий раз его на скорой с гипертоническим кризом привезли в терапевтическое отделение. Главный врач больницы, Людмила Александровна Быстрова, получила сообщение, что пациент из палаты №13 просит срочно прийти к нему. И никого с собой из персонала не брать. Увидев главврача, Василий Петрович сразу признался, что в таких стенах у него настроение портится. В палате лет тридцать ремонта не было. На потолке шов, с ко-

торого крошки сыплются. Обои на стене потемнели от времени. А старое окно? Василий Петрович сообщил, что готов за свои средства заменить его на новое, пластиковое. Он уже связался с фирмой, узнал цену, его пенсии хватит. Людмила Александровна поблагодарила Василия Петровича за помощь и ответила, что больницей в терапевтическом отделении уже предусмотрена замена окон. Василий Петрович убедился в этом, когда на следующий год снова оказался в этой же палате. Старые, рассохшиеся окна были заменены во всем отделении. А вот потолок и обои остались прежними. Как и выгоревший, весь в заплатках, линолеум на полу. Как бывший профессиональный строитель, Василий Петрович составил дефектную ведомость. И вновь попросил о встрече с главврачом, которая не придала особого значения прошлогоднему разговору: ну, беспокоится пенсионер. И очень удивилась, когда Василий Петрович сказал, что хочет профинансировать ремонт всей палаты. «Если ты что-то хочешь

хорошее сделать, – объяснил он, – то начни с себя!»

Людмила Александровна выделила в помощь пенсионеру санитарную «буханку» для поездок в магазин, рабочего для закупки стройматериалов и своего заместителя по хозяйственной части Сергея Васильевича Царева для согласования действий.

Для ремонта палаты №13 пенсионер купил дорогую краску, высококачественную шпаклевку, обои с тиснением, хороший линолеум, а для новой раковины приобрел и зеркало. Не забыл выбрать и красивую филенчатую дверь. В общем, привез все, что требовалось для ремонта. Дальше – больше. Василий Петрович – помощник депутата

Законодательного собрания Нижегородской области Михаила Вячеславовича Манухина. К нему и обратился пенсионер, рассказал о своей инициативе и объяснил, что в отремонтированной палате должны стоять новые кровати. Но в депутатском фонде уже все было распределено до копеечки, и тогда депутат пожертвовал свои личные средства для покупки новых кроватей. С такой же просьбой Найденко обратился и к местному предпринимателю Михаилу Никандровичу Смирнову, который в это время как раз проходил лечение в той же больнице. В итоге денег хватило аж на 10 кроватей и 13 тумбочек. А из дома Василий Петро-

С этой палаты с несчастливым номером началось благоустройство всего терапевтического отделения...

вич принес картину и повесил ее в палате. «Для настроения», – объяснил пенсионер. Вот после всего этого по инициативе главврача Людмилы Быстровой у двери и появилась надпись в деревянной рамке, сообщающая о том, что палата отремонтирована на средства жителя поселка Красные Баки Василия Петровича Найденко.

– Когда моя Римма Николаевна увидела эту надпись в рамочке, то решила, что это неправильно, – смеется пенсионер. – Мы одна семья, а в надписи я один указан. Римма Николаевна выделила собственные деньги для покупки нового массажного стола для больницы. А заодно купили и специальный табурет для массажиста. И теперь в массажном кабинете на стене в рамочке висит надпись с именем моей жены.

«РВАНЫЕ» ПАЛАТЫ

«А что если развить свою инициативу и собрать деньги на благоустройство других палат?» – задумался Василий Петрович. Людмила Александровна неутомимому пенсионеру препятствий чинить не стала. Но поставила условие: с больных, которые лежат в палатах, ни в коем случае денег не собирать! Василий Петрович сразу согласился: призывать пенсионеров следовать его собственному примеру было бы неправильно. Надо обращаться к состоятельным краснобаковцам. Взял он лист бумаги, написал в самом верху свою фамилию, простоял против нее внесенную им сумму и пошел по людям – пожертвования собирать. Стучался в кабинеты чиновников, подходил к людям на улицах и даже у дверей магазинов. Многие из них в районной больнице еще не лечились. Всем им Василий Петрович напоминал, что у них есть родители, бабушки и дедушки, которым, когда они заболеют, потребуется стационар. И лечиться им будет гораздо комфортнее в хороших условиях.

Одним из первых Василия Петровича поддержал владелец

Наличием железнодорожной платформы, залом ожидания и указателем поселок Быструха обязан только хлопотам Василия Петровича

местной риелторской компании Михаил Михайлович Быстров. Он выделил средства для ремонта двухместной палаты. В отремонтированной палате тоже появилась рамочка с указанием фамилии человека, выделившего деньги на ее ремонт. Появилась и картина: живописным пейзажем Василий Петрович решил украшать каждую отремонтированную палату. Штатные маляры, электрики и сантехники больницы быстро убедились, что Василия Петровича на мякине не проведешь. Пенсионер тщательно следит, чтобы все делалось как надо: потолки сначала надо размыть от побелки, отскоблить шпателем, затем грунтовать, шпаклевать, шлифовать. Со стенами – такой же процесс. По требованию Василия Петровича им приходится зачастую второй и третий раз стены перекрашивать. Строгий пенсионер считает, что нельзя давать никакого повода для критики, раз ремонт больничных палат производится на народные деньги. Медперсонал и рабочие иногда даже жаловались Людмиле Быстровой на требовательность Найденко: мол, ведет себя Василий Петрович в стенах больницы ну прямо как главный врач! Я тоже сказал Василию Петровичу, что он командует в больнице как главврач. «Да? – улыбнулся в усы пенсионер. – Меня за глаза часто вторым главным врачом называют!»

...И все-таки, несмотря на то, что Василия Петровича уважают и даже побаиваются, несмотря на то, что к районному начальству он входит без стука, он остается человеком с протянутой рукой. Просить – тяжелый труд. Последний отказ Василия Петровича особенно возмутил: «Прощу человека помочь, не хватает денег на ремонт последней палаты. А он отказывает. Деньги собирает – дочь в Англию отправить. Что Геннадию Петровичу до наших «рваных» больничных палат...»

Все не отремонтированные палаты Василий Петрович назы-

На самом деле помощников у Найденко в десятки раз больше, чем на снимке. В первом ряду (слева направо): Наталья Виноградова, Анна Шилова, Галина Нохрина, Валентина Шудина, Галина Дмитричева. Во втором ряду (слева направо): Александр Лебедев, Михаил Михайлович Быстров, Александр Марцев, Михаил Сергеевич Быстров

Многие уголки Быструхи благоустроены стараниями пенсионера

вает «рваными». Словечко это появилось в его лексиконе после разговора с 81-летним пенсионером Алексеем Николаевичем Панфиловым, бывшим начальником цеха на местном деревообрабатывающем комбинате. Встретил он как-то Найденко в больничном коридоре и поинтересовался: почему имя Василия Петровича в рамочке в палате висит? «Да и твое могли бы записать!» – ответил ему Найденко. Узнав размер суммы, требуемой на ремонт двухместной больничной палаты, Панфилов загорелся: «Палата-то больно «рваная». Ну, бери «буханку» больничную. Выдам из своего банка!» Живет Панфилов далековато от больницы – в деревянном доме. Достал он из чулана стеклянную банку, завернутую в газету, и отсчитал

сумму. Лежал Панфилов в палате №14, рассчитанной на пять человек. А ремонтировалась на его средства палата №19, двухместная, но такая же «рваная». Кстати, Алексей Николаевич – единственный, кто пожертвовал деньги во время лечения в больнице. А потом при госпитализации стал просить положить его только в «свою» палату. Другие к этому не стремятся.

А Василий Петрович позаимствовал из лексикона Панфилова хлесткое определение и все старые палаты стал называть «рваными». Словечко прижилось. Но звучать ему в терапевтическом отделении Краснобаковской больницы, судя по всему, осталось недолго...

НАРОДНЫЙ ПРОЕКТ

Проект Василия Петровича Найденко материально поддержали уже 140 человек. Отремонтировано 17 палат терапевтического отделения Краснобаковской больницы, два процедурных кабинета, а для детского отделения на народные деньги приобретено 14 новых кроватей.

Когда этот материал был готов, стало известно, что Геннадий Петрович все-таки внял просьбам пенсионера Найденко и пожертвовал «Народному проекту» деньги, на которые была отремонтирована еще одна палата в больнице...

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.RU

**Во всех почтовых
отделениях России:**
по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог
Прессы России».
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

**В почтовых отделениях
стран СНГ:**
по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:
электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:
электронный каталог агентства
«МК-ПЕРИОДИКА» на сайте
www.periodicals.ru

**Корпоративная подписка
по Москве (доставка курьером):**
электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@russkiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru